МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО НАРОДНЫХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

СОЦІОЛОГІЯ.

8Е.50
Ш50

ЛЕКЦІИ

Г. Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА.

Московское Общество Народныхъ Университетовъ.

Ш 50

СОЦІОЛОГІЯ.

Лекціи
Г. Ф. ШЕРШЕНЕВИЧА.

156

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1910.

Texas 1953

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Исторія соціологіи. 5
II. Задачи и методы соціологіи. 22
III. Направленія въ соціологіи. 39
IV. Общество. 57
V. Общественный прогрессъ и эволюція . 73
VI. Общество и личность. 88
VII. Эволюція хозяйства. 106
VIII. Эволюція права. 124
IX. Эволюція государства. 139
X. Эволюція семьи. 156
XI. Эволюція собственности. 173
XII. Эволюція правосудія. 188

Лекція первая.

Предварительныя замѣчанія. Подъ именемъ соціологіи понимается наука объ обществѣ. Несмотря на то, что общественными вопросами умъ человѣческій интересуется давно, соціологія до сихъ поръ является одною изъ самыхъ молодыхъ и не вполнѣ сформировавшихся наукъ. Дѣло въ томъ, что ранѣе интересовались отдѣльными сторонами общественной жизни, напримѣръ, государственною, правовою, экономическою, и менѣе всего замѣчали само общество. Въ сущности весьма недавно обнаружено, что государство и общество — два несовпадающихъ понятія. Только съ этого момента получается новый предметъ для научнаго изученія, и соціологія выдѣляется изъ политики, какъ ученія о государствѣ.

Юность соціологіи, ея неоформленность, даютъ основаніе къ самымъ невѣроятнымъ представленіямъ объ этой наукѣ, распространеннымъ въ публикѣ. Посмотрите на книжные каталоги, и вы нерѣдко встрѣтите отдѣлъ: «соціологія и соціализмъ», хотя между этими двумя словами нѣтъ ничего общаго, кромѣ созвучія. Это же совпаденіе мало знакомаго еще слова съ хорошо знакомыми словами могло побудить русскихъ цензоровъ не

допускать къ переводу съ англійскаго книги Уорда, которая носитъ названіе «Динамическая соціологія», хотя содержаніе ея въ политическомъ отношеніи самое невинное. Впрочемъ, трудно винить въ такомъ отношеніи къ соціологіи лицъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ науки, когда даже въ самой ученой средѣ являлись попытки связать соціологію непосредственно съ соціализмомъ; такъ напримѣръ, по выраженію Энрико Ферри «соціологія будетъ соціалистическою или ея вовсе не будетъ». Но, какъ мало удачны были такія попытки, можно видѣть изъ того, что одни хотѣли оправдать соціализмъ данными соціологіи, а другіе утверждали, что соціологія является лучшимъ средствомъ отрезвленія умовъ отъ соціалистическихъ бредней.

Въ дѣйствительности соціологія совершенно безпартійна. И это вполнѣ понятно, если мы примемъ въ соображеніе, что соціологія составляетъ науку о сущемъ, а не о должномъ. Она стремится раскрыть то, что есть, а не то, что желательно. Не даромъ одинъ изъ основателей соціологіи называлъ ее «соціальной физикой»: она должна изучать явленія общественности такъ, какъ физика изучаетъ внѣшній міръ. Конечно, всякую политику, всякое стремленіе измѣнить общественный строй примѣнительно къ идеалу слѣдуетъ строить на твердомъ и глубокомъ знаніи дѣйствиности, но невозможно смѣшивать дѣйствительный міръ съ идеальнымъ міромъ. Насколько мало связывается соціологія съ тѣмъ или другимъ политическимъ міровоззрѣніемъ, можно судить по

тому, что главные основатели нашей науки, Огюстъ Контъ и Гербертъ Спенсеръ, стояли на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія въ вопросахъ политики: тогда какъ первый отстаивалъ самое рѣшительное вмѣшательство государства въ частныя отношенія, другой, напротивъ, примкнувъ къ крайнему индивидуализму, столь же рѣшительно подчеркивалъ вредъ государственнаго вмѣшательства.

Цѣль настоящихъ лекцій не имѣетъ ничего общаго съ установленіемъ какихъ-либо новыхъ соціологическихъ взглядовъ. Даже больше, — я не предполагаю охватить и представить передъ вами весь соціологическій матеріалъ. Я имѣю въ виду только поставить передъ вами тѣ вопросы, какими занимается соціологія, направить ваше вниманіе въ сторону этихъ задачъ и предлагаемыхъ способовъ ихъ рѣшенія.

Прежде всего, однако, обратимся къ исторіи соціологіи, главнымъ образомъ, къ ея основателямъ, французскому мыслителю Огюсту Конту и англійскому философу Герберту Спенсеру, затѣмъ къ ея распространенію и современному состоянію.

Огюстъ Контъ. (1798—1857).

Огюстъ Контъ родился на югѣ Франціи, въ Монпелье, въ семьѣ маленькаго чиновника. Воспитаніе получилъ въ Парижскомъ Политехникумѣ, который съ самаго своего основанія твердо держался республиканскихъ убѣжденій. Не окончивъ этого учебнаго заведенія по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, Контъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и до конца жизни долженъ былъ бороться за свое

матеріальное существованіе, пробиваться частными уроками и вознагражденіемъ за участіе въ экзаменахъ. Понятно, что забота о завтрашнемъ днѣ не мало вредила свободной мысли философа. Не разъ на помощь ему являлся благороднѣйшій мыслитель англійскій, Д. С. Милль. Не менѣе тяжелой была та семейная борьба, которую пришлось Конту выдерживать изо дня въ день, вслѣдствіе несчастной женитьбы. Еще важнѣе оказалось вліяніе графини К. де-Во. Контъ, который строилъ всю философію на высшей способности человѣка—разумѣ, подъ вліяніемъ охватившей его любви, отвергъ разумъ ради чувства и превратилъ философію въ религію. Неудивительно, что такія условія жизни привели Конта къ сумасшествію. Поразительно то, что даже при подобныхъ условіяхъ человѣкъ могъ дать обществу такъ много, какъ это сдѣлалъ Контъ. Сильнаго человѣка не въ состояніи сломить тѣ «обстоятельства», на которыя такъ охотно ссылаются слабые. Среди другихъ трудовъ его выдѣляются, главнымъ образомъ, два многотомныхъ сочиненія: «Курсъ позитивной философіи» и «Система позитивной политики». Контъ не чуждъ былъ и общественной дѣятельности. Наканунѣ знаменательнаго 1848 года онъ составилъ, отъ имени комитета, адресъ королю, въ которомъ послѣднему указывалось на недовольство широкихъ народныхъ массъ его царствованіемъ и на настоятельную необходимость общественныхъ реформъ. Во время самой революціи онъ основалъ политическое общество подъ именемъ «Порядокъ и Прогрессъ», которое должно

было обсуждать политическіе вопросы текущей жизни и освѣщать ихъ съ точки зрѣнія позитивной науки. Еще ранѣе Контъ принялъ предложеніе взять на себя защиту лицъ, преданныхъ суду за участіе въ Ліонскомъ возстаніи, хотя это ставило на карту его послѣдній источникъ доходовъ.

Философскій обликъ Конта представляется не вполнѣ яснымъ. Въ то время, какъ одни готовы видѣть въ обоихъ его сочиненіяхъ развитіе одного и того же міровоззрѣнія и видятъ въ мыслителѣ вполнѣ цѣльный образъ, другіе, напротивъ, считаютъ, что между обоими произведеніями цѣлая пропасть и что трезвый ученый, какимъ является Контъ въ «Курсѣ позитивной философіи», уступаетъ мѣсто религіозному мистику и утописту, какимъ оказывается авторъ «Системы позитивной политики». Одни ученики принимаютъ его цѣликомъ, другіе совершенно отрекаются отъ второго періода его философскаго творчества. Спорнымъ до сихъ поръ является вопросъ, былъ ли Контъ по преимуществу философомъ или соціальнымъ реформаторомъ, искалъ ли онъ истины для истины, или же истина нужна была ему лишь какъ фундаментъ, на которомъ можно было прочно утвердить справедливость. Въ своемъ стремленіи провести общественный строй, который казался ему единственно обоснованнымъ, онъ обращался то къ Наполеону III, то къ Николаю I, то въ Турцію.

Насъ не касается эта сторона міровоззрѣнія Конта, и мы ограничимся только разсмотрѣніемъ

того, какъ понималъ онъ соціологію, отцомъ которой онъ, несомнѣнно, въ правѣ считаться, несмотря на то, что въ дальнѣйшемъ основанная имъ наука далеко ушла отъ преподанныхъ ей Контомъ началъ. Но представленіе Конта о соціологіи такъ тѣсно связано съ его общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ, что обойти его философію, при изложеніи его взгляда на соціологію, невозможно.

Контъ является основателемъ позитивизма или положительной философіи.

Позитивизмъ.

Что же такое позитивизмъ? Это направленіе философской мысли можетъ быть понято только по противопоставленію метафизикѣ. Метафизика ставитъ себѣ цѣлью раскрыть то, что̀ скрывается за явленіями, единственно доступными нашему опыту. Наши чувства даютъ намъ ограниченное и неточное представленіе о мірѣ. Постигнуть умомъ сущность этого міра, выйти за предѣлы того, что̀ намъ является въ чувствованіи — вотъ къ чему, главнымъ образомъ, стремится метафизика. Контъ требуетъ, чтобы философская мысль отреклась отъ метафизики, чтобы она поставила своею цѣлью высшее обобщеніе только того, что̀ можетъ быть усвоено научнымъ знаніемъ. Ея міръ — это міръ явленій, міръ постигаемаго опытомъ. Все, что̀ не можетъ быть усвоено чувствами, все сверхчувственное, должно быть отброшено. Вопросы о началѣ и концѣ міра, о цѣли, для которой существуетъ міръ, о смыслѣ человѣческой жизни, о безсмертіи души — все это безплодные вопросы, которые дол-

жны быть выброшены изъ позитивной философіи, какъ вопросы научно неразрѣшимые. Занятіе ими неспособно расширить міровоззрѣніе человѣка, потому что отвѣты на нихъ никогда не могутъ быть научно обоснованы.

Въ отношеніи общественныхъ вопросовъ позитивная философія должна отречься отъ той метафизической постановки ихъ, какая усвоена была въ XVIII вѣкѣ, особенно Руссо. Только метафизики могутъ воображать, будто языкъ люди создали, чтобы лучше передавать другъ другу свои мысли; что государство образовали путемъ договора для того, чтобы лучше охранять естественныя права; что религію выдумали жрецы для того, чтобы обманывать простодушныхъ и довѣрчивыхъ. Изученіе общества только тогда станетъ на твердо научную почву, когда общественныя явленія будутъ изучать такъ, какъ естествознаніе изучаетъ явленія природы. Успѣхи естествознанія тѣмъ и объясняются, что оно изучаетъ только явленія и соотношенія между ними, что оно изслѣдуетъ явленіе не съ точки зрѣнія того, для чего оно существуетъ, а почему существуетъ и какъ создалось.

Законъ трехъ состояній.

Такъ, по мнѣнію Конта, должна быть поставлена наука объ обществѣ. Но такая постановка есть дѣло новое, и всю заслугу ея Контъ приписывалъ себѣ. Въ этомъ случаѣ наука объ обществѣ лишь слѣдуетъ за всѣми другими науками, которыя только постепенно дошли до такой степени. Въ развитіи научнаго знанія Контъ выдвигаетъ законъ трехъ

состояній, которому онъ придаетъ большое значеніе. Все человѣческое знаніе и каждая вѣтвь его въ отдѣльности проходитъ послѣдовательно три состоянія: теологическое, метафизическое и позитивное. На первой, теологической, ступени человѣкъ объясняетъ все происходящее вокругъ него прямымъ и постояннымъ вмѣшательствомъ сверхчувственныхъ дѣятелей. Если его оглушаетъ громъ, если его поражаетъ болѣзнь, — онъ знаетъ причину этихъ явленій: это гремятъ, дуютъ, глазятъ духи. То же объясненіе онъ переноситъ въ область общественныхъ явленій: онъ знаетъ, что власть установлена богами, онъ знаетъ, что благородные боги даровали его народу побѣду или что недовольные боги наказали народъ пораженіемъ. Во второмъ состояніи, метафизическомъ, человѣческій умъ уже не привлекаетъ къ объясненію сверхчувственныхъ дѣятелей, но вмѣсто нихъ подставляетъ какія-то отвлеченныя силы, сущности, которыя и двигаютъ явленіями. Если земля вращается по кругу или по эллипсису, то это потому, что природѣ присуща любовь къ совершенныхъ формамъ. Если по трубкѣ, изъ которой выкачали воздухъ, быстро поднимается вода, то метафизикъ знаетъ причину: это потому, что природа боится пустоты. Если государственная власть предоставляетъ извѣстную свободу совѣсти, слова, печати, собраній, — то причина тому кроется въ томъ, что существуютъ неотчуждаемыя естественныя права, которыхъ ни одна власть на землѣ не можетъ уничтожить. Почему люди, имѣющіе общее происхожденіе, свя-

заны взаимною симпатіей, которая отграничиваетъ ихъ отъ всѣхъ чужихъ? Потому что, отвѣчаетъ метафизическая точка зрѣнія, природа, въ своей мудрости и предусмотрительности, заложила въ душѣ человѣка чувства, которыми только и могъ осуществиться великій историческій процессъ (Гумпловичъ). Третье состояніе человѣческаго знанія — позитивное или положительное. Умъ постигаетъ законы отношеній между явленіями. Знаніе имѣется только тогда, когда извѣстно, что такія-то явленія всегда сопровождаются такими-то или слѣдуютъ за такими-то явленіями. Такое знаніе должно быть какъ въ мірѣ естественномъ, такъ и въ мірѣ общественномъ. Нѣкоторыя науки дошли уже до послѣдней ступени: такъ, современная астрономія не астрологія, современная химія не алхимія. Но иныя науки не покончили еще съ метафизическимъ состояніемъ, а общественныя науки даже съ теологическимъ. Для торжества человѣческаго знанія необходимо очистить всѣ науки отъ метафизическихъ и теологическихъ элементовъ и поставить всѣ знанія на твердую позитивную почву.

Классификація наукъ.

Законъ трехъ состояній находится въ связи съ классификаціей наукъ, предложенной Контомъ. Въ основу классификаціи Контъ кладетъ два начала: возрастающую сложность и постепенность перехода трехъ состояній. Науки должны быть расположены такъ, чтобы каждая послѣдующая основывалась на предшествующей, и чтобы знакомство съ каждой предшествующей не предполагало зна-

комства съ послѣдующей. Отсюда вытекаетъ, что каждая послѣдующая наука сложнѣе предшествующей. А отсюда слѣдуетъ, что въ этомъ же порядкѣ должны науки переходить отъ теологическаго, черезъ метафизическое, въ позитивное состояніе, что и подтверждается, по мнѣнію Конта, исторически. Классификація эта представляется въ слѣдующемъ видѣ: математика, астрономія, физика, химія, біологія, соціологія. Существенный пробѣлъ въ этой классификаціи, бросающійся съ перваго взгляда, состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ мѣста для психологіи. Послѣдователи Конта восполнили этотъ недостатокъ, поставивъ психологію между біологіей и соціологіей. Изъ этой классификаціи обнаруживается, что самою сложною отраслью человѣческаго знанія слѣдуетъ считать соціологію, и что возможно скорое перенесеніе ея въ позитивное состояніе дастъ тотъ фундаментъ, на которомъ въ общественности можно будетъ достигнуть такихъ успѣховъ, какіе достигнуты въ естествознаніи.

Соціологія.

Что же понимаетъ Контъ подъ соціологіей или соціальной физикой? Это должна быть наука объ обществѣ, изучающая строго научно общественныя явленія и устанавливающая законы отношеній между этими явленіями. Здѣсь общество берется въ его цѣломъ. Различныя явленія общественной жизни, хозяйственныя, нравственныя, юридическія, политическія, разсматриваются только въ ихъ взаимодѣйствіи, но не обособлено. Контъ относился весьма презрительно (и скажемъ, не основательно)

къ спеціальнымъ наукамъ, какъ политическая экономія или правовѣдѣніе, которыя, вырвавъ ту или другую группу явленій, пытаются изучать ихъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ.

Соціологію Контъ дѣлитъ на двѣ части: соціальную статику и соціальную динамику. Первая имѣетъ своею задачею установить постоянное сосуществованіе явленій: если дано одно явленіе, то должно быть налицо другое опредѣленное явленіе. Соціальная динамика ставитъ своею цѣлью открыть постоянную послѣдовательность явленій: если дано одно явленіе, то оно должно повлечь за собою другое опредѣленное явленіе. Самъ Контъ далъ не вполнѣ ясное и точное понятіе объ этихъ двухъ частяхъ, но впослѣдствіи его мысль была развита и усовершенствована.

Гербертъ Спенсеръ (1820—1904).

Второй мыслитель, заложившій основы новой науки,— Гербертъ Спенсеръ. Отецъ его былъ народнымъ учителемъ въ Англіи и имѣлъ значительное вліяніе на развитіе характера сына. Онъ стремился, главнымъ образомъ, развить въ немъ умственную и практическую самостоятельность. Это сказалось въ рѣшительномъ отказѣ Спенсера поступить въ Кембриджскій университетъ, гдѣ онъ не разсчитывалъ пріобрѣсти что-либо полезное для себя. Спенсеръ прибѣгъ къ системѣ самообразованія. Когда всталъ вопросъ о средствахъ существованія, Спенсеръ, къ великому удовольствію отца, рѣшился отдаться учительской дѣятельности. Но вскорѣ, благодаря математическимъ познаніямъ, учитель былъ увлеченъ однимъ родственникомъ

въ область инженернаго дѣла. Крахъ, постигшій строительство въ то время въ Англіи, лишилъ Спенсера его заработка. Ему пришлось снова думать объ источникѣ матеріальныхъ средствъ. Онъ обратился къ журналистикѣ и утвердился помощникомъ редактора въ одномъ серьезномъ журналѣ. Но эта работа имѣла мало общаго съ тѣми идеями, которыя стали принимать въ умѣ Спенсера все болѣе опредѣленную форму и укладывались въ стройную систему. Тѣмъ не менѣе, онъ все же успѣлъ издать нѣсколько сочиненій, которыя обратили на себя вниманіе и дали автору связи въ литературномъ мірѣ. Въ это время Спенсеръ задумалъ огромное дѣло — изложить свое философское міросозерцаніе въ рядѣ томовъ подъ именемъ «Система синтетической философіи». Но широкій замыселъ столкнулся съ весьма ограниченными средствами. На изданіе нужны были деньги, а ихъ не было. Сначала Спенсеръ рискнулъ всѣми своими сбереженіями, потомъ ему помогло небольшое наслѣдство. И все же предпріятіе должно было остановиться на полпути за недостаткомъ средствъ. Тогда на помощь явились друзья, поклонники таланта Спенсера, и во главѣ ихъ тотъ же Д. С. Милль, который помогалъ и О. Конту. При такихъ условіяхъ Спенсеру удалось увидѣть довершеніе своего труда, въ объемѣ 10 томовъ и размѣромъ въ 6000 страницъ. Не одни матеріальныя затрудненія мѣшали ему въ его философской работѣ. Онъ былъ слабъ физически, и напряженный трудъ временами совершенно разстраивалъ его здоровье, такъ что ему приходилось

прерывать свою работу не только по мѣсяцамъ, но и по годамъ; зато философъ остался на всю жизнь одинокимъ и не зналъ той борьбы, какую приходилось выдерживать Конту на семейной почвѣ.

Если Спенсеръ не безгрѣшенъ противъ позитивизма, что дало поводъ нѣкоторымъ причислить его къ метафизикамъ, тѣмъ не менѣе, по кругу занимающихъ его умъ вопросовъ, по способамъ ихъ разрѣшенія, Спенсеръ ближе всего къ позитивной школѣ. Онъ — позитивистъ по духу, хотя не ученикъ и даже не послѣдователь Конта. Въ противоположность метафизикамъ, для Спенсера область философіи совпадаетъ съ областью научнаго знанія: если наука есть обобщенное знаніе, то философія есть наивысшее обобщеніе. Поэтому философіи чужды вопросы, недоступные научному изученію. Поэтому «непознаваемое» есть область религіи, а не философіи.

Эволюція.

Вся философія Спенсера проникнута одной основной идеей — эволюціи или развитія. Въ чемъ сущность міра — это задача, недоступная человѣческому знанію, но, какъ онъ сталъ такимъ, какимъ онъ намъ представляется — вотъ задача, рѣшить которую можетъ и долженъ умъ человѣка. Развитіе проникаетъ весь міръ, какъ неорганическій, такъ и органическій, такъ и общественный, который Спенсеръ называетъ надъ-органическимъ. Отсюда единство законовъ, дѣйствующихъ какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ.

Въ чемъ же заключается эволюція?

Интеграція. Эволюція прежде всего выражается въ уплотненіи, интеграціи, т.-е. въ переходѣ отъ разсѣяннаго состоянія къ большей связности. Этотъ процессъ наблюдается въ астрономіи. Согласно утвердившемуся взгляду, солнечная система создалась путемъ того, что туманныя пятна сгустились въ твердыя тѣла. То же представляетъ и исторія земли. Изъ расплавленнаго состоянія, путемъ охлажденія, образовалась плотная твердая кора. Жизнь каждаго растенія, каждаго животнаго состоитъ въ поглощеніи разсѣянныхъ кругомъ веществъ, которыя преобразуются въ массу тѣла того или другого. Тотъ же процессъ уплотненія наблюдается и въ обществахъ, которыя создаются путемъ сліянія въ одно родовъ, племенъ, націй.

Дифференціація. Процессъ интеграціи сопровождается другимъ процессомъ — дифференціаціей, т.-е. переходомъ однороднаго къ разнородному. Въ то время какъ возрастаетъ и уплотняется масса, части ея становятся все болѣе различными другъ отъ друга. Если когда-то земля была вся однородной раскаленной массой, то теперь обнаруживается различіе не только между раскаленнымъ ядромъ и охлажденной корой, но и сама кора представляетъ крайнее разнообразіе формъ: вода, земля, равнины, горы. Каждый организмъ, въ своемъ ростѣ, представляетъ переходъ отъ однородности зародыша къ разнородности взрослаго экземпляра. Высшій организмъ отличается отъ низшаго не столько величиною, сколько

разнообразіемъ присущихъ ему органовъ. Въ простомъ обществѣ всѣ члены его сходны по своимъ занятіямъ, въ сложномъ обществѣ, напротивъ, раздѣленіе труда идетъ все возрастая.

Вся философія Спенсера проникнута основною идеей, что въ мірѣ все подчинено одному и тому же закону эволюціи. Это заставляетъ Спенсера искать для общества тѣхъ же законовъ развитія, какъ и для всего остального. Изученіе общества подъ его руками превращается въ естествознаніе. Соціологія составляетъ естественное продолженіе біологіи, науки о жизни, и психологіи, науки о духѣ. Съ точки зрѣнія Спенсера общество нельзя разсматривать, какъ нѣчто искусственно созданное: общество — это нѣчто органически развивающееся.

Многое въ соціологіи Спенсера возбуждаетъ сомнѣнія и возраженія. Но одно безспорно: это Спенсеръ именно, данною имъ постановкою зарождающейся наукѣ, укрѣпилъ ея положеніе, возбудилъ общій интересъ къ соціологіи и вѣру въ ея возможность.

Современные соціологи.

На той почвѣ, какую дали труды Конта и Спенсера, соціологія во второй половинѣ XIX вѣка дала быстрый и пышный ростъ. Двѣ струи, ударившія въ соціологію, еще болѣе обезпечили ей успѣхъ: это дарвинизмъ и марксизмъ. Конечно, современная соціологія значительно уже ушла отъ того состоянія, въ какомъ оставили ее ея основатели. Интересъ къ ней возрастаетъ все болѣе, и соотвѣтственно падаетъ недовѣріе къ ней.

Въ разработкѣ соціологіи принимаютъ участіе различныя страны, не безъ своеобразныхъ оттѣнковъ, обусловленныхъ всѣмъ складомъ научнаго и философскаго ума той или иной націи. Родина Конта и сейчасъ стоитъ впереди, насколько дѣло касается соціологіи. Франція можетъ выставить такія имена, какъ Тарда, Дюргейма, Летурно, Вормса, и нашихъ соотечественниковъ, Новикова и де-Роберти, которые пишутъ свои сочиненія по-французски. Наиболѣе воспріимчивой къ соціологіи оказалась Англія,—страна, мышленіе которой было всегда чуждо метафизики. Но сейчасъ, послѣ Спенсера, Англія не въ состояніи похвалиться крупнымъ соціологическимъ именемъ, хотя соціологія оказала здѣсь сильное вліяніе на отдѣльныя общественныя науки. Зато американцы имѣютъ крупныхъ соціологовъ въ лицѣ Гиддинса, Бальдуина и Уорда. Наименѣе податливыми оказались нѣмцы. Имена Конта и Спенсера поздно проникли въ ученую среду Германіи, да и теперь они мало извѣстны. Объясняется это тѣмъ, что германскій умъ особенно склоненъ къ метафизикѣ, германскій геній слишкомъ гордится своей національной философіей, чтобы легко воспринять чужую. Въ сущности Германія можетъ выдвинуть только Зиммеля. Нигдѣ, можетъ-быть, соціологія не имѣетъ такого распространенія, какъ въ Италіи, особенно среди юристовъ. Итальянскіе соціологи, какъ и скандинавскіе, находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Спенсера.

И Россія не осталась въ сторонѣ отъ соціологическаго движенія. Правда, на него отозвались

первыми не университетскія сферы. Первыми соціологами въ Россіи были Лавровъ, Михайловскій, Южаковъ, имена которыхъ въ послѣднее время стали извѣстны и на Западѣ. Только позднѣе соціологіей заинтересовались и въ университетахъ. Сейчасъ можно указать Карѣева и Ковалевскаго, близко причастныхъ къ соціологіи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ Россіи нѣтъ каѳедры соціологіи, а это сильно отзывается на успѣхѣ науки. Надо, впрочемъ, признать, что такая каѳедра мало гдѣ учреждена и за границею.

Литература: *Гумпловичъ*, Основы соціологіи, 1899, стр. 1—81; *Ватсонъ*, Огюстъ Контъ и позитивная философія, 1892; *Миллъ*, Огюстъ Контъ и позитивизмъ, 1897; *Риголажъ*, Соціологія Конта въ изложеніи, 1898; *Гаупп*ъ, Гербертъ Спенсеръ, 1898; *Карѣевъ*, Введеніе въ изученіе соціологіи, 2 изд. 1907, стр. 393—427; *Ковалевскій*, Соціологія, т. I, 1910, стр. 125—300.

Лекція вторая.

Понятіе о методѣ.

Выяснивъ, какъ сложилась соціологія, обратимся теперь къ разсмотрѣнію, какимъ образомъ она разрабатывается. Способы изслѣдованія, принятые въ извѣстной наукѣ, называются ея методами. Методъ есть, слѣдовательно, путь отысканія научной истины. Но путь долженъ быть выбранъ правильно, иначе, идя по ложному пути прямо, можно уйти гораздо дальше отъ истины, чѣмъ если колесить. Такъ какъ методъ есть путь, то правильный его выборъ зависитъ отъ того, куда предполагается дойти, т.-е. зависитъ отъ цѣли, какую ставитъ себѣ путникъ. Во всякой наукѣ методы ея опредѣляются задачами этой науки.

Закономѣрность.

Соціологія, въ той постановкѣ, которая ей была дана ея основателями, задалась цѣлью раскрыть законы общежитія. Такая задача основывается, конечно, на предположеніи, что общественная жизнь, при всей ея сложности, подчиняется дѣйствію такой же закономѣрности, какъ и явленія внѣшняго міра. Предположить обратное, допустить, что общественная жизнь опредѣлается во-

лею, произволомъ, капризами людей, случайнымъ совпаденіемъ событій — значитъ отнять всякую научную почву у соціологіи. Но такое предположеніе стало для насъ въ настоящее время совершенно невозможнымъ, — огромный опытъ обнаружилъ слишкомъ большую правильность, повторяемость въ сочетаніи явленій, чтобы можно было говорить о безпорядкѣ общественныхъ событій. Признаніе закономѣрности въ общественной жизни стало общимъ въ наукѣ настоящаго времени. Если въ чемъ сомнѣваются, то только въ возможности раскрытія ихъ, вслѣдствіе чрезвычайной ихъ сложности.

Законы въ научномъ смыслѣ.

Но, что такое законъ? Вы, конечно, знаете, о законахъ, которые издаются государственною властью. Очевидно, рѣчь идетъ не о нихъ, хотя терминъ перенесенъ несомнѣнно съ этихъ человѣческихъ законовъ на тѣ законы, о которыхъ мы собираемся говорить. И перенесеніе это основано на замѣченномъ нѣкоторомъ сходствѣ. Въ силу государственнаго закона устанавливается извѣстный порядокъ въ отношеніяхъ гражданъ, извѣстная правильность въ ихъ поведеніи. Во внѣшнемъ мірѣ также подмѣченъ извѣстный порядокъ въ соединеніи и смѣнѣ явленій. И въ общественныхъ отношеніяхъ, помимо всякой государственной власти, замѣчается нѣкоторая правильность: извѣстное явленіе всегда сопровождается другимъ опредѣленнымъ явленіемъ или за извѣстнымъ явленіемъ всегда слѣдуетъ другое, опредѣленное явленіе. Если дано явленіе А, то можно съ увѣ-

ренностью сказать, что вмѣстѣ съ нимъ существуетъ или вслѣдъ за нимъ наступитъ явленіе Б. Эта правильность въ соотношеніи явленій и называется закономъ въ научномъ смыслѣ.

Существенное отличіе между закономъ въ юридическомъ смыслѣ и закономъ въ научномъ заключается въ томъ, что первый можетъ быть всегда нарушенъ, а второй никогда. Какимъ бы строгимъ наказаніемъ ни грозила власть, но всегда можетъ найтись лицо, которое не повинуется, тогда какъ законъ тяготѣнія никакого нарушенія не допускаетъ. Дѣйствіе одного закона можетъ встрѣтиться съ дѣйствіемъ другого, но нарушенія здѣсь нѣтъ, потому что каждый законъ дѣйствуетъ полностью, напримѣръ, когда мячъ, брошенный сильною рукою, летитъ вверхъ, а не внизъ, или когда пароходъ идетъ не по теченію, а противъ теченія.

Законы въ научномъ смыслѣ обнаруживаются какъ въ мірѣ естественномъ, такъ и въ мірѣ соціальномъ. Въ первомъ случаѣ говорятъ о естественныхъ законахъ, во второмъ — о соціальныхъ законахъ. Такъ, если тѣло,—напримѣръ, желѣзную полосу,— нагрѣвать, то оно станетъ расширяться. Здѣсь причина и слѣдствіе наглядны. Но то же можно замѣтить и въ общественныхъ отношеніяхъ. Если на данномъ рынкѣ усиливается спросъ на извѣстный товаръ, то цѣна на него поднимается.

Эмпирическіе законы.

Законы могутъ быть двоякаго рода. Въ однихъ случаяхъ мы замѣчаемъ извѣстную правильность въ отношеніи между явленіями, но мы не можемъ

найти здѣсь причинности, а потому и не можемъ быть увѣрены, всегда ли такъ будетъ. Напримѣръ, обнаружено, что ежегодно на почтѣ остается одно и то же число писемъ, на конвертѣ которыхъ отправители забыли написать адресъ. Что изъ этого можно вывести? Пока ничего, кромѣ установленной цифры. Или, напримѣръ, замѣчено, что люди женатые живутъ дольше несемейныхъ. Передъ нами налицо цифры, которыя съ достовѣрностью указываютъ на существованіе извѣстной правильности. Но что изъ этого слѣдуетъ? Откуда эта правильность? Можно съ одинаковымъ основаніемъ утверждать, что женатые оттого живутъ дольше, что семейная жизнь обезпечиваетъ болѣе продолжительное существованіе, но можно утверждать, что женатые оттого живутъ дольше, что въ семейную жизнь вступаютъ только болѣе сильные, болѣе здоровые, болѣе обезпеченные. Такія подмѣченныя правильности имѣютъ, конечно, свое значеніе, но онѣ не даютъ намъ твердаго знанія, потому что законъ не объясненъ причинностью. Такое обнаруженное правильное соотношеніе между общественными явленіями называется эмпирическимъ закономъ.

Законы въ строгомъ значеніи.

Несравненно большее значеніе для нашего міросозерцанія имѣютъ такіе законы, въ которыхъ правильность отношенія поддается объясненію по началамъ причинности, такъ что мы въ правѣ съ увѣренностью утверждать, что при наличности данныхъ обстоятельствъ правильность соотношенія будетъ всегда налицо. Напримѣръ, указан-

ный выше законъ спроса и предложенія. Мы не только знаемъ, что всегда, когда усиливается спросъ на товаръ, то возрастаетъ и цѣна, но мы и знаемъ почему. Потому что усиленное требованіе товара вызываетъ соперничество между нуждающимися въ немъ и заставляетъ тѣхъ, которые особенно настоятельно желаютъ его и имѣютъ матеріальную возможность, предлагать высшую цѣну, лишь бы оставить другихъ позади. Наоборотъ, упавшее требованіе ставитъ продавцовъ въ опасность остаться съ непроданнымъ товаромъ и потому вызываетъ между ними соперничество на пониженіе цѣны, лишь бы сбыть товаръ съ рукъ преимущественно передъ другими. Мы можемъ въ видѣ закона признать, что преслѣдованіе религіи или національности всегда усиливаетъ ихъ, и причины тому можно обнаружить относительно религіи въ томъ, что страхъ преслѣдованій выбрасываетъ изъ гонимаго религіознаго общества всѣ слабые въ вѣрѣ элементы и тѣмъ самымъ еще болѣе сплачиваетъ оставшихся твердыми въ своемъ религіозномъ убѣжденіи, а относительно національности въ томъ, что сама національность есть сознаніе общности судьбы, а слѣдовательно, вслѣдствіе угнетенія, испытываемаго всѣми и только членами извѣстной національности, сознаніе общности положенія находитъ себѣ новое подкрѣпленіе. Далѣе мы не только наблюдаемъ въ исторіи, что за всякимъ прогрессивнымъ движеніемъ слѣдуетъ реакція, но и можемъ найти объясненіе этой правильности. Всякій толчокъ впередъ, вызванный продолжитель-

ной отсталостью общества и отвѣчающій душевному запросу значительной его части, въ то же время нарушаетъ душевное равновѣсіе той части общества, которая неспособна приспособиться къ новымъ условіямъ, и энергія ихъ противодѣйствія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ослабляется напоръ тѣхъ, кто нашелъ въ новомъ порядкѣ нѣкоторое удовлетвореніе и чувствуетъ потребность возстановить затраченную энергію.

Какая же цѣль открывать соціальные законы? Какую цѣнность можетъ имѣть знаніе большаго или меньшаго количества соціальныхъ законовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ уже самъ основатель соціологіи — «надо видѣть, чтобы предвидѣть, а предвидѣть, чтобы воздѣйствовать». Здѣсь поставлены двѣ цѣли: одна теоретическая — предвидѣніе, другая практическая — воздѣйствіе. Вотъ двѣ заманчивыя задачи, открывающіяся передъ соціологіей.

Предвидѣніе.

Прежде всего человѣкъ стремится познать дѣйствительность. Его интересуетъ то, что́ есть. И когда передъ нимъ открывается возможность познать ближайшую окружающую человѣка среду, общественную, притомъ не съ отдѣльныхъ сторонъ, а въ ея цѣломъ, — понятна та привлекательность, какую пріобрѣтаетъ соціологія въ глазахъ многихъ. Но знаніе соціальныхъ законовъ ведетъ далѣе: оно обѣщаетъ не только раскрыть тайну прошлаго и загадку настоящаго, но и приподнять завѣсу будущаго. Предвидѣніе даетъ надежду предста-

вить себѣ, какимъ путемъ пойдетъ дальше общественная жизнь. Безспорно, задача раскрытія соціальныхъ законовъ общественности и предвидѣніе въ области соціальныхъ отношеній много сложнѣе, нежели вычисленіе солнечнаго или луннаго затменія, потому что гораздо больше причинъ соединяется въ одновременномъ дѣйствіи. Предвидѣніе — дѣло далекаго будущаго, когда соціологія сдѣлаетъ большія пріобрѣтенія, которыхъ у нея пока нѣтъ. Но, какъ бы ни была трудна задача предвидѣнія, какъ бы ни была отдаленна его возможность, одно слѣдуетъ имѣть въ виду: это не область непознаваемаго, и потому рано или поздно человѣкъ пріобрѣтетъ это знаніе. И наука, которая дастъ ему это громадное орудіе, будетъ соціологія.

Фатализмъ.

Но если вся общественная жизнь, какъ прошлая, такъ и будущая, находится подъ дѣйствіемъ неумолимыхъ и ненарушимыхъ законовъ, то не значитъ ли это, что вся жизнь предопредѣлена? Не впадаемъ ли мы въ фатализмъ? По ученію фаталистовъ, все заранѣе предрѣшено или силою, стоящею надъ человѣкомъ, или силою самыхъ событій. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ съ цѣлью предовратить предопредѣленное — все безполезно. Поэтому человѣку не зачѣмъ дѣйствовать и противодѣйствовать — остается спокойно выжидать. Предназначенное свершится. Среди нѣкоторыхъ научныхъ направленій пробивается мысль, близкая къ фатализму. Признавая только процессъ саморазвитія, возлагая надежду только на внут-

реннія, присущія обществу, силы, доходятъ легко до взгляда, что въ настоящемъ заложены всѣ черты будущаго, такъ что человѣкъ не въ состояніи усиліями своей воли, силою своихъ идей, отклонить ходъ общественнаго развитія. Но, какъ ни мало значенія придаютъ эти направленія вліянію личности, вліянію идей, все же представители ихъ не въ состояніи выдержать до конца свою точку зрѣнія и допускаютъ, что людямъ можно стремиться къ достиженію того или иного порядка, отвѣчающаго ихъ идеалу. Если такъ, фатализма нѣтъ, потому что въ настоящемъ не опредѣлены еще всѣ тѣ усилія воли и дѣйствія идей, какія могутъ еще проявиться въ будущемъ, а слѣдовательно, и не дано полностью будущее. Такой предрѣшенности нѣтъ и въ естествознаніи. Какъ бы ни было полно наше знаніе внѣшняго міра, все же наше предвидѣніе ограничивается только утвержденіемъ: при наличности такихъ-то условій, наступятъ такія-то послѣдствія. Но предусмотрѣть всѣ эти послѣдствія невозможно, потому что нельзя заранѣе учесть всѣхъ условій. Можно, напримѣръ, утверждать, что солнечная теплота будетъ постепенно уменьшаться, можно указать, что при такой-то степени пониженія теплоты солнца на землѣ произойдутъ такія-то измѣненія: исчезнутъ такія-то растенія, такія-то животныя, измѣнится распредѣленіе дождевыхъ осадковъ. Но можно ли поручиться, что человѣкъ не найдетъ иного источника теплоты, напримѣръ, изъ центра земли.

Воздѣйствіе.

Вторая, практическая, цѣнность соціальныхъ законовъ обнаруживается изъ сказаннаго. Если человѣкъ способенъ предвидѣть событія, то онъ въ силахъ и воздѣйствовать на нихъ при помощи своего знанія. Въ своей борьбѣ съ природой человѣкъ, благодаря своему возрастающему знанію, все болѣе измѣняетъ въ окружающемъ его мірѣ. Если первобытный человѣкъ — рабъ природы, то культурный человѣкъ — ея господинъ. Онъ уже не приспособляется къ природѣ, а ее приспособляетъ къ своимъ потребностямъ. И все это дѣлается, достигается вслѣдствіе открытія естественныхъ законовъ. Почему же открытіе соціальныхъ законовъ не дало бы человѣку такого же могущества? Почему человѣкъ, прежде безсознательно подчинявшійся ходу событій, который онъ приписывалъ силамъ, стоящимъ выше его, окажется не въ состояніи направлять историческій ходъ примѣнительно къ уровню общественнаго сознанія?

Воздѣйствіе и утопизмъ.

Не приближаемся ли мы здѣсь къ новой опасности, не впадаемъ ли мы въ утопизмъ? Подъ именемъ утопіи понимается построеніе будущаго общественнаго порядка всецѣло по идеалу мыслителя, безъ соображенія съ дѣйствительностью. Типичными утопистами новаго времени считаются Сенъ-Симонъ, Фурье, Оуэнъ. Къ сожалѣнію, къ числу утопистовъ приходится причислить и самого основателя соціологіи, Конта, который во второй половинѣ своей жизни начерталъ обще-

ственный идеалъ, представляющій какое-то странное соединеніе соціализма съ средневѣковымъ католицизмомъ. Утопизмъ, однако, не согласуется съ соціологіей, и именно потому, что онъ пренебрегаетъ закономѣрностью, что онъ предполагаетъ, будто любое общество въ любой моментъ можно перестроить по любому плану. Строителю кажется, что стоитъ только всѣмъ пожелать того же, чего онъ лично страстно желаетъ, — и весь общественный порядокъ измѣнится. Но онъ забываетъ, что сами желанія подчинены строго соціальнымъ законамъ, которыхъ онъ не желаетъ знать. Соціологія не отрицаетъ вмѣшательства въ историческій ходъ событій, но она требуетъ, чтобы человѣкъ, хорошо усвоившій себѣ законы, понялъ прежде всего, куда приведетъ саморазвитіе общества, если оно останется подъ дѣйствіемъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится сейчасъ, и затѣмъ, если это приближеніе представляется, съ его личной точки зрѣнія, опаснымъ для общественнаго блага, то какими силами необходимо воспользоваться, чтобы отклонить надвигающееся послѣдствіе, или, наоборотъ, ускорить его приближеніе. Политика, построенная на соціологіи, не имѣетъ ничего общаго съ утопизмомъ.

Субъективный методъ.

Разсматриваемый сейчасъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ такъ называемымъ субъективнымъ методомъ въ соціологіи. Возможно двоякое отношеніе къ изучаемой общественности. Можно, отрѣшившись отъ всякой нравственной оцѣнки изучае-

мыхъ явленій, разсматривать ихъ такъ же безстрастно, какъ явленія внѣшняго міра. Не осуждаемъ же мы, если въ холодномъ климатѣ не родится пшеница или не растетъ кипарисъ, если въ жаркомъ климатѣ масса змѣй угрожаетъ жизни человѣка, а москиты отравляютъ его спокойствіе. Изслѣдователь относится къ изучаемой общественности такъ, какъ будто она не задѣваетъ его душу, его самыя дорогія убѣжденія и вѣрованія. Онъ хочетъ найти истину, хотя бы она была для него крайне непріятна или невыгодна. Такое отношеніе къ изучаемому предмету называется объективнымъ.

Иное отношеніе, называемое субъективнымъ. Изучаемое такъ близко къ переживаемому самимъ изслѣдователемъ, что онъ не можетъ и не хочетъ ихъ раздѣлять. Изслѣдуя, какъ складываются общественныя отношенія, онъ подвергаетъ ихъ своей нравственной оцѣнкѣ, онъ высказывается по поводу того, какъ они должны бы сложиться, какое слѣдовало бы дать направленіе ихъ развитію.

Допустимы ли въ соціологіи оба пріема? Или соціологія, какъ естествознаніе, должна быть построена на объективномъ началѣ исключительно? Если принять въ соображеніе, что соціологія и возникла, какъ протестъ противъ произвольныхъ построеній XVIII столѣтія, исходившихъ изъ чистаго разума, что соціологія, для избѣжанія этого недостатка, присущаго соціальнымъ наукамъ, стремилась приблизиться къ естествознанію, мы должны признать, что соціологія не допускаетъ субъективизма. Общественныя отношенія должны

быть изучаемы такъ же безстрастно, какъ изучаются камни въ минералогіи или растенія въ ботаникѣ. Соціологія должна слѣдовать указанію знаменитаго философа XVII столѣтія Спинозы, который, приступая къ изложенію ученія о нравственности, предупредилъ читателя: «Я буду разсматривать человѣческія дѣйствія и страсти совершенно такъ же, какъ если бы дѣло шло о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ».

Значитъ ли это, что занимающійся общественными вопросами долженъ остаться равнодушнымъ къ наблюдаемой имъ жизни людей; что онъ долженъ заставить молчать свое сердце, возмущающееся несправедливостью въ прошломъ и въ настоящемъ; что онъ долженъ задержать свою мысль, порывающуюся найти способъ для устраненія несправедливости въ будущемъ? Конечно, нѣтъ. Если врачъ призванъ лѣчить, такъ это потому, что знаетъ анатомію и физіологію человѣка, а потому кто же можетъ лучше указать способы для искорененія общественнаго зла, какъ не тотъ, кто изучилъ строеніе общества и законы его развитія? Но это не дѣло соціологіи, это задача политики. Въ соціологіи долженъ господствовать объективизмъ, въ политикѣ — субъективизмъ, заключающійся въ приспособленіи найденныхъ соціальныхъ законовъ къ цѣли, какую ставитъ политикъ.

То, противъ чего нужно протестовать, это противъ смѣшенія этихъ двухъ пріемовъ въ соціологіи. Внесеніе субъективизма въ эту науку приводитъ часто къ признанію за дѣйствительное того, что намъ представляется желательнымъ.

Примѣръ — ученіе о естественныхъ правахъ. Стремленіе обезпечить за человѣкомъ кругъ самой элементарной личной свободы, попранной деспотизмомъ, побудило мыслителей утверждать неотчуждаемость естественныхъ правъ, а слѣдовательно, ихъ наличность при самомъ суровомъ режимѣ. Но это только самообманъ. Между тѣмъ самое худшее въ дѣлѣ общественности—это обманываться насчетъ дѣйствительности, — лучше прямо смотрѣть въ глаза самой неприглядной правдѣ. Тотъ же субъективизмъ мѣшаетъ правильно оцѣнивать явленія прошлой или первобытной культуры. Напримѣръ, мы, въ настоящее время, при развитомъ государственномъ порядкѣ, нравственно осуждаемъ месть. Но значитъ ли, что родовая месть всегда явленіе безнравственное? Можемъ ли мы, открывъ ея наличность у какого-нибудь историческаго племени, говорить о низкой его нравственности или о паденіи у него нравственности? Конечно, нѣтъ, иначе мы извратимъ историческую дѣйствительность и потеряемъ даже возможность понять сущность современной намъ нравственности.

Только строго объективный характеръ изслѣдованія даетъ основаніе утверждать, что соціологія не можетъ быть ни русской, ни французской, ни буржуазной, ни пролетарской. Внесеніе субъективнаго момента лишаетъ насъ такого взгляда. Если соціологія едина, независима отъ національности, класса, то политика, напротивъ, допускаетъ такія окраски, потому что цѣли могутъ быть и національныя и классовыя.

Вопросъ о субъективномъ методѣ возбудилъ не мало споровъ и особенно у насъ, въ Россіи. Я уже указывалъ вамъ, что во второй половинѣ своей ученой дѣятельности Контъ занялся утопическимъ построеніемъ общества, воспользовавшись при этомъ, какъ онъ самъ выразился, субъективнымъ методомъ. Эта дѣятельность Конта вызвала протестъ со стороны его поклонниковъ, признавшихъ только его «Курсъ положительной философіи». На примѣрѣ основателя соціологіи они видѣли вредъ субъективизма. Но они были неправы. Контъ не смѣшивалъ соціологію съ политикой. Сначала онъ построилъ соціологію, а потомъ пытался построить на ней политику. Другой вопросъ, хорошо ли онъ строилъ. Сторонники органическаго и біологическаго направленій отстаивали тотъ взглядъ, что изученіе общественныхъ явленій не должно никогда выходить за предѣлы объективизма. И въ этомъ они были не правы. Человѣкъ, приспособляющій внѣшній міръ къ своимъ потребностямъ, не можетъ отказаться отъ приспособленія общественности къ своимъ цѣлямъ.

Русскіе соціологи, въ лицѣ Лаврова и Михайловскаго, не поддались этой реакціи и не признали необходимости ограничиться изслѣдователю общественности однимъ объективизмомъ. Они явились защитниками субъективнаго метода. Они даже вскрыли въ наружномъ безстрастіи объективистовъ, какъ, напримѣръ, Спенсера, субъективизмъ, личныя склонности и симпатіи. Однако нужно признать, что изъ спора, который возникъ

между Лавровымъ и Михайловскимъ, съ одной стороны, Южаковымъ—съ другой, не обнаруживается съ достаточною ясностью, признаютъ ли они допустимымъ субъективный моментъ въ соціологіи или для соціолога. Вопросъ не сталъ яснѣе и тогда, когда противъ указанныхъ писателей выступили въ русской литературѣ представители экономическаго матеріализма, которые рѣшительно высказались противъ внесенія субъективизма въ соціологію.

Соціологическія трудности.

Даже при строго объективномъ началѣ на пути соціолога стоитъ цѣлый рядъ препятствій, который необходимо преодолѣть тому, кто хочетъ постигнуть соціальные законы. Всякій изслѣдователь является уже продуктомъ своего времени, и, хотя бы отрѣшился отъ мысли сознательно давать оцѣнку изучаемымъ имъ явленіямъ, таковая можетъ выступить непроизвольно. Чтобы понимать ходъ мыслей первобытнаго человѣка, чтобы проникнуться его міровоззрѣніемъ, надо отрѣшиться отъ своего собственнаго. А между тѣмъ, не понявъ міровоззрѣнія первобытнаго человѣка, нельзя понять зачатковъ общественнаго строя. Какъ неправильно судимъ мы прошлыя пережитыя нами событія, можно видѣть хотя бы изъ того, до какой степени невѣрно воспроизводимъ мы впечатлѣнія нашего дѣтства. Кому не случалось вспоминать квартиру, въ которой онъ бывалъ ребенкомъ и какими большими казались ему комнаты въ ней. Но при посѣщеніи этой квартиры въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ поражается, какъ мало

соотвѣтствуетъ дѣйствительный размѣръ комнатъ тому, какъ онъ себѣ представлялъ. Многимъ ли старикамъ удается отрѣшиться отъ свойственной старости привычки утверждать, что въ ихъ время все было лучше. Кто изъ насъ не сохранилъ преувеличеннаго воспоминанія объ артистѣ, котораго онъ видѣлъ и слышалъ въ то время, когда живѣе воспринималъ впечатлѣнія отъ театра? Кто не помнитъ сильнаго впечатлѣнія, оказаннаго на него въ юности книгой, при чтеніи которой теперь никакъ невозможно понять, что же именно такъ подѣйствовало и почему?

Съ другой стороны, помимо затрудненій, которыя лежатъ въ самомъ изслѣдователѣ, не мало затрудненій кроется въ самомъ матеріалѣ. Чтобы открыть законы развитія общественности, надо обладать огромнымъ историческимъ матеріаломъ. Чтобы вѣрно опредѣлить будущее, необходимо имѣть точныя данныя о прошломъ. А гдѣ же они? Исторія — это не цѣльная картина прошлаго, это рядъ отрывковъ, сохраненныхъ намъ случайно или сознательно. Да и сами историческіе памятники начинаются только съ извѣстнаго момента, до котораго все покрыто глубокимъ мракомъ. Недостатокъ свѣдѣній о первоначальной ступени общественнаго развитія восполняется изученіемъ современныхъ народностей, стоящихъ на низшей ступени развитія. Но, во-первыхъ, матеріалъ этотъ все болѣе сокращается по мѣрѣ распространенія европейской цивилизаціи. А во-вторыхъ, матеріалъ этотъ попадается къ соціологу не изъ первыхъ рукъ, а значительно извращеннымъ тою

оцѣнкою, какою дали ему тѣ, кому пришлось прійти въ соприкосновеніе съ такими людьми, большею частью малообразованные миссіонеры.

Литература: *Львовъ*, Соціальный законъ, 1899; *Рюмелинъ*, Что такое соціальный законъ; *Лавровъ*, Историческія письма, О методѣ въ соціологіи (Знаніе, 1874); *Михайловскій*, Что такое прогрессъ? (Собр. сочин., т. I); Аналогическій методъ въ общественной наукѣ (Собр. сочин., т. I); *Дюркгеймъ*, Методъ въ соціологіи, 1900.

Лекція третья.

Намъ необходимо дать теперь обзоръ различныхъ научныхъ направленій, которыя сталкиваются между собою въ пониманіи природы общества и способовъ его изученія. Различіе направленій въ соціологіи такъ значительно, борьба ихъ такъ остра, что можно получить впечатлѣніе, будто имѣются только соціологи, но еще нѣтъ соціологіи. Но это невѣрно. Различіе направленій свойственно и другимъ наукамъ. Какъ ни трудна дорога соціологіи по сложному и большому пути, а все же она постепенно подвигается къ своей цѣли.

Органическое направленіе.

Основатели соціологіи выдвинули органическое направленіе, сущность котораго состоитъ въ томъ, что общество разсматриваютъ, какъ организмъ, а общественныя явленія пытаются выяснить по сходству (аналогіи) съ органическими. Самъ Контъ не былъ чуждъ этому взгляду, но главнымъ образомъ, направленіе это связывается съ именемъ Герберта Спенсера, который далъ ему обоснованіе и подробное развитіе. Изъ другихъ послѣдователей можно указать Шефлэ и Лилiенфельда. Хотя направленіе это является однимъ изъ первыхъ, хотя

оно встрѣтило многочисленныя возраженія, но представители его не исчезаютъ, и сейчасъ встрѣчаются горячіе его защитники, особенно во Франціи, напр., Вормсъ, Изулэ, Фулье.

Нельзя сказать, чтобы взглядъ на общество, какъ на организмъ, былъ совершенною новостью, выдвинувшеюся вмѣстѣ съ нарожденіемъ новой науки. Я напомню вамъ памятный каждому со школьной скамьи разсказъ изъ римской исторіи, какъ Мененій Агриппа успокоилъ народное волненіе, выразившееся въ уходѣ изъ Рима плебеевъ,—класса, изъ котораго шли рабочія и военныя силы. Выведенные изъ себя несправедливостями со стороны привилегированнаго класса патриціевъ, въ рукахъ которыхъ была и власть и богатство, плебеи не пожелали долѣе оставаться въ соединеніи съ патриціями. По преданію, Агриппа разсказалъ взволнованному народу басню о томъ, какъ члены человѣческаго тѣла, поссорившись между собой, не захотѣли совмѣстно работать: руки отказались подносить пищу, ротъ жевать ее, желудокъ переваривать. Въ результатѣ пострадалъ весь организмъ и каждый членъ въ частности. Очевидно, Агриппа имѣлъ въ виду сходствомъ положеній вызвать представленіе о сходствѣ послѣдствій. Преданіе говоритъ, что попытка его увѣнчалась успѣхомъ, видимо, потому, что сходство казалось очевиднымъ. Въ XVII вѣкѣ англійскій философъ Гоббзъ представлялъ себѣ государство, какъ огромное живое существо, названное имъ по имени библейскаго чудовища Левіаѳаномъ. На первой страницѣ его книги было изображено это существо,

все тѣло котораго состояло изъ микроскопическихъ человѣчковъ.

Прежде всего, спрашивается, допустимъ ли научно такой пріемъ сопоставленія общества съ организмомъ? Спенсеръ полагаетъ, что да, потому что научная мысль всегда идетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и умъ усвоиваетъ себѣ сущность неизвѣстнаго, только найдя въ немъ черты сходства съ уже извѣстнымъ. Это, конечно, вѣрно, но необходимо, чтобы черты сходства были больше, чѣмъ черты различія, и чтобы то, съ чѣмъ сравнивается, было хорошо извѣстно. Между тѣмъ замѣчательно: въ то время, какъ въ соціологіи обнаружилось стремленіе выяснить сущность общества сопоставленіемъ съ организмомъ, въ біологіи выступило встрѣчное направленіе, которое стремилось выяснить сущность организма сравненіемъ его съ обществомъ.

Въ чемъ же заключается сходство между обществомъ и организмомъ? Общество, какъ и организмъ, растетъ, и этотъ ростъ выражается одинаково у обоихъ, какъ въ увеличеніи массы, такъ и въ уплотненіи. Съ ростомъ общества, какъ и организма, происходитъ осложненіе строенія. Ростъ организма сопровождается дифференціаціей, т.-е. отдѣльныя его части выполняютъ все болѣе различныя отправленія; совершенно то же самое наблюдается и при осложненіи общественнаго строенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается взаимная зависимость отдѣльныхъ частей организма, которая дѣлаетъ невозможнымъ отдѣленіе одной безъ нарушенія равновѣсія между другими; то же самое

наблюдается въ современныхъ сложныхъ обществахъ по сравненію съ первобытными. Особенно поразительно сходство между обществомъ и организмомъ въ томъ отношеніи, что оба они способны расти самопроизвольно,—куча камней никогда не вырастетъ. Наконецъ общество, какъ и организмъ, подвержено смерти. Спенсеръ, однако, не ограничивается такими общими сопоставленіями. Научный пріемъ приводитъ къ сравненію мозга съ правительствомъ, дорогъ — съ кровеносными сосудами, кровяныхъ шариковъ — съ деньгами и т. д. Идя по его слѣдамъ, Шефлэ проводитъ аналогію между находящимися на поверхности организма защитительными тканями, — напр., волосами, ногтями, колючками, — и возведенными для защиты государства стѣнами, зубцами, валами и т. п.

Спенсеръ былъ слишкомъ великій и добросовѣстный мыслитель, чтобы не видѣть чертъ различія между организмомъ и обществомъ. Приводимыя обыкновенно возраженія противъ органической теоріи заимствуются у самого же Спенсера. Въ чемъ же это различіе проявляется? Я, какъ и вы, принадлежимъ къ одному государству, россійскому; но завтра я могу уѣхать въ Германію, а нѣкоторые изъ васъ въ Турцію, Австрію, Швецію. Другими словами, мы выйдемъ изъ государства, войдемъ временно въ составъ другихъ государствъ, а затѣмъ снова возвратимся. Это невозможно для организма: его клѣточки не могутъ такъ свободно покидать его, какъ члены общества. А это и указываетъ на существенное различіе:

въ организмѣ клѣточки поглощаются полностью организмомъ, который одинъ только и существуетъ сознательно, — въ обществѣ же составляющія его лица сохраняютъ сознаніе своей особности. Отсюда слѣдуетъ новое различіе: въ организмѣ цѣлое есть цѣль, а частицы—только средства для благосостоянія его, въ обществѣ же, напротивъ, человѣкъ есть цѣль, а общество составляетъ только лучшее средство достиженія человѣческаго благополучія. Укажемъ еще на одно отличіе, упущенное Спенсеромъ: въ организмѣ приливъ питательныхъ матеріаловъ соотвѣтствуетъ ихъ тратѣ, т.-е. какъ только какая-нибудь часть организма работаетъ усиленно, такъ сейчасъ же туда направляется притокъ подкрѣпляющихъ веществъ, т.-е. распредѣленіе соотвѣтствуетъ потребности. Кто же скажетъ, что въ обществѣ распредѣленіе благъ производится по началу потребности?

Вы видите, что эти черты различія такъ существенны, что сравненіе общества съ организмомъ не только не способствуетъ выясненію природы общества, но, наоборотъ, затемняетъ ее. Удивительно, что Спенсеръ, самъ указавъ это отличіе, настолько увлекся своей теоріей, что въ его глазахъ эти черты различія потеряли свою рѣзкость. Удивительна и еще одна непослѣдовательность Спенсера. Мы видѣли, что онъ допускаетъ три вида эволюціи: неорганическую, органическую и надъ-органическую. Слѣдовательно, съ его точки зрѣнія надъ-органическое развитіе должно бы такъ же отличаться отъ органическаго, какъ это послѣднее отъ неорганическаго. Между тѣмъ Спен-

серъ не разъ прямо говоритъ, что общество есть организмъ.

Нельзя, однако, не отмѣтить одной крупной заслуги органической школы, которая выясняется изъ сопоставленія ея точки зрѣнія съ господствовавшей ранѣе. Органическое направленіе разсѣяло прежній механическій взглядъ на общество, какъ на искусственно составленное соединеніе извѣстнаго количества людей. Общество не составляется по усмотрѣнію, а общество возникаетъ, развивается и усложняется по естественнымъ законамъ.

Въ этомъ органическомъ представленіи объ обществѣ скрывается одна опасная мысль. Устранивъ искусственность въ созданіи общества, органическое направленіе отвергло и сознательность въ выработкѣ формъ общественности. Получилось впечатлѣніе, будто общество развивается само собой, внутренними присущими ему силами, а сознаніе людей, составляющихъ это общество, совершенно ни при чемъ. Но это невѣрно, и даже слѣдуетъ обратить вниманіе, что по мѣрѣ общественнаго роста сознательное творчество все болѣе усиливается за счетъ безсознательныхъ образованій. Эту ошибку Спенсера вскрыли сначала Михайловскій, а потомъ Уордъ.

Спенсеръ понималъ общество, какъ организмъ высшаго порядка. Позднѣе нѣкоторые представители органической школы (Піоже) выдвинули обратное положеніе: общество есть организмъ низшаго порядка, потому что между его членами еще не установилась та связь, какая свойственна клѣточкамъ высшаго организма.

Біологическое направленіе.

Въ половинѣ XIX столѣтія Дарвинъ выдвинулъ свою теорію о происхожденіи видовъ. По его ученію, виды животнаго и растительнаго царства не были сразу установлены, а видоизмѣнялись въ теченіе продолжительнаго времени путемъ борьбы за существованіе и естественнаго отбора. «Въ природѣ идетъ вѣчная, безустанная, и повсемѣстная борьба за существованіе. Слабые организмы, или, вѣрнѣе, организмы, слабо приспособленные къ средѣ, гибнутъ, сильные губятъ. Природа — безконтрольное царство тупой силы. Природа — bellum omnium contra omnes (война всѣхъ противъ всѣхъ). Ежеминутно совершаются въ ней милліоны насильственныхъ смертей, милліоны, съ человѣческой точки зрѣнія, странныхъ и позорныхъ преступленій» (Михайловскій). Дарвинъ произвелъ огромное впечатлѣніе не только на естествознаніе, но вообще на все міросозерцаніе своего времени, и потому неудивительно, что его идеи были перенесены и въ соціальный міръ, для котораго онѣ не предназначались.

Это было бы еще ничего, если бы идея, ставшая господствующею, получила только большее примѣненіе въ наукѣ, чѣмъ слѣдовало бы. Хуже то, что дарвинизмомъ стали пользоваться для того, чтобы оправдать нѣкоторыя особенности существующаго общественнаго строя. Дарвинскій законъ борьбы за существованіе поняли, какъ призывъ къ возстановленію кулачнаго права. Когда стали указывать на тѣ несправедливости, какія влечетъ за собой экономическая конкуренція, то защитники

полной свободы экономическихъ отношеній и противники государственнаго вмѣшательства не въ состояніи были отразить эти обвиненія нравственными доводами. Но дарвинизмъ натолкнулъ ихъ на мысль воспользоваться борьбой за существованіе, какъ естественнымъ закономъ, противъ котораго человѣкъ безсиленъ и передъ которымъ всѣ должны смириться. Въ дарвинизмѣ думали найти оправданіе и аристократизма, и соціальнаго неравенства, и классовой борьбы.

Конечно, во всемъ этомъ самъ Дарвинъ совершенно неповиненъ. Онъ не могъ ожидать, какіе выводы сдѣлаютъ при примѣненіи открытыхъ имъ законовъ къ областямъ, на которыя они не были разсчитаны. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, перенесеніе законовъ борьбы за существованіе и естественнаго отбора изъ области біологической въ область соціальную? Законы, формулированные Дарвиномъ, выведены изъ природы, въ которой нѣтъ общественной организаціи, и если взять человѣка въ его естественномъ состояніи, внѣ условій его общественнаго существованія, то законы эти имѣли бы полное примѣненіе и къ человѣческому роду. Но общественная организація измѣняетъ естественныя условія жизни, и, насколько отношенія общественно организованы, біологическіе законы дѣйствія имѣть не могутъ. Въ организованной средѣ біологическіе законы должны быть отброшены, какъ непримѣнимые. Общественные союзы создаются для совмѣстной борьбы противъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, но не для облегченія внутренней борьбы. Съ другой сто-

роны, въ борьбѣ съ внѣшними условіями человѣкъ прежде былъ на уровнѣ животныхъ, т.-е. онъ долженъ былъ выдерживать всю борьбу силами своего организма. Выдерживалъ борьбу въ это время тотъ, чей организмъ былъ наиболѣе приспособленъ къ средѣ. Но человѣкъ скоро выдѣлился отъ другихъ животныхъ способностью дѣлать орудія. Съ этого момента наиболѣе приспособленнымъ въ борьбѣ съ природою оказывался тотъ, кто обладалъ наибольшими орудіями самозащиты. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность чисто-органическому результату естественнаго отбора въ мірѣ животныхъ, естественный отборъ въ борьбѣ между людьми не стоитъ вовсе въ необходимой связи съ личными способностями отдѣльныхъ индивидовъ.

Если это такъ, и если общественная организація имѣетъ своею цѣлью устранить дѣйствіе біологическихъ законовъ, то, съ другой стороны, вѣрно, что законы эти, вполнѣ примѣнимые къ естественному, неорганизованному состоянію, сохраняютъ свое дѣйствіе въ общественной средѣ, насколько послѣдняя остается неорганизованной.

Такая неорганизованность наблюдается сейчасъ во взаимномъ отношеніи тѣхъ обществъ, которыя являются намъ какъ государства. Несомнѣнно, что государства борются между собою за существованіе, что общества стремятся всею своею организаціей приспособиться къ условіямъ этой борьбы, и что государства, не успѣвшія или не сумѣвшія приспособиться, падаютъ жертвами этой борьбы. Въ борьбѣ между государствами, какъ и въ борьбѣ

животнаго міра, выживаютъ типы наиболѣе приспособленные, по закону естественнаго отбора.

Но біологическіе законы сохраняютъ свое дѣйствіе и въ соціальной средѣ, т.-е. внутри общества, насколько не создалась общественная организація. Это обнаруживается особенно въ области экономическихъ отношеній, гдѣ за отсутствіемъ всякой общественной организаціи производства и распредѣленія, отдѣльные люди или хозяйства борются между собою за существованіе. При этомъ, такъ какъ другія стороны общественной жизни организованы, то въ этой борьбѣ одерживаютъ побѣду не самые сильные въ естественномъ смыслѣ, а самые сильные въ экономическомъ смыслѣ. Успѣхъ обезпечивается за тѣми предпріятіями, которыя наиболѣе приспособлены къ экономическимъ условіямъ конкуренціи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что дѣйствіе біологическихъ законовъ въ соціальной средѣ задерживается общественной организаціей. И чѣмъ далѣе пойдетъ процессъ этой организаціи, тѣмъ менѣе мѣста останется для примѣненія этихъ законовъ. Но отрицать ихъ дѣйствіе въ настоящее время совершенно невозможно. Нужно только помнить, что они дѣйствуютъ не потому, что они неотвратимы, а потому что не отвращены.

Психологическое направленіе.

Въ послѣднее время все большее значеніе пріобрѣтаетъ психологическое направленіе, которое ищетъ объясненія природы общества и общественныхъ отношеній въ данныхъ психологіи. Представителями этого направленія являются въ настоящее время

французъ Габріель Тардъ, американцы Уордъ и Гиддинсъ, итальянецъ Сигелэ. Если основатель соціологіи Контъ не удѣлилъ достаточнаго вниманія психологической сторонѣ взаимныхъ отношеній между людьми, если онъ, какъ мы уже видѣли, не далъ психологіи мѣста въ классификаціи, то это, до нѣкоторой степени, объясняется ненаучнымъ характеромъ науки о душѣ въ то время, когда работалъ Контъ. Спенсеръ былъ уже въ лучшемъ положеніи,—онъ вставилъ психологію между біологіей и соціологіей, онъ самъ много далъ этой наукѣ, но, увлеченный органическимъ представленіемъ объ обществѣ, онъ не призналъ достаточнаго значенія за психологическими явленіями. Правда, онъ долго и тщательно развертываетъ психику первобытнаго человѣка, для того, чтобы построить на ней первобытное міросозерцаніе, исходя изъ котораго можно было бы дать объясненіе зачаточнымъ формамъ общественности. Но Спенсеръ стоялъ всецѣло на почвѣ индивидуальной психологіи, изслѣдующей законы душевныхъ актовъ отдѣльнаго человѣка, онъ не былъ знакомъ съ коллективной психологіей, которая только въ самое послѣднее время поставила вопросъ о процессахъ духовнаго взаимодѣйствія между людьми, живущими совмѣстно.

Между тѣмъ уже самое существованіе общества основывается на психическомъ актѣ — на сознаніи общности. Если мы посмотримъ на муравейникъ или на пчелиный рой, то мы признаемъ здѣсь наличность животнаго общества. Но если мы посадимъ подъ одинъ колпакъ насѣкомыхъ различ-

наго рода, или посадимъ въ одну клѣтку множество птицъ разнаго вида, то передъ нами будетъ только извѣстное число живыхъ существъ, и больше ничего. Точно такъ же, если на улицѣ соберется огромная толпа смотрѣть на пролетающій воздушный шаръ, то мы можемъ сказать только, что на улицѣ много людей, — и все. Чтобы извѣстное количество людей, находящихся въ физическомъ соприкосновеніи означить словомъ «общество», необходимо открыть въ лицахъ, составляющихъ соединеніе, сознаніе общности. Эти лица понимаютъ свою связь, или чувствуютъ ее, или желаютъ ея. Это основной психическій фактъ, безъ котораго общество немыслимо. Это то, что Гиддинсъ, не совсѣмъ, можетъ-быть, правильно, называетъ сознаніемъ рода, т.-е. такое состояніе сознанія, при которомъ каждое существо, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, признаетъ другое такое же существо принадлежащимъ къ тому же роду.

Какъ извѣстно, душевная жизнь человѣка, при всемъ ея единствѣ, допускаетъ различать въ ней три стороны: умъ, чувства и волю. Которая же изъ этихъ сторонъ имѣетъ рѣшающее значеніе для выясненія взаимныхъ отношеній между людьми? Одни придавали главное значеніе уму, т.-е. идеямъ. Такъ, напр., Бокль, извѣстный историкъ, стремился доказать, что весь человѣческій прогрессъ зависитъ не отъ развитія нравственныхъ чувствъ, а отъ развитія человѣческаго ума. Собственно недалекъ былъ отъ этой мысли и Контъ. Напротивъ, Спенсеръ переносилъ центръ тяжести

на чувства, и, по его мнѣнію, прогрессъ обусловливается не образованіемъ, а характеромъ. Наконецъ третьи, какъ, напр., Уордъ, полагаютъ, что все дѣло въ развитіи волевой стороны человѣческой души. Но при этомъ упускается изъ виду единство человѣческой души и невозможность придавать одной сторонѣ преобладаніе надъ другими.

На этой психической почвѣ мы имѣемъ пока попытки установить нѣкоторые законы психическаго воздѣйствія, которые были предложены сначала Михайловскимъ, а потомъ Тардомъ. Это законы подражанія. Первый изъ нихъ въ своей статьѣ «Герои и толпа», а также нѣкоторыхъ другихъ, стремился раскрыть, какъ отдѣльный человѣкъ, котораго онъ называетъ герой, хотя бы въ немъ не было ничего геройскаго, увлекаетъ за собой примѣромъ другихъ людей, толпу, заражаетъ ее своею волею. Другой, Тардъ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны «Законы подражанія» и «Соціальная логика» (почти всѣ его труды имѣются въ русскомъ переводѣ), старается найти общій міровой законъ повторенія, который, по его мнѣнію, проявляется въ неорганическомъ мірѣ въ видѣ волнообразнаго движенія, въ органическомъ мірѣ — въ видѣ наслѣдственности, въ соціальномъ мірѣ — въ видѣ подражанія. Со свойственнымъ всякому проводнику новой мысли увлеченіемъ Тардъ утверждаетъ, что сущность общества и состоитъ въ подражаніи и что всѣ общественныя явленія могутъ быть объяснены закономъ подражанія. Оставляя

на совѣсти автора его преувеличенія, мы должны признать и немаловажное значеніе установленнаго имъ закона.

Отдѣльный человѣкъ, случайно или сознательно, совершаетъ новый актъ, который сейчасъ же находитъ для себя многочисленныхъ подражателей, чаще всего безсознательныхъ. Чтобы такое внушеніе могло имѣть мѣсто, необходимо сильное впечатлѣніе отъ акта, или подготовленность почвы въ видѣ признанія авторитета дѣйствующаго. По Тарду, подражаніе распространяется подобно свѣтовымъ или звуковымъ волнамъ и въ самомъ распространеніи наблюдается извѣстная правильность. Потокъ заимствованій, вызванный счастливымъ открытіемъ, необходимо проходитъ три момента: во-первыхъ, медленнаго распространенія, пока преодолѣется сопротивленіе среды (инерція), затѣмъ, во-вторыхъ, быстраго роста, происходящаго, по мнѣнію Тарда, въ геометрической прогрессіи, и, наконецъ, въ-третьихъ, постепеннаго перехода къ нормальному состоянію. Волна подражанія можетъ встрѣтиться съ другой волной, одолѣть ее или уничтожиться самой (логическій поединокъ, по выраженію Тарда) или образовать особое волненіе при столкновеніи. По мѣрѣ того, какъ прогрессируетъ общество и сознательность беретъ верхъ надъ безсознательностью, личная иниціатива выступаетъ все чаще, волны подражательныя сталкиваются все сильнѣе, жизнь становится сложнѣе и разнообразнѣе. Представимъ себѣ, что въ прудъ брошенъ камень: волны отъ него постепенно будутъ расходиться, пока совсѣмъ не замрутъ, снова

установится гладкая поверхность, пока не будетъ брошенъ новый камень. Или же камень бросается за камнемъ въ разныхъ мѣстахъ — вся поверхность придетъ въ волненіе.

Подражаніе имѣетъ мѣсто въ области убѣжденій. Напр., новое направленіе въ наукѣ, искусствѣ, въ политикѣ. Подражаніе наблюдается въ настроеніи. Такова, напр., паника публики въ театрѣ, войска въ ночной тишинѣ. Путемъ передачи настроенія объясняется быстрое распространеніе новыхъ религій. Подражаніе примѣнимо и къ волевой сторонѣ. Это подражаніе чужимъ поступкамъ, на которые у отдѣльныхъ личностей не хватало пока рѣшительности. Такова эпидемія самоубійствъ, таково воспріятіе преступной формы (Джекъ-потрошитель). Такова готовность самопожертвованія среди офицеровъ и солдатъ во время войны.

Мало еще сдѣлано въ этомъ направленіи, но всякій успѣхъ въ разработкѣ коллективной психологіи обѣщаетъ новое движеніе въ соціологіи.

Матеріалистическое направленіе. Подъ именемъ матеріалистическаго направленія слѣдуетъ понимать перенесеніе экономическаго матеріализма въ соціологію и объясненіе всѣхъ общественныхъ явленій дѣйствіемъ одного экономическаго фактора. Въ сущности экономическій матеріализмъ выросъ не на соціологической почвѣ, а въ предѣлахъ экономической науки, и бо̀льшаго значенія не придавали ему его творцы, Марксъ и Энгельсъ. Но въ дѣйствительности это чисто-со-

ціологическая идея, потому что стремится раскрыть законъ взаимодѣйствія различныхъ сторонъ общественной жизни и образованія формъ общественности. Современные представители этого направленія: Мерингъ, Лоріа, Гроппали, Плехановъ, Лякомбъ.

Здѣсь насъ интересуетъ экономическій матеріализмъ не какъ экономическое ученіе и не какъ соціалистическое воззрѣніе, а какъ соціологическое направленіе. Извѣстно, что экономическій матеріализмъ, выдвинутый Марксомъ и Энгельсомъ, сталъ съ того времени составною частью соціалистическаго міровоззрѣнія. Но въ дѣйствительности между ними нѣтъ необходимой связи. Можно быть сторонникомъ экономическаго матеріализма и не раздѣлять соціалистическихъ убѣжденій. И, наоборотъ, можно быть соціалистомъ, не принимая экономическаго матеріализма.

Нѣкоторые послѣдователи Маркса пошли много дальше самого основателя экономическаго матеріализма. Для нихъ экономика есть истинный и единственный (монизмъ) ключъ къ объясненію всего, что складывается и происходитъ въ обществѣ. Политическія учрежденія, право, наука, искусство, религія — все это всегда выясняется при помощи волшебнаго ключа. Самый крайній представитель этого направленія, итальянецъ Лоріа, утверждаетъ, что «соціологъ не ошибается, когда глазомъ рыси открываетъ въ самыхъ высокихъ, самыхъ заоблачныхъ стремленіяхъ человѣческаго ума таинственныя подмигиванія и дьявольскую

улыбку экономическаго фактора». Но уже Энгельсъ предостерегалъ противъ такого увлеченія, противъ искусственнаго подведенія историческихъ событій подъ заранѣе придуманныя экономическія категоріи. «Мудреное было бы дѣло, — говорилъ онъ, — дать формулу, объясняющую всѣ историческія явленія».

Сводить всю сложность современныхъ общественныхъ явленій къ одной причинѣ, къ одному дѣятелю, хотя бы и такому важному, какъ экономическій, возможно только цѣною пренебреженія къ этой сложной дѣйствительности. Прежде всего и самъ экономическій факторъ не такое уже простое явленіе. Въ основѣ хозяйственной дѣятельности лежитъ эгоизмъ — фактъ психическій. Причиною, побуждающею къ безграничному накопленію капитала является не матеріальная нужда, а тщеславіе, властолюбіе — фактъ не экономическій, а психическій. При обмѣнѣ благами оцѣнка производится на психологической основѣ. Съ другой стороны, чѣмъ дальше идетъ общественная эволюція, тѣмъ болѣе обстоятельства, ставшія произведеніемъ экономическаго фактора, отдѣляются отъ него и создаютъ самостоятельныя дѣйствія, взаимно переплетаются и превращаютъ нерѣдко средство въ цѣль. Поэтому для пониманія дѣйствительности нѣтъ никакой выгоды держаться исключительно экономическаго объясненія всѣхъ общественныхъ явленій. Это часто можетъ привести къ непониманію ихъ.

Однако, отрицая исключительное объясненіе всей общественности однѣми экономическими при-

чинами, мы должны признать то огромное вліяніе, какое оказываютъ экономическія условія на весь общественный складъ. А отсюда обнаруживается и вся цѣнность экономическаго матеріализма для соціологіи.

Литература: *Карѣевъ*, Введеніе въ соціологію, 2 изд. 1907, стр. 31—125; *Ковалевскій*, Современные соціологи, 1905: *Бартъ*, Философія исторіи, какъ соціологія, 1900, стр. 15—213; *Хвостовъ*, Общественный организмъ (Вопр. филос. и псих. 1910, № 100).

Лекція четвертая.

Основное понятіе въ соціологіи — это понятіе объ обществѣ. Мы должны по совѣсти признать, что наука не дала еще точнаго отвѣта на вопросъ, что такое общество. Впрочемъ, трудность выясненія природы общества не должна слишкомъ смущать соціолога и останавливать его на пути изслѣдованія. Развѣ не съ тою же трудностью встрѣчаемся мы въ другихъ наукахъ? Многое достигнуто въ дѣлѣ изученія душевныхъ явленій, но развѣ психологія установила понятіе о душѣ? Физика имѣетъ въ основѣ два главныхъ понятія: матерія и сила, но развѣ опредѣленіе ихъ достигнуто?

Что же такое общество по ученію современныхъ соціологовъ? Замѣтимъ, что не только разрѣшеніе этого вопроса, но и самая постановка его относится къ новѣйшему времени. Сравнительно очень недавно уяснили себѣ, что существуетъ общество, независимое отъ государства. Раньше, когда говорили объ обществѣ, то всегда подразумѣвали государство. Такъ было уже у грековъ, которые не представляли себѣ возможности какого-то общества помимо государства, въ которомъ каждый живетъ. Этому взгляду способствовало то обстоятельство, что у нихъ государство сливалось

съ городомъ и получалось такое тѣсное сплоченіе государственнаго населенія, при которомъ не оставалось и мѣста для какихъ-нибудь иныхъ формъ общенія. Когда представители школы естественнаго права говорили о естественномъ состояніи, то они всегда противопоставляли обособленное существованіе переходу въ государственное состояніе. Знаменитое сочиненіе Руссо называется «Объ общественномъ договорѣ», тогда какъ по содержанію въ немъ рѣчь идетъ о государственномъ договорѣ. Только въ XIX столѣтіи признано было, что государство является одною изъ формъ общежитія, или, еще вѣрнѣе, одною изъ сторонъ общежитія. Выясненію этого обстоятельства не мало помогли огромные размѣры современныхъ государствъ, которые не даютъ государству поглотить человѣка полностью и которые съ явностью обнаруживаютъ, что вся общественная жизнь не умѣщается въ рамки государственности.

Если общество является чѣмъ-то особымъ отъ государства, не сливается съ нимъ, то гдѣ же отличительный признакъ этого понятія? Очевидно только, что этотъ признакъ не заключается въ подчиненіи одной и той же политической власти.

Совокупность людей.

Можно ли назвать обществомъ уличную толпу, т.-е. массу лицъ, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ, зрительный залъ, наполненный публикой, аудиторію съ ея слушателями? Можетъ-быть, общество есть просто собирательное имя, означающее совокупность лицъ, собравшихся въ одномъ мѣстѣ, подобно лѣсу, означающему совокупность деревьевъ, ра-

стущихъ въ одномъ мѣстѣ? Но, вѣроятно, всякій согласится, что примѣненіе въ данномъ случаѣ слова «общество» было бы неумѣстно. Всякій понимаетъ, что уличная толпа, аудиторія, зрительный залъ — это только временная совокупность отдѣльныхъ лицъ, а не общество. Но вѣрнымъ остается, однако, что понятіе объ обществѣ предполагаетъ совокупность людей. Расширимъ нѣсколько приведенный признакъ внесеніемъ указанія на нѣкоторое постоянство, скажемъ, что признакъ характерный для общества — это сожительство. Въ наукѣ имѣются защитники такого взгляда, что сущность общества — въ сожительствѣ людей. Такого мнѣнія придерживается испанскій ученый Позада. Но сожительство, какъ длящееся нѣкоторое время совмѣстное пребываніе людей въ одномъ мѣстѣ, само по себѣ недостаточно. Если признать этотъ признакъ, то слѣдовало бы признать, что жильцы одного большого дома, несомнѣнно сожительствующіе, составляютъ общество.

Сожительство.

Если для характеристики понятія объ обществѣ недостаточно признака сожительства,—можетъ-быть, нашей цѣли отвѣчаетъ, какъ это полагаетъ проф. Дженксъ, наличность общности интереса, сама по себѣ, безъ другихъ признаковъ? Передъ нами совокупность лицъ, у которыхъ одни и тѣ же интересы,—можетъ ли эта совокупность быть названа обществомъ? Однако возможно, что лица съ одинаковымъ интересомъ могутъ быть совершенно разъединены, не знать другъ о другѣ. Какъ эту

Общность интереса.

взаимно чуждую совокупность принять за общество? Предположивъ, что понятіе объ обществѣ строится на однородности интереса, мы принуждены были бы не признать общественности тамъ, гдѣ у живущихъ совмѣстно имѣются различные интересы. Но это значило бы отвергнуть общественность въ современныхъ намъ обществахъ. На однородности интересовъ строится понятіе объ общественномъ классѣ, напр., землевладѣльцевъ, рабочихъ, но не понятіе объ обществѣ.

Сотрудничество.

Слѣдуя далѣе по пути разысканія желаннаго признака, мы наталкиваемся на сотрудничество. «Простое собраніе индивидовъ въ группу,—говоритъ Спенсеръ,—еще не составляетъ общества. Общество въ соціологическомъ смыслѣ, образуется только тогда, когда, кромѣ соприкосновенія индивидовъ, есть и кооперація между ними. Пока члены извѣстной группы не соединяютъ своихъ силъ для достиженія какой-нибудь общей цѣли или цѣлей, до тѣхъ поръ связь, соединяющая ихъ вмѣстѣ, ничтожна». Но такое сотрудничество можетъ быть только временнымъ и распасться немедленно по достиженія цѣли, напр., для набѣга, между тѣмъ какъ со словомъ общество мы соединяемъ представленіе о чемъ-то постоянномъ. Въ животномъ мірѣ мы знаемъ примѣры временнаго сотрудничества. Напр., волки соединяются съ цѣлью загнать лося совокупными усиліями; кабаны, для защиты своихъ дѣтенышей отъ волковъ, соединяются въ кругъ, отражая совмѣстно клыками нападенія съ разныхъ сторонъ; крысы помогаютъ другъ другу

перетаскивать въ норы предметы, превышающіе единичную силу; птицы сообща помогаютъ слабосильнымъ устраивать гнѣзда. Но никто не отнесетъ волковъ, кабановъ и крысъ къ животнымъ общественнымъ въ родѣ, напр., бобровъ или муравьевъ. Даже помимо временности, не всякое и длящееся сотрудничество можетъ быть названо обществомъ. Напр., рабочіе, соединенные при постройкѣ дома или нанятые на фабрику, гдѣ они сотрудничаютъ въ совмѣстномъ производствѣ на началахъ раздѣленія труда. Вся эта совокупность сотрудничающихъ рабочихъ не составитъ еще общества, а даже можетъ принадлежать къ разнымъ обществамъ.

Организація.

Пойдемъ дальше. Передъ нами еще признакъ, признаваемый существеннымъ, — это организація. Общество отличается отъ простой совокупности людей по признаку организованности. Организація дается созданіемъ правилъ поведенія, которымъ обязаны повиноваться всѣ члены общества. Этотъ признакъ выдвинутъ Штаммлеромъ, который опредѣляетъ соціальную жизнь, какъ внѣшне регулированное совокупное дѣйствіе людей. Рѣчь идетъ, конечно, не исключительно о политической организаціи, не о законахъ, а объ общественной организаціи. Съ точки зрѣнія этого признака вполнѣ оправдывается положеніе, что гдѣ есть общество, тамъ должны быть и правила общежитія.

Соединяя разсмотрѣнные признаки, которые оказываются недостаточными въ разъединенномъ состояніи, мы получимъ опредѣленіе понятія объ

обществѣ: общество есть сожительство людей, связанныхъ сознаніемъ общности и постояннымъ сотрудничествомъ и подчиненныхъ общей регламентаціи. Считаю, однако, нужнымъ оговориться, что понятіе объ обществѣ продолжаетъ сохранять въ себѣ много загадочнаго, таинственнаго.

Съ точки зрѣнія предложеннаго опредѣленія мы можемъ оцѣнить нѣкоторыя другія опредѣленія, принадлежащія извѣстнымъ ученымъ и потому пользующіяся распространеніемъ.

Опредѣленіе Гиддинса.

Американскій соціологъ Гиддинсъ понимаетъ подъ обществомъ совокупность лицъ, связанныхъ сознаніемъ рода, т.-е. обладающихъ однимъ и тѣмъ же представленіемъ о цѣломъ, части котораго они составляютъ. Опредѣленіе, данное Гиддинсомъ (общество — это сознаніе рода), пригодно для объясненія національности, но національность не общество. Если подъ родомъ понимать совокупность лицъ, имѣющихъ одни интересы и подчиненныхъ одной организаціи, то въ сущности мы придемъ къ заключенію, что общество есть совокупность лицъ, сознающихъ себя въ обществѣ. А этимъ едва ли много достигается.

Опредѣленіе Тарда.

Точно такъ же нельзя удовлетвориться опредѣленіемъ французскаго ученаго Габріеля Тарда. По его словамъ, общество — это подражаніе, т.-е. это собраніе лицъ, готовыхъ подражать другъ другу или сходныхъ другъ съ другомъ вслѣдствіе происшедшаго ранѣе подражанія. Конечно, подражаніе составляетъ фактъ огромной важности, оно

даетъ возможность объяснить многія явленія общественности, но свести къ подражанію всю общественность совершенно немыслимо.

Опредѣленіе Зиммеля.

По мнѣнію германскаго ученаго Зиммеля, понятіе объ обществѣ имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если общество такъ или иначе противополагается простой суммѣ отдѣльныхъ людей. То особенное, что наблюдается въ общественности и что выходитъ за предѣлы проявленія отдѣльныхъ личностей,—это взаимодѣйствіе частей. Поэтому онъ опредѣляетъ общество, какъ сумму взаимодѣйствій между отдѣльными людьми или группами лицъ. Однако онъ самъ предчувствовалъ возможное возраженіе, что, согласно такому опредѣленію, и два воюющихъ государства также должны быть названы обществомъ. Возраженія этого онъ не опровергъ, а между тѣмъ оно настолько сильно, что подрываетъ все значеніе опредѣленія Зиммеля.

Образованіе общества.

Какъ и когда возникли первоначально человѣческія общества—это останется для насъ, вѣроятно, навсегда тайной: время похоронило глубоко слѣды первыхъ образованій. Но все же мы можемъ стремиться къ тому, чтобы выяснить себѣ, какія причины побуждали людей къ образованію обществъ, какимъ путемъ шло развитіе формъ общественности. Никто не можетъ сказать, когда началъ говорить человѣкъ, и, однако, это не мѣшаетъ сравнительному языкознанію изучать законы развитія человѣческой рѣчи.

Современныя общества составляютъ продуктъ долгаго историческаго процесса. Изъ совершенно простыхъ формъ, путемъ постепеннаго, незамѣтнаго осложненія, образовалось то, что мы въ настоящее время знаемъ подъ именемъ обществъ. Если признать, что общества подчиняются общему закону развитія, по которому однородное переходитъ въ разнородное, то необходимо признать, что нынѣшнія общества на начальныхъ ступеняхъ представляли нѣчто весьма отличное отъ современныхъ. Составъ ихъ былъ однороденъ, всѣ люди занимались однимъ и тѣмъ же дѣломъ, пользовались одинаковымъ авторитетомъ. И поэтому общественная связь была очень слаба, какъ, напр., и сейчасъ у западныхъ австралійцевъ, гдѣ орда подобна кучѣ песка, такъ же легко распадается, какъ и составляется. Такія неорганизованныя группы, при нѣкоторомъ увеличеніи своего роста, ощущаютъ сейчасъ же недостатокъ пищи на мѣстѣ и потому дѣлятся на двѣ, три, совсѣмъ какъ первоначальные организмы, которые размножаются дѣленіемъ.

Простыя сожительства начинаютъ принимать видъ общества при ихъ уплотненіи. Такое уплотненіе происходитъ или вслѣдствіе естественнаго размноженія, когда нѣтъ уже возможности раздѣлиться и найти пищу для каждой части, или когда давленіе другого общества заставляетъ уже разсѣявшіяся части собраться въ массу. Это и есть тотъ процессъ, который названъ Спенсеромъ интеграціей. «Пока люди живутъ собираніемъ плодовъ, охотой, рыбной ловлей, пока они потреб-

ляютъ не производя ничего, сколько-нибудь крупныя соединенія невозможны, вслѣдствіе недостаточности питательныхъ матеріаловъ и вслѣдствіе трудности ихъ добыванія. Съ переходомъ къ земледѣлію населеніе быстро возрастаетъ, и образуются большія соединенія» (Ваккаро). Какъ происходитъ такая интеграція, мы можемъ и сейчасъ видѣть на земледѣльческомъ и городскомъ населеніи. Если мы сравнимъ киргизовъ, русскихъ и бельгійцевъ, то мы увидимъ, что каждая изъ этихъ группъ можетъ пропитаться земледѣліемъ только при извѣстной густотѣ, — всякое уплотненіе выбиваетъ уже человѣка изъ условій его существованія. Тамъ, гдѣ киргизъ не въ состояніи пропитаться, тамъ русскому земледѣльцу раздолье, гдѣ русскій говоритъ о малоземельи, бельгіецъ чувствуетъ себя состоятельнымъ. Но сокращеніе площади земли, соединенное съ уплотненіемъ населенія, порождаетъ новую культуру, новыя связи, болѣе сильную общественность, нерѣдко пріобрѣтаемую дорогой цѣной за счетъ единицъ, не успѣвшихъ или не сумѣвшихъ приспособиться къ новымъ условіямъ существованія. Теперь возьмите городское населеніе. Проѣзжаете вы по улицамъ какого-нибудь Чистополя или Чебоксаръ, и васъ поразитъ огромное пространство городской земли сравнительно съ ничтожнымъ количествомъ населенія. Вдоль улицъ тянутся безконечные заборы, а самые дома — почти сплошь особняки, въ которомъ живутъ одно, самое большее два семейства. И возьмите, съ другой стороны, Одессу или С.-Петербургъ. Заборовъ уже нѣтъ. Огромные много-

этажные дома вмѣщаютъ въ себѣ населеніе, большее, чѣмъ на цѣлой улицѣ уѣзднаго города. Процессъ городской интеграціи, быстро идущій на нашихъ глазахъ все сильнѣе и сильнѣе, сбиваетъ людей въ плотную массу.

Эта интеграція сопровождается дифференціаціей, — иначе одно уплотненіе быстро привело бы къ смерти. По Геккелю, на дубѣ уживаются 200 видовъ насѣкомыхъ; если бы это былъ все одинъ видъ, то такое количество особей не въ состояніи было бы пропитаться совмѣстно на одномъ деревѣ. То же самое и въ обществѣ. Раздѣленіе труда даетъ возможность существованію все большаго числа лицъ. Эта дифференціація идетъ быстрыми шагами. Въ малоразвитомъ обществѣ изъ массы однородной выдѣляется одинъ только военачальникъ, который одновременно бываетъ и жрецомъ. Даже, когда происходитъ первое раздѣленіе между вождемъ и жрецомъ, послѣдній представляется сосредоточіемъ всей духовной дѣятельности. Онъ не только жрецъ, онъ и врачъ, онъ и юристъ. Въ дальнѣйшемъ всѣ эти задачи такъ раздѣляются, что намъ даже трудно понять ихъ соединеніе въ одномъ лицѣ. Также и въ новое время мы можемъ наблюдать этотъ процессъ дифференціаціи. Въ небольшомъ уѣздномъ городѣ имѣется просто врачъ, тогда какъ въ Москвѣ ищутъ не просто врача, а спеціалиста по той или иной болѣзни, и едва ли въ столицѣ нуждающійся въ хирургической помощи обратится къ терапевту, что постоянно происходитъ за предѣлами большого города. Тотъ же процессъ дифференціаціи и еще

болѣе наглядно наблюдается въ области ремесла. Деревенскій кузнецъ считается спеціалистомъ по всѣмъ дѣламъ, гдѣ только рѣчь идетъ о металлѣ. Въ большомъ городѣ для исправленія водопроводнаго крана обращаются къ одному слесарю, для исправленія дверного замка — къ другому, для исправленія стальной крышки часовъ— къ третьему. Если процессъ интеграціи сталкиваетъ людей въ плотную массу, то дифференціація устанавливаетъ между ними тѣснѣйшую связь, основанную на сознаніи взаимной зависимости. Чѣмъ больше продвинулось раздѣленіе труда, чѣмъ дробнѣе дѣло, выполняемое каждымъ, тѣмъ безпомощнѣе чувствуетъ онъ себя, тѣмъ болѣе понимаетъ онъ, что его существованіе немыслимо безъ сотрудничества съ другими. Интеграція и дифференціація, создавая такое сознаніе, въ то же время организуютъ общество, превращая его изъ однородной массы въ сложный механизмъ.

Какія же обстоятельства благопріятствуютъ росту и сплоченію общества? Это обстоятельства внѣшняго и внутренняго характера.

Съ внѣшней стороны зарожденіе общественной жизни зависитъ прежде всего отъ климата. Мѣстность, которая даетъ мало естественныхъ плодовъ и притомъ не круглый годъ, неблагопріятна для зарожденія культуры. Чтобы на небольшомъ пространствѣ могла прокормиться значительно выросшая группа, не расходясь за поисками пищи, нужна мѣстность, не сковываемая морозомъ, не покрываемая снѣгомъ. Здѣсь открывается вопросъ, гдѣ зародилась впервые культура, въ жаркомъ или

умѣренномъ климатѣ. Въ настоящее время, когда человѣкъ научился воздѣйствовать на природу, умѣренный климатъ болѣе способствуетъ культурѣ: въ человѣкѣ развивается трудолюбіе, привычка преодолѣвать препятствія, жара не лишаетъ его энергіи, не подрываетъ его силъ. Но въ то время, когда человѣкъ цѣликомъ зависитъ отъ природы, жаркій климатъ скорѣе всего способствуетъ культурѣ, потому что только онъ допускаетъ сплоченіе, а сплоченіе, какъ мы видѣли, влечетъ за собой раздѣленіе труда, а раздѣленіе труда усиливаетъ производство и обмѣнъ, а послѣднее обстоятельство вызываетъ настолько несходные интересы, что требуется уже организація, т.-е. нормировка общественной жизни,—а это и есть само общество. Примѣры Египта, Мексики, Перу подтверждаютъ исторически такое предположеніе отъ разума.

Кромѣ климата, на общественную жизнь оказываетъ вліяніе поверхность той мѣстности, гдѣ живетъ человѣкъ. Горы сплачиваютъ тѣхъ, кто поселился въ одной долинѣ, но тѣмъ сильнѣе отдѣляютъ отъ тѣхъ, кто находится за горою. Густые лѣса благопріятствуютъ жизни въ одиночку или семьями. Наконецъ на равнинѣ люди расползаются, — здѣсь имъ труднѣе всего сплотиться, потому что нѣтъ необходимости. Всякая тѣснота даетъ возможность уходить дальше. Таково положеніе Россіи, гдѣ казачество составляло всегда расширеніе общества за счетъ его уплотненія.

Съ внутренней стороны слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что общественные инстинкты

зарождаются постепенно. Въ первобытномъ человѣкѣ, напротивъ, много чертъ, подрывающихъ силу общественныхъ связей. Онъ прежде всего несдержанъ: всякое свое желаніе онъ готовъ сейчасъ же исполнить, не считаясь ни съ какими послѣдствіями, и прежде всего съ тѣмъ, согласуется ли его интересъ съ чужими интересами. Такая черта порождаетъ постоянныя острыя столкновенія, которыя не сплачиваютъ, а разъединяютъ. Вторая черта, характерная для первобытнаго человѣка,—это его непредусмотрительность. Онъ не заглядываетъ далеко. Онъ считается только съ ближайшими послѣдствіями. Если у него есть пища, то онъ наѣстся доотвалу, не заботясь о сохраненіи ея на дальнѣйшее время. Человѣкъ, который не способенъ разсчитывать надолго, слабо связанъ съ обществомъ, потому что онъ не въ состояніи цѣнить тѣ преимущества, какія доставляетъ ему общество, если только онъ не видитъ этой выгоды немедленно, напр., на охотѣ или на войнѣ. Несдержанность и непредусмотрительность — таковы двѣ черты, которыя на первыхъ ступеняхъ культуры, отталкиваютъ человѣка отъ человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняютъ возможность сплоченія, раздѣленія труда и нормированія поведенія.

Общественное сознаніе.

Значительная сплоченность общества, постоянное взаимное общеніе его членовъ, вліяніе другъ на друга, создаютъ въ каждомъ обществѣ опредѣленный типъ міросозерцанія, настроенія. Это то, что мы называемъ общественнымъ сознаніемъ. Мы

выражаемся нерѣдко: «общество желаетъ», «общество волнуется», «общество понимаетъ». Мы выражаемся такъ, какъ будто это желаютъ, волнуются, сознаютъ не отдѣльные люди, не члены того или другого общества, а само общество. Мы приписываемъ обществу такія психическія состоянія, которыя свойственны только отдѣльнымъ существамъ. Не значитъ ли это, что общество дѣйствительно представляетъ собою нѣчто психически отличное отъ составляющихъ его членовъ? Нѣтъ ли у общества, въ самомъ дѣлѣ, души?

Историческая школа права, еще до возникновенія соціологіи, выдвинула идею «о народномъ духѣ», который заложенъ въ каждомъ народѣ при появленіи его на историческую сцену. Представленіе объ этомъ народномъ духѣ въ сущности очень недалеко отъ мысли, что у общества есть свой характеръ, свое міровоззрѣніе, не только отличное отъ характера и убѣжденія другихъ обществъ, но и составляющихъ его членовъ. Съ возникновеніемъ соціологіи у нѣкоторыхъ соціологовъ появилась готовность признать за обществомъ особые умъ, волю, чувства. Такого направленія держался австрійскій ученый Шефлэ, его и сейчасъ держится нашъ соотечественникъ Новиковъ. Даже германскій философъ Вундтъ не далекъ отъ этой мысли, когда говоритъ о коллективномъ духѣ.

Но никакого соціальнаго сознанія, въ смыслѣ особой психической единицы, не существуетъ. То, что можно понимать подъ этимъ именемъ и съ чѣмъ безусловно слѣдуетъ считаться,—это итогъ

многочисленныхъ отдѣльныхъ сознаній. Въ воздухѣ, дѣйствительно, носится общественное настроеніе, которое улавливается путемъ соприкосновенія со множествомъ единицъ, проявляющихъ одинаковое настроеніе. Когда мы говоримъ, что такое-то общество энергично или, напротивъ, апатично, мы выводимъ это изъ массы наблюденій, часто даже не замѣчая, какъ мы это продѣлываемъ. Отличительная черта крупнаго мыслителя обнаруживается въ этой способности, съ высоты, ему доступной, обозрѣть огромное количество единичныхъ психическихъ состояній и выразить такъ общественное настроеніе, какъ это никогда не удается человѣку средняго уровня. Не противорѣчатъ ли, однако, такому отрицанію общественной души факты, которые говорятъ намъ съ очевидностью, что толпа людей способна сдѣлать то, чего не могъ бы сдѣлать въ отдѣльности ни одинъ изъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ ея? Развѣ невѣрно, что въ толпѣ настроеніе можетъ подняться на такую высоту ожесточенія, при которой толпа легко превратится въ звѣря, готоваго совершить отвратительное дѣло, способное потомъ вызвать омерзѣніе въ каждомъ участникѣ? Вспомнимъ картину, нарисованную гр. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ», когда толпа разрываетъ Верещагина, выданнаго ей гр. Растопчинымъ въ качествѣ измѣнника, и то чувство смущенія, какое охватило всѣхъ, когда дѣло было кончено. Но толпа способна подняться и на высоту геройскаго подвига, стоящаго выше сознанія каждаго ея члена въ отдѣльности. Въ знаменитую ночь 4 августа 1789 года дворяне

Франціи въ національномъ собраніи отреклись безъ вознагражденія отъ своихъ историческихъ правъ на крестьянскій трудъ, барщину и повинности, и только на другой день, когда актъ былъ совершенъ, многіе изъ участниковъ вчерашняго рѣшенія пожалѣли объ излишнемъ великодушіи. Эти факты свидѣтельствуютъ только, что въ соприкосновеніи съ другими каждый человѣкъ способенъ сильнѣе чувствовать, чѣмъ въ отдѣльности. Но признаніе общественной души означало бы, что это чувствуетъ не самъ человѣкъ, а кто-то стоящій надъ нимъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ дальше идетъ осложненіе общественнаго строенія, чѣмъ болѣе сознательность и личная предпріимчивость берутъ верхъ надъ инстинктомъ и консервативнымъ подражаніемъ, тѣмъ разнообразнѣе становится психическій составъ общества, тѣмъ труднѣе уловить общія черты, характеризующія само общество.

Литература: *Спенсеръ*, Основанія соціологіи, т. 2; *Штаммлеръ*, Хозяйство и право, 1907, т. I, стр. 83—120; *Хвостовъ*, Общественный организмъ („Вопр. фил. и псих.“ 1910, № 100).

Лекція пятая.

Куда же идетъ человѣчество въ своемъ общественномъ развитіи? Какова цѣль общественнаго развитія?

Цѣль общественнаго развитія.

Можно ли, однако, ставить вопросъ о цѣли существованія и жизни общества? Не есть ли это тотъ самый проклятый вопросъ, который ставитъ себѣ издавна человѣкъ: зачѣмъ онъ существуетъ, какова цѣль его жизни? Нѣтъ, вопросы эти не однородны по силѣ. Появленіе человѣка на землѣ, какъ и исчезновеніе изъ міра, не зависятъ отъ его воли. Человѣкъ данъ въ природѣ, а зачѣмъ, этого умъ человѣческій не въ состояніи никогда разрѣшить, — это вопросъ не человѣческаго ума. А слѣдовательно, такъ же безплоденъ вопросъ о смыслѣ человѣческаго существованія. Но общество дано не природой, это произведеніе воли человѣческой, а потому къ обществу всегда примѣнимъ вопросъ: зачѣмъ существуетъ общественная жизнь? А если найдена будетъ цѣль общежитія, то можетъ быть поставленъ и другой вопросъ: какъ должно быть организовано общество, чтобы наилучше достичь этой цѣли?

Можно ли сомнѣваться, что цѣль общежитія есть совмѣстная борьба за условія человѣческаго

существованія противъ препятствій, выставляемыхъ внѣшнимъ міромъ? Можно ли сомнѣваться, что на такое обезпеченіе существованія въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ имѣетъ право каждое человѣческое существо? Можно ли сомнѣваться, однако, и въ томъ, что не только такого равенства нѣтъ, но что сама общественная жизнь создаетъ новыя условія борьбы. Вмѣсто того, чтобы общими силами бороться противъ природы, люди борются между собою. Вмѣсто того, чтобы укрѣплять свое господство надъ внѣшнимъ міромъ, люди стремятся укрѣплять свое господство другъ надъ другомъ, внутри самого общества.

Если такъ, то не выясняется ли цѣль человѣческаго общежитія, пока не достигнутая, въ томъ, чтобы, уничтоживъ внутреннюю борьбу, обезпечить каждому человѣку такую долю благополучія, какая возможна въ каждый моментъ по степени достигнутаго распоряженія силами природы?

Но тутъ выдвигается новый вопросъ. Допустимъ, что такова дѣйствительно цѣль общественной жизни, допустимъ, что всѣ и каждый сознали эту цѣль и сочувствуютъ ей, — приближается ли къ ней человѣчество? Иначе, прогрессируетъ ли общество? Движется ли человѣчество по пути къ общему счастію, или безпомощно топчется на одномъ мѣстѣ, или обманываетъ само себя, принимая блуждающіе огни за свѣтъ истины и добра?

Общественный регрессъ.

Глубокое недовольство настоящимъ порядкомъ или же быстрый темпъ жизни, къ которому не въ силахъ приспособиться люди пожилые, установив-

шіеся, порождаетъ пессимистическое отношеніе къ настоящему съ рѣзкимъ подчеркиваніемъ преимуществъ прошлаго. Рѣдкій старикъ находитъ въ преклонномъ возрастѣ такое богатое содержаніе жизни, какое онъ находилъ въ молодости. Старикъ весь въ прошломъ, и потому нельзя его винить, если это прошлое въ его представленіи выше современности. Но и цѣны большой такая точка зрѣнія не имѣетъ, и сами старики могли бы въ этомъ убѣдиться: вѣдь это идеализированіе прошлаго свойственно всякому вѣку, и, если онъ, старикъ, думаетъ и говоритъ сыну, внуку, что теперь хуже, чѣмъ было въ его время, то то же самое говорили ему въ свое время его отецъ или дѣдъ.

Уже греки, при всей жизнерадостности ихъ культуры, создали ученіе о постепенномъ паденіи жизни. Человѣчество спускалось со ступеньки на ступеньку, переходя послѣдовательно отъ золотого вѣка къ серебряному, мѣдному, желѣзному. Ту же точку зрѣнія проводили, можетъ-быть, съ большимъ основаніемъ римскіе поэты Вергилій, Овидій, Горацій. Съ новой силой зарождается это представленіе въ XVIII вѣкѣ, особенно подъ вліяніемъ Руссо. Дѣтство, невинность человѣка осталась позади,—вся дальнѣйшая исторія человѣчества есть сплошное извращеніе природы человѣка. Только дикари, живущіе въ непосредственномъ общеніи съ природой, живутъ въ здоровыхъ, естественныхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ этой проповѣди первобытный строй стали идеализировать. Однако безжалостная наука разрушила эти иллюзіи. Этнографія раскрыла, что дикарь физически

много слабѣе культурнаго человѣка, а духовная его свобода, вслѣдствіе массы окутывающихъ его предразсудковъ, совершенно ничтожна. «Настоящій дикарь — это несчастное, недокормленное, недоросшее, вѣчно дрожащее отъ холода, бездомное существо, находящееся въ постоянномъ страхѣ передъ видимыми и невидимыми опасностями, безъ семейныхъ узъ (какъ мы ихъ понимаемъ), безъ обезпеченной пищи и безъ опредѣленнаго пристанища» (Дженксъ).

Если невозможно доказать, что все человѣчество идетъ непрерывно по пути ухудшенія, то все же остаются безспорными факты паденія исторически весьма извѣстныхъ культуръ. Что такое древній Египетъ и что такое жалкіе феллахи, живущіе нынѣ тамъ? Что такое великая Эллада и современные греки, именующіе свое государство также Элладой? Средняя Азія, которая представляла нѣкогда богатѣйшую страну съ высокой культурой, массой городовъ, обильную садами и водами, нынѣ представляютъ пустыню, покрытую песками. Грубые кочевники бродятъ тамъ, гдѣ земля хранитъ остатки дворцовъ, храмовъ, водопроводовъ. Фактъ безспорный. Но изъ него не слѣдуетъ выводъ, будто все становится хуже, а только тотъ, что нѣкоторыя культуры погибли, открывая дорогу другимъ. Если Вавилонъ, подобно Риму, погибъ подъ напоромъ волнъ, которыми залили его дикія полчища, то Египетъ погибъ отъ своей замкнутости, отъ своего желанія держаться въ сторонѣ отъ всего иноземнаго. Древнія культуры погибли отъ своей аристократичности, отъ недостатка

демократическихъ началъ. Та же судьба предвѣщалась Японіи, но страна вдругъ встрепенулась и, отрѣшившись отъ своей вымершей культуры, пріобщилась къ европейской культурѣ, и захирѣвшее тѣло начало заново жить.

Отчаяніе французовъ, которые видятъ, какъ останавливается приростъ населенія Франціи, и какъ быстро обгоняетъ ихъ восточная соперница, которая въ недалекомъ будущемъ будетъ вдвое превышать ее численностью, создало среди французскихъ ученыхъ и особую теорію вырожденія. По мнѣнію одного виднаго представителя этого направленія (Ляпужъ), человѣческая культура происходитъ подъ вліяніемъ постоянной борьбы двухъ антропологическихъ типовъ: короткоголовыхъ и длинноголовыхъ, брахицефаловъ и долихоцефаловъ, при чемъ побѣда всегда остается на сторонѣ послѣднихъ. Несчастіе Франціи, что короткоголовые кельты, нѣкогда побѣжденные пришедшими съ сѣверо-востока длинноголовыми германцами, не смѣшались съ ними, не образовали новаго типа, а сохранились и даже размножились за счетъ пришельцевъ, которые истребляли себя во взаимныхъ феодальныхъ войнахъ. Но теорію Ляпужа слѣдуетъ признать совершенно необоснованной. Ничѣмъ не доказано, что длинноголовые болѣе способны къ культурѣ, нежели короткоголовые. Имѣется даже прямо противоположный фактъ. Культуру Месопотаміи создали короткоголовые, а разрушили ее длинноголовые, ничего взамѣнъ не воздвигшіе.

Общественный круговоротъ.

Мы разсмотрѣли сейчасъ различныя теоріи регресса. Въ противоположность имъ, другіе отвергаютъ, будто человѣчество идетъ подъ уклонъ, но не признаютъ въ то же время, чтобы человѣчество подвигалось впередъ. Человѣчество въ своей исторіи совершаетъ правильные круговороты. Исторія человѣчества состоитъ въ періодическихъ оборотахъ. Ничего новаго. Все только повторенія. Дойдетъ человѣчество до извѣстной точки — и опять начинается сказка про бѣлаго бычка.

Представителемъ такого взгляда въ философіи является итальянскій мыслитель Вико, знаменитое сочиненіе котораго «Новая наука» вышло въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Это сочиненіе имѣетъ своею цѣлью доказать существованіе вѣчныхъ законовъ, данныхъ Богомъ человѣческому роду, посредствомъ которыхъ люди выходятъ изъ варварскаго состоянія въ гражданскій бытъ. Законъ развитія, наложенный на всѣ новые народы, вступающіе на историческую арену, состоитъ въ послѣдовательномъ прохожденіи трехъ стадій: божественной, героической и гражданской. Въ первый періодъ люди, движимые страхомъ передъ невидимымъ, но чувствуемымъ божествомъ, основываютъ постоянныя семьи и проникаются уваженіемъ къ чужой собственности. Это начало гражданственности. Въ каждой семьѣ глава есть неограниченный монархъ. Во второмъ періодѣ отцы семействъ соединяются въ государства. Власть попадаетъ въ руки не всѣхъ, а избранныхъ Богомъ и отмѣченныхъ имъ силою, красотою, величіемъ

души — это герои (а въ переводѣ на историческій языкъ — это просто феодальные бароны). Наступаетъ господство аристократіи. Наконецъ, подъ напоромъ всей массы людей, не желающихъ имѣть надъ собою нѣсколькихъ, наступаетъ третій періодъ — демократическій, который, по Вико, выражается въ формѣ монархіи, этой конечной и лучшей формѣ правленія. Вспомнимъ, что Вико писалъ въ самомъ началѣ XVIII вѣка, и что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи выскочить далеко изъ своего времени. Въ сущности онъ теоретизируетъ только то, что было въ его время. По его мнѣнію, Франція достигла послѣдней ступени, а Англія застряла на второй. Конецъ исторіи состоитъ въ томъ, что монархъ забываетъ идею равенства передъ нимъ всѣхъ подданныхъ, отдаетъ однимъ преимущество передъ другими, и тогда начинается борьба партій, отъ которыхъ народъ долженъ неминуемо погибнуть и дать дорогу новымъ искателямъ культуры. Такова довольно наивная теорія Вико.

Въ новѣйшее время идея круговорота нашла себѣ защитника въ лицѣ соціолога и юриста Гумпловича. Этотъ мыслитель отрицаетъ развитіе всего человѣчества, какъ чего-то единаго. Соціальное развитіе является всегда частнымъ, мѣстнымъ и временнымъ. Жизнь каждаго общества и государства течетъ наподобіе круговорота, и каждая нація, достигнувъ высшей ступени своей культуры, идетъ навстрѣчу своей гибели. Ни одно общество не спасется отъ этой участи. Она ожидаетъ и нашу европейскую культуру. Откуда явится та сила, ко-

торая ее размозжитъ, — это намъ такъ же мало извѣстно, какъ неизвѣстно было государствамъ инковъ и ацтековъ, павшихъ отъ неожиданнаго нашествія бѣлыхъ людей. Быть-можетъ, эта сила ударитъ извнѣ — намекъ на монгольскую расу, быть-можетъ, изнутри — намекъ на соціализмъ, ярымъ противникомъ котораго всегда былъ Гумпловичъ.

Общественный прогрессъ.

Конецъ XVIII вѣка былъ проникнутъ такой вѣрой въ человѣка, въ его разумъ, въ его способность создать цѣлесообразный общественный порядокъ, что идея прогресса должна была охватить умы того времени. Дѣйствительно, мысль о движеніи человѣчества по пути совершенствованія господствуетъ въ годы, предшествующіе великой французской революціи и непосредственно слѣдующіе за ней вплоть до реакціи, вдоволь насмѣявшейся надъ самоослѣпленіемъ человѣка. Виднѣйшіе мыслители той эпохи, Гердеръ, Кондорсэ, Кантъ, были охвачены идеей прогресса и посвятили ей не мало времени и труда.

Человѣчество идетъ впередъ — таковъ былъ общій взглядъ. Разногласіе заключалось только въ пониманіи, какъ оно идетъ по этому пути. 1) Одни полагали, что человѣчество, какъ одно цѣлое, все время, шагъ за шагомъ, двигается по направленію къ усовершенствованію, какъ личному, такъ и общественному. 2) По взгляду другихъ, невозможно отрицать задержекъ въ прогрессѣ, застоя или даже попятнаго движенія. Поэтому прогрессъ слѣдуетъ представлять себѣ не въ видѣ прямой

линіи, а въ видѣ спирали, въ видѣ круговъ, все выше и шире. Собственно къ этому воззрѣнію мы должны причислить и Гегеля съ его формулой діалектическаго развитія: тезисъ, антитезисъ, синтезисъ. Извѣстное общественное состояніе, тезисъ, переходитъ въ противоположное, антитезисъ, для того, чтобы въ синтезисѣ примирить противорѣчіе, дать улучшеніе перваго состоянія. Только у Гегеля весь ходъ развитія не въ дѣйствительности, а въ идеѣ, что мало согласуется съ нашимъ нынѣшнимъ реалистическимъ пониманіемъ. 3) Наконецъ третьи признаютъ, что человѣчество распадается на рядъ культуръ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое начало и конецъ, но общечеловѣческій прогрессъ состоитъ въ томъ, что ни одна культура не погибаетъ безслѣдно, что остатки разбитой культуры всегда служатъ матеріаломъ для вновь воздвигаемой.

Общественная эволюція.

Въ XIX вѣкѣ идея прогресса, какъ усовершенствованія, столкнулась съ идеей эволюціи, какъ развитія безотносительно къ его оцѣнкѣ. Въ понятіи прогресса уже заключено представленіе о томъ, что человѣчество идетъ къ улучшенію своей жизни. Но эволюція говоритъ объ осложненіи, не касаясь и не рѣшая вопроса, лучше ли это или хуже. Такая идея развитія, вмѣсто усовершенствованія, утвердилась въ наукѣ подъ соединеннымъ вліяніемъ трехъ мыслителей: Дарвина, Спенсера и Маркса. Борьба за существованіе и естественный отборъ, полные трагизма, но ведущіе къ извѣстному результату помимо всякой цѣли, кѣмъ-

либо поставленной (Дарвинъ); интеграція и дифференціація, вытекающія изъ дѣйствія силъ, независимыхъ отъ чьей-либо воли, какъ самопроизвольный процессъ (Спенсеръ); образованіе капиталистическаго хозяйства и его разложеніе подъ дѣйствіемъ однѣхъ экономическихъ силъ, помимо и даже противъ воли экономически сильнѣйшихъ (Карлъ Марксъ),—все это способствовало укрѣпленію мысли, что нельзя ставить цѣли человѣческому общежитію и что ходъ общественнаго развитія совершается помимо воли человѣка.

Но странное дѣло. Проповѣдуя полный объективизмъ, совершенное устраненіе всякихъ цѣлей въ процессѣ развитія, указанные сейчасъ мыслители видятъ въ концѣ процесса развитія торжество того идеала, который каждый изъ нихъ носитъ въ душѣ. Другими словами, человѣчество должно прійти въ концѣ-концовъ, безъ всякаго участія воли, дѣйствіемъ однѣхъ слѣпыхъ силъ, къ тому, чего хочетъ тотъ или другой мыслитель. Спенсеръ увѣренъ, что общественное развитіе идетъ неукоснительно къ торжеству индивидуализма, а Марксъ также твердо убѣжденъ, что восторжествуетъ соціализмъ. Замѣчательно, что объективное ученіе о развитіи, ставшее на мѣсто идеи прогресса, отличается необыкновеннымъ оптимизмомъ. Въ дѣйствительности, ихъ взглядъ сводится къ тому, что все идетъ къ лучшему, т.-е. идея развитія сближается съ идеей прогресса.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ дѣлѣ борьбы съ внѣшнимъ міромъ человѣкъ дѣлаетъ огромные успѣхи, и что успѣхами этими онъ обязанъ со-

единенію силъ, т.-е. общественной организаціи. Напрасно стали бы мы въ прошломъ искать такихъ результатовъ, какіе достигнуты въ послѣднее время. Ни историческія данныя, ни археологическія раскопки не раскрываютъ намъ, чтобы когда-нибудь, въ какой-нибудь изъ погибшихъ культуръ, человѣкъ достигъ такого успѣха, какимъ онъ пользуется нынѣ. Общая сумма благъ, вырванныхъ у природы, нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо. Сумма благъ, падающая на каждаго человѣка, теперь больше, чѣмъ была когда-нибудь.

Но въ то же время усиливается борьба среди членовъ общества. Борьба внѣшняя сопровождается борьбой внутренней. Если сумма благъ, которая падаетъ на каждаго человѣка, выше той суммы, какая приходилась на его долю триста, пятьсотъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, то зато часть, падающая на одного, несоизмѣримо меньше части, падающей на другого. Конечно, если мы возьмемъ культуры индійскую, египетскую, американскую, съ ихъ кастовымъ устройствомъ, то ничего подобнаго нынѣ не встрѣтимъ. Но европейская культура сама по себѣ большой шагъ впередъ сравнительно съ болѣе ранними. И вотъ въ ея предѣлахъ мы замѣчаемъ, что вопросъ о распредѣленіи благъ становится очень острымъ. Пусть нынѣшній рабочій живетъ лучше, чѣмъ средневѣковый, но зато тотъ жилъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, велъ почти одинаковый образъ жизни. Теперь рабочему никогда не стать фабрикантомъ, о чемъ еще недавно онъ охотно мечталъ. «Плохъ тотъ солдатъ, кто не надѣется стать генераломъ». И мы знаемъ,

что во времена Наполеона это еще было возможно, и капралы становились маршалами. Кто же повѣритъ въ возможность такого превращенія нынѣ? Человѣкъ опредѣляетъ свое благополучіе не по абсолютному количеству благъ, къ которымъ онъ быстро привыкаетъ, а по относительной ихъ величинѣ, сравнительно съ тѣмъ, что имѣютъ другіе, и къ этому онъ никогда не будетъ безразличенъ.

Вопросъ объ общей суммѣ благъ, исторгаемыхъ отъ природы соединенными общественными усиліями, есть вопросъ умственнаго прогресса. Вопросъ раздѣленія этихъ благъ между отдѣльными членами общественнаго союза есть вопросъ нравственнаго прогресса. Вотъ почему нѣкоторые вѣрятъ въ умственный прогрессъ, и отрицаютъ нравственный. Къ числу такихъ принадлежитъ англійскій историкъ Бокль. Нравственныя начала искони вѣковъ, говоритъ онъ, остаются все тѣ же; никто еще ничего новаго въ этой области не придумалъ. Но это невѣрно. Первобытнымъ народамъ неизвѣстны даже наши нравственныя истины. А если мы посмотримъ на большомъ протяженіи лѣтъ, какъ принимались эти истины, то мы увидимъ, какіе огромные шаги дѣлаетъ человѣчество и въ нравственномъ отношеніи. Мыслимо ли, чтобы избранное общество, не исключая представителей литературы и искусства, наслаждалось зрѣлищемъ, какъ дикіе звѣри растерзываютъ беззащитныхъ христіанъ? Развѣ могли бы мы спокойно любоваться картинами средневѣковой инквизиціи съ ея утонченными пытками? Развѣ допустимо нынѣ, чтобы войско, взявъ чужой непріятельскій

городъ, предало все грабежу и насилію, какъ это было хотя въ Тридцатилѣтнюю войну, развѣ нынѣ имущество, честь женщинъ, жизнь мужчинъ не обезпечены вполнѣ въ такихъ случаяхъ? Конечно, въ глубинѣ души человѣка таится звѣрь, и если снять съ него культурныя цѣпи — онъ можетъ надѣлать ужасныхъ дѣлъ. Не надо примѣровъ,— сошлемся на то, что дѣлалось недавно въ Мессинѣ, застигнутой землетрясеніемъ. Но въ томъ и значеніе культуры, что она связываетъ звѣря и дѣлаетъ его приспособленнымъ къ совмѣстной жизни, на благо всѣхъ, а не его одного. Рядомъ съ грабителемъ, отрѣзывающимъ палецъ съ кольцомъ отъ руки, высунувшейся изъ-подъ развалинъ, вспомните итальянскаго солдата, погибающаго на своемъ посту отъ пожара, вспомните русскихъ моряковъ, добровольно рисковавшихъ собою для спасенія погибавшихъ, имъ чужихъ.

Приближеніе къ счастію.

Но если дѣйствительно общество прогрессируетъ не только умственно, а также и нравственно, увеличивается ли высота счастія каждаго человѣка? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Во-первыхъ, человѣкъ чувствуетъ себя несчастнымъ, когда не удовлетворены всѣ его потребности. Съ этой точки зрѣнія, чѣмъ меньше потребностей, тѣмъ ближе онъ къ счастію. Такова была дѣйствительно точка зрѣнія древнихъ циниковъ. Дикарь безконечно доволенъ, когда ему удалось наѣсться такъ, что онъ не можетъ двинуться, и его безпечную душу нисколько не смущаетъ опасеніе, что слѣдующіе дни ему совсѣмъ нечего будетъ ѣсть. Культурный человѣкъ

отличается отъ первобытнаго большимъ количествомъ благъ, находящихся въ его распоряженіи, большею суммою испытываемыхъ радостей. Культура соединяется съ количественнымъ и качественнымъ ростомъ наслажденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и сумма огорченій отъ неудовлетворенныхъ потребностей, или отъ страха передъ ожидаемымъ неудовлетвореніемъ. Здѣсь встаетъ передъ человѣкомъ постоянный вопросъ, что лучше: имѣть минимумъ потребностей, полностью удовлетворенныхъ, или максимумъ потребностей, значительно неудовлетворенныхъ? Какъ бы, однако, ни рѣшалъ человѣкъ этотъ вопросъ теоретически, но практически онъ рѣшается самъ собою, потому что потребности нарождаются помимо воли человѣка, тѣмъ, что онъ живетъ въ общеніи съ другими и невольно воспринимаетъ ихъ потребности. Съ другой стороны, ростъ потребностей человѣчества, въ его цѣломъ, безграниченъ, и, по мѣрѣ удовлетворенія однѣхъ, вырастаютъ сейчасъ новыя. Поэтому, какъ бы ни было устроено общежитіе, какъ бы полно и равномѣрно ни были распространены блага, мы никогда не увѣрены, что у человѣка не появятся новыя потребности, неудовлетворимыя для всѣхъ одинаково.

Въ виду сказаннаго, на прогрессъ мы должны смотрѣть не какъ на обезпеченіе счастія, а какъ на постепенное устраненіе препятствій, стоящихъ на дорогѣ къ предполагаемому счастію. Каждое время ставитъ себѣ свои задачи достиженія счастія, и что бы ни говорили о тщетности человѣческихъ стремленій, объ обманчивости его надеждъ на сча-

стіе, а стремленіе къ счастію останется, потому что это стремленіе заложено въ самую природу человѣка.

Можно утверждать только слѣдующее: 1) съ ходомъ развитія общественной жизни увеличивается тяготѣніе человѣка къ счастью въ количественномъ и качественномъ отношеніи, и это обстоятельство усиливаетъ ростъ культуры; 2) въ противоположность первобытному человѣку, инстинктивно приспособляющемуся къ внѣшней средѣ, культурный человѣкъ сознательно приспособляетъ внѣшнюю среду къ своимъ потребностямъ; 3) съ прогрессомъ сознательное устроеніе общественной жизни, на разумныхъ началахъ признанія достоинства каждаго человѣка и обезпеченія за каждымъ равнаго участія въ житейскихъ благахъ, беретъ верхъ надъ непроизвольной организаціей.

Литература: *Карѣевъ*, Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи (Историко-философскіе и соціологическіе очерки; *Гумпловичъ*, Основы соціологіи, 1899, гл. V.

Лекція шестая.

Постановка вопроса.

Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, и личность въ настоящее время можетъ существовать только въ обществѣ. Весь смыслъ общественной жизни заключается въ установленіи равновѣсія между обществомъ и личностью. Вся исторія общественныхъ движеній представляетъ постоянныя колебанія то въ сторону общества, подчиняющаго себѣ или даже поглощающаго личность, то въ сторону личности, протестующей и выбивающейся изъ-подъ господства общества.

Вопросъ объ отношеніи между обществомъ и личностью можетъ быть поставленъ и становился на различной почвѣ. На почвѣ религіозной онъ выразился въ борьбѣ между католицизмомъ, подчинявшимъ личныя убѣжденія церковному авторитету, и протестантизмомъ, отстаивавшимъ свободу личной совѣсти. На политической почвѣ борьба между обществомъ и личностью выразилась въ смѣнѣ государственнаго абсолютизма, подчиняющаго каждаго человѣка безусловной силѣ власти, и либерализмомъ, признающимъ за гражданиномъ кругъ неотъемлемыхъ правъ личной свободы. Въ области экономической этотъ споръ между обществомъ и личностью представ-

ленъ соціализмомъ, возлагающимъ на личность трудовую повинность, и индивидуализмомъ, предлагающимъ личности бороться за свои выгоды путемъ конкуренціи.

Соціологическая постановка вопроса тѣмъ отличается отъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ, что она не беретъ какую-нибудь одну сторону этого отношенія между обществомъ и личностью, а принимаетъ его полностью, какъ нѣчто единое. Общество и личность стоятъ другъ передъ другомъ, какъ два исконныхъ и вѣчныхъ начала, одновременно дружественныхъ и враждебныхъ — не могутъ жить другъ безъ друга, но не могутъ и ужиться другъ съ другомъ. Передъ соціологической точкой зрѣнія отступаютъ отдѣльные моменты этой связи и борьбы. Въ соціологическую постановку вопроса уже включены отношенія между обществомъ и личностью на почвѣ политической, юридической, экономической, нравственной, религіозной.

И, хотя вопросъ объ отношеніи личности къ обществу является несомнѣнно основнымъ въ пониманіи сущности общественныхъ явленій, надо сознаться, что онъ мало разработанъ въ соціологической литературѣ. Замѣтимъ при этомъ, что соціологія ставитъ вопросъ, каково есть отношеніе между обществомъ и личностью, а не каковымъ оно должно быть.

Взаимодѣйствіе между обществомъ и личностью.

Прежде всего передъ нами встаетъ вопросъ, каково взаимодѣйствіе между личностью и обществомъ? Создается ли личный обликъ самостоятельно или же на него имѣетъ рѣ-

шительное вліяніе та среда, среди которой онъ появляется? Умъ, чувства, воля каждаго есть ли это его собственное благопріобрѣтенное достояніе или же все это необходимый результатъ тѣхъ условій, среди которыхъ родился и воспитывался данный индивидъ, его родовое достояніе?

Вліяніе общества на личность.

Возьмемъ прежде всего вліяніе среды на умъ человѣка. Можемъ ли мы представить себѣ, чтобы такое міровоззрѣніе, которое развернулъ передъ людьми XIX вѣка Чарльзъ Дарвинъ, было выдвинуто въ XIV столѣтіи? Допускаемъ ли мы возможность Ч. Дарвина съ его ученіемъ въ средніе вѣка или въ началѣ новыхъ вѣковъ? Я думаю, что всякій, преклоняющійся передъ великимъ умомъ англійскаго философа, скажетъ по совѣсти, что Дарвинъ могъ появиться только въ XIX вѣкѣ. Для того, чтобы Дарвинъ выступилъ въ половинѣ XIX столѣтія, нужно было: 1) чтобы умъ воспитывался въ той атмосферѣ свободнаго изслѣдованія, которая такъ присуща XIX и такъ чужда XIV столѣтію; 2) чтобы естествознаніе сдѣлало тѣ успѣхи, на которыхъ Дарвинъ могъ построить свою натурфилософію; 3) чтобы идея эволюціи была брошена въ воздухъ предшественниками, каковыми въ настоящемъ случаѣ явились Ламаркъ, Гердеръ, Гете, Эразмъ Дарвинъ. Возьмемъ другой примѣръ. Между остроумными умами, склонными къ изобрѣтеніямъ, нашъ вѣкъ выдвинулъ Эдиссона. Можемъ ли мы представить себѣ Эдиссона среди полчищъ Батыя, надвинувшихся на Россію изъ степей Азіи? Конечно, нѣтъ. Чтобы

умъ его изощрился въ томъ рядѣ изобрѣтеній, которыми онъ прославилъ свое имя, нужна была подготовка въ успѣхѣ цѣлой группы наукъ, нужна была постановка вопросовъ, долго не находившихъ разрѣшенія. Другими словами, чтобы явился Эдиссонъ, необходимы были многочисленныя единицы, которыя до него думали, изобрѣтали, искали, комбинировали.

Не въ правѣ ли мы сказать, что Ч. Дарвинъ и Эдиссонъ—дѣти своего времени, иначе, что величайшіе умы оказываются подъ вліяніемъ породившей ихъ среды. Правильно замѣтилъ Спенсеръ, что «прежде чѣмъ великій человѣкъ сможетъ передѣлать свое общество, это общество должно сдѣлать его самого». «Безъ сомнѣнія, великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ» (Михайловскій). Геніальность ума заключается не въ томъ, что онъ изъ себя самого извлекъ великую идею, а въ томъ, что онъ сумѣлъ подняться на огромную высоту, съ вершины усмотрѣлъ разсѣянные тамъ и тутъ ростки идеи, свелъ ихъ въ одно и представилъ идею всѣмъ своимъ современникамъ, которые и не подозрѣвали, какія богатства таятся среди нихъ.

Перейдемъ къ вліянію среды на чувства человѣка. Скажемъ ли мы, что характеризующія человѣка черты появляются въ немъ независимо отъ среды? Мягкость, съ одной стороны, ожесточенность — съ другой, не являются ли онѣ продуктомъ среды? Развѣ мы не видимъ, что почти каждый писатель, изображая передъ нами своего

героя, стремится найти въ условіяхъ его воспитанія, а можетъ-быть, и въ наслѣдственности, объясненіе его поведенія въ романѣ? Можно быть разнаго мнѣнія о вліяніи семьи на подготовку гражданина. Одни утверждаютъ, что воспитаніе семейное незамѣнимо, потому что семья окружаетъ человѣка атмосферою заботливости, которая дѣлаетъ его самого добрѣе; что семья пріучаетъ къ домашнему порядку и повиновенію, тѣмъ подготовляя его къ государственному порядку и исполненію законовъ. Другіе отрицаютъ семейное воспитаніе, потому что эгоизмъ родителей, страхъ потерять дѣтей, побуждаетъ ихъ вытравлять въ своихъ дѣтяхъ чувство гражданской доблести, смѣлость, самоотверженность. При всемъ разногласіи этихъ точекъ зрѣнія, у нихъ общее исходное воззрѣніе: человѣкъ въ значительной степени таковъ, какимъ его дѣлаетъ семья, т.-е. ближайшая общественная среда.

Наконецъ обратимся къ волѣ человѣка. Не подлежатъ сомнѣнію мгновенныя зараженія волевой дѣятельности. При паникѣ самые смѣлые поражаются безотчетнымъ страхомъ, въ толпѣ, грозящей и наступающей, даже трусы поднимаются на высоту безумной храбрости. Если среда дѣйствуетъ на волю при такихъ мгновенныхъ зараженіяхъ, почему мы будемъ отрицать, что сила воли человѣка складывается подъ вліяніемъ среды, въ которую онъ поставленъ. Мы были свидѣтелями такого воспитанія воли. Японія долго готовилась къ войнѣ съ Россіей, и эта война считалась высшимъ національнымъ дѣломъ. Всѣ японцы

были охвачены мыслью, что они должны готовиться къ этой борьбѣ и всѣмъ пожертвовать для побѣды. Напряженіе общей воли достигло высшей точки во время войны. Всѣ дѣйствовали въ одномъ направленіи и безъ колебаній. Развѣ это не примѣръ вліянія среды на волю? Нужно ли доказывать, что если англичанинъ пропитанъ чувствомъ законности и никогда нигдѣ не позволитъ поступить съ собою не по закону, то это есть результатъ той политической среды, въ которой съ малыхъ лѣтъ воспитывается воля англичанина.

Итакъ, личность, въ своемъ духовномъ складѣ, опредѣляется вліяніемъ общественной среды. Даже внѣшность человѣка видоизмѣняется въ зависимости отъ среды. Возьмите крестьянъ изъ одной и той же семьи; пусть одинъ изъ нихъ сдѣлается лавочникомъ, другой поступитъ въ университетъ и станетъ врачомъ, третій пойдетъ въ семинарію и превратится въ дьякона, четвертый останется при сохѣ — развѣ по внѣшнему виду каждаго изъ нихъ нельзя будетъ опредѣлить, къ какой кто относится профессіи?

Но противъ сказаннаго сейчасъ могутъ выдвинуть такой аргументъ. Однако дѣти, воспитанныя въ одной и той же средѣ, оказываются нерѣдко неодинаковыми. Опровергаетъ ли это, несомнѣнно наблюдаемое, обстоятельство силу утвержденія о вліяніи среды на складъ ума и характеръ человѣка? Природа ребенка есть прежде всего наслѣдственность, а наслѣдственность есть только видъ воздѣйствія среды на человѣка. Мать и отецъ могутъ быть люди разнаго типа. Ихъ вліяніе на

дѣтей скажется прежде всего въ томъ, кто изъ нихъ передалъ ребенку наиболѣе своихъ чертъ, а затѣмъ кто изъ нихъ оказалъ наибольшее вліяніе на умъ, чувства и характеръ каждаго изъ воспитывающихся въ семьѣ дѣтей. Наконецъ семья не есть замкнутый кругъ, и трудно учесть всю силу волны постороннихъ вліяній, проникающихъ въ домашній міръ черезъ няню, иную прислугу, товарищей, знакомыхъ семьѣ и т. п., ударяющихъ неравномѣрно на дѣтей одной и той же семьи. Какъ нѣтъ двухъ совершенно сходныхъ людей, такъ и нѣтъ совершенно сходныхъ условій вліянія.

Разнообразіе условій вліянія среды идетъ параллельно съ усиленіемъ ея вліянія. Ростъ общественности, т.-е. той связи, въ которой оказывается человѣкъ, становится все сильнѣе. Въ прежнее время человѣкъ менѣе выступалъ на общественную арену, что объясняется въ значительной степени экономическимъ факторомъ — натуральнымъ хозяйствомъ. Съ переходомъ же къ мѣновому хозяйству, человѣкъ долженъ былъ выйти изъ своей замкнутости, столкнуться съ болѣе широкими общественными кругами. Если прежде онъ испытывалъ вліяніе семьи и рода, то теперь на него вліяютъ самые различные люди, съ которыми онъ ежедневно встрѣчается, съ интересами которыхъ переплетаются его интересы и потому вліяніе это все усиливается, охватываетъ личность съ различныхъ сторонъ. Чѣмъ больше число общественныхъ круговъ, съ которыми соприкасается человѣкъ, тѣмъ многочисленнѣе причины, дѣйствую-

щія на душевный складъ человѣка, тѣмъ разнообразнѣе его обликъ.

Вліяніе личности на общество.

Испытывая на себѣ вліяніе среды, личность и сама вліяетъ на среду, и въ этомъ заключается другая сторона взаимодѣйствія между личностью и обществомъ. Но, можетъ-быть, мы ошибаемся, и личность никакого вліянія на общество имѣть не можетъ? Такъ именно думалъ Людвигъ Гумпловичъ. Прежде всего «человѣкъ никогда не мыслитъ, въ человѣкѣ мыслитъ совсѣмъ не онъ, а его соціальная группа». Поэтому исходный пунктъ въ ученіи объ обществѣ не личность, а соціальная группа, семья, родъ, община, классъ, народъ. Въ обществѣ нѣтъ взаимодѣйствія между личностями, а есть взаимодѣйствіе только между соціальными группами. Въ этомъ взаимодѣйствіи отдѣльный человѣкъ участвуетъ лишь какъ атомъ, какъ клѣточка въ составѣ тѣла или организма. Поэтому личность просто нуль, маріонетка, заводимая для движенія окружающею средою. Когда получается впечатлѣніе, будто какая-то личность оказываетъ усиленное воздѣйствіе на современниковъ, то въ дѣйствительности это не больше, какъ усиленное дѣйствіе той же среды, направленное на одну точку.

Такого же взгляда на роль личности придерживается графъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Война и миръ». Онъ протестуетъ противъ склонности историковъ разсматривать ходъ историческаго развитія подъ угломъ дѣйствій одного человѣка, называемаго великимъ, напримѣръ, На-

полеона. «Нельзя разсматривать дѣйствія какого бы то ни было человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, потому что сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица». Не великіе люди двигаютъ событіями, а событія двигаютъ людьми, изъ которыхъ нѣкоторые выталкиваются особенно впередъ и потому они кажутся руководителями. Не они ведутъ общество, а общество гонитъ ихъ впередъ. Причина каждаго историческаго событія сводится къ мыслямъ, желаніямъ, поступкамъ всей массы людей. Поэтому, чтобы изобразить вѣрно или объяснить событіе, напримѣръ, революцію, войну, «необходимо принять въ расчетъ силы всѣхъ, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи». Въ исторіи дѣйствуетъ только «роевая сила», а великіе люди не болѣе, какъ «ярлыки событія». Замѣтимъ, однако, слѣдующее. Самъ графъ Толстой изображаетъ войну 1812 года не въ дѣйствіи всѣхъ, а только въ типахъ, отчасти историческихъ, отчасти вымышленныхъ. Графъ Толстой оставляетъ открытымъ вопросъ, равны ли всѣ силы, дѣйствующія на событіе. Если равны, — онъ правъ, если не равны, его теорія разбивается. Самъ онъ утверждаетъ, что если бы Наполеонъ не захотѣлъ двинуть войска за Вислу — войны не было бы; но войны не было бы и тогда, когда бы всѣ солдаты французской арміи не захотѣли служить. Но здѣсь онъ волѣ одного противопоставляетъ волю всѣхъ, а это значитъ, что силы не равныя. Лучшимъ опроверженіемъ теоріи Тол-

стого служитъ онъ самъ съ его огромнымъ вліяніемъ на общественные вкусы и, одно время, на общественное поведеніе. А если человѣкъ стоитъ у власти и однимъ нажимомъ кнопки можетъ привести въ движеніе сложный государственный механизмъ, открыть широкую дорогу мысли и дѣйствіямъ людей или, наоборотъ, затормозить ихъ— можно ли говорить, что такая личность ничего не значитъ?

Прямо противоположный сейчасъ указанному мнѣнію взглядъ на роль личности, на ея вліяніе на судьбу общества, былъ высказанъ англійскимъ историкомъ Карлейлемъ. Съ точки зрѣнія послѣдняго «исторія міра есть біографія великихъ людей». Карлейль возмущается, когда историки начинаютъ «разъяснять» Лютера рядомъ условій, при которыхъ появился этотъ реформаторъ. «Великіе люди все даютъ обществу, и ничего отъ него не получаютъ»— такова основная идея Карлейля. Великій человѣкъ—это молнія, нисходящая съ небесъ; толпа—это горючій матеріалъ, который воспламеняется отъ прикосновенія этой молніи. Такой культъ героевъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ современнымъ демократическимъ міровоззрѣніемъ, съ признаніемъ огромной роли массъ. Карлейль забылъ намъ объяснить, что же это такое воспламеняемость толпы подъ дѣйствіемъ молніи? Всегда ли молнія зажжетъ матеріалъ? Если бы Лютеръ явился не въ XVI, а въ XIII вѣкѣ, произвелъ ли бы онъ то дѣйствіе, которое сдѣлало его имя великимъ въ исторіи?

Не показываетъ ли это ясно зависимость великаго человѣка отъ среды?

Великій человѣкъ или просто выдающаяся личность есть не что иное, какъ удачное сочетаніе общественныхъ вліяній, какъ унаслѣдованныхъ, такъ и воспитательныхъ. Эта концентрація силъ, именно по этой причинѣ, оказываетъ, въ свою очередь, огромное вліяніе на общественную среду или тѣмъ, что выражаетъ особенно ярко мысли и стремленія, неясно крывшіяся въ массѣ, или тѣмъ, что заражаетъ ее къ дѣйствованію силою темперамента, краснорѣчія. Отрицать роль выдающейся личности такъ же неосновательно, какъ отрицать тѣ курганы, которые вѣтеръ нагромождаетъ въ песчаной пустынѣ по силѣ естественныхъ законовъ. Но выдающаяся личность дѣйствуетъ на среду не потому, что она такъ хочетъ,—она и не можетъ не дѣйствовать, не можетъ поступать иначе, въ силу заложенныхъ обществомъ силъ въ нее. Своимъ одобреніемъ то же общество вызываетъ въ личности творческія побужденія, своимъ порицаніемъ сдерживаетъ его разрушительныя силы. Безмолвіе общества, упадокъ общественнаго мнѣнія, лишаютъ силъ выдающіяся личности, и даютъ свободу дѣйствія личностямъ, въ которыхъ эгоистическія тенденціи развились за счетъ общественныхъ.

Но споръ о томъ, нужно ли на первое мѣсто поставить общественную среду или личность, можно сдать въ архивъ. Вся общественность сводится къ взаимодѣйствію между личностью и общественною средою. Общественная среда, конечно,

обусловливаетъ уровень развитія человѣка, но и уровень общественнаго строя, нравовъ, культуры обусловливается развитіемъ личности. Если англичанинъ проникнутъ чувствомъ законности, такъ это потому, что въ этомъ чувствѣ его воспитала среда; но и сама законность держится въ Англіи тѣмъ, что граждане ея проникнуты чувствомъ законности. Высота народнаго образованія зависитъ отъ политическаго строя, но и прочность этого строя обусловливается высотою народнаго образованія.

Борьба между обществомъ и личностью.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о взаимодѣйствіи между личностью и обществомъ. Посмотримъ теперь на другую задачу — разграниченіе сферъ между личностью и обществомъ. Этотъ вопросъ состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ общество стремится наложить свою печать на личность и подчинить ее себѣ, личность стремится отстоять свою индивидуальность и борется за свою свободу.

Сходство условій, при которыхъ воспитывается личность, создаетъ коллективный типъ, т.-е. рядъ личностей пріобрѣтаетъ сходныя черты, отличающія ихъ отъ другихъ личностей. Такое сходство, вызванное дѣйствіемъ однообразныхъ условій, выражается въ національномъ типѣ, въ профессіональномъ типѣ. Чѣмъ болѣе личность находится подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же условій, тѣмъ рѣзче выражается въ ней типъ, и наоборотъ. Такъ, въ низшей средѣ національный типъ сильнѣе выражается, нежели въ средѣ выс-

шей, находящейся въ соприкосновеніи съ условіями жизни другихъ народностей. Крестьянинъ русскій, чрезвычайно сходный съ другими русскими крестьянами, рѣзко отличается отъ крестьянина французскаго, нѣмецкаго по національному типу. Напротивъ, фабрикантъ, который часто ѣздитъ за границу, отрѣшается отъ національныхъ чертъ и пріобрѣтаетъ обще-европейскій типъ. Здѣсь мы подходимъ къ одному положенію, которое нерѣдко высказывается. Сравнивая старое время съ новымъ, говорятъ, что прежде люди были оригинальнѣе, а теперь всѣ становятся похожи другъ на друга, точно ихъ тысячами дѣлали на фабрикѣ. Такъ, напримѣръ, Тардъ утверждаетъ, что если присмотрѣться къ какому-нибудь городу Европы, то покажется, будто все населеніе Европы представляетъ собою одно изданіе, набранное однимъ и тѣмъ же шрифтомъ и вышущенное въ нѣсколькихъ сотняхъ милліоновъ экземпляровъ. Трудно себѣ представить утвержденіе, болѣе невѣрное съ соціологической точки зрѣнія. Какъ разъ наоборотъ, — чѣмъ далѣе оглянемся мы въ глубь культурнаго развитія, тѣмъ съ большимъ однообразіемъ встрѣчаемся. Первобытное общество представляетъ совокупность совершенно одинаковыхъ личностей. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы по пути развитія, тѣмъ большее разнообразіе типовъ открываемъ. Да это и можно было предположить. Первобытные люди воспитываются при чрезвычайно сходныхъ условіяхъ. Напротивъ, современная жизнь представляетъ такое разнообразіе матеріальныхъ и духовныхъ условій, такую острую

борьбу интересовъ и идей, что однообразія и въ поминѣ нѣтъ. Люди становятся все сложнѣе по своему духовному складу, а слѣдовательно, и менѣе похожи другъ на друга.

Вообще слѣдуетъ признать правильнымъ положеніе, что съ ростомъ общественнаго вліянія усиливается и ростъ личности. Французскій соціологъ Дюркгеймъ ставитъ это положеніе въ связь съ закономъ возрастающаго раздѣленія труда въ обществѣ. Пока при натуральномъ хозяйствѣ каждый самъ удовлетворяетъ всѣ потребности своего несложнаго хозяйства,—одинъ человѣкъ является точною копіей другого. Но когда производство благъ распадается на массу отдѣльныхъ процессовъ, между людьми происходитъ дифференціація не только въ занятіи, но и въ духовномъ обликѣ, на которомъ занятіе всегда отражается. А такъ какъ процессъ раздѣленія труда идетъ все болѣе усиленнымъ темпомъ, то съ ростомъ зависимости личности отъ всего общества усиливается одновременно и ростъ личности, противополагающей себя обществу. Законъ этотъ несомнѣнно вѣренъ, не нужно только давать ему такое одностороннее объясненіе, какое предлагаетъ Дюркгеймъ. Чѣмъ сложнѣе общественная жизнь, тѣмъ безпомощнѣе человѣкъ безъ общества, но тѣмъ также многообразнѣе условія, при которыхъ воспитывается каждая личность. Указанный законъ не только вѣренъ, но онъ и трагиченъ для человѣка: чѣмъ дальше идетъ культурное развитіе, тѣмъ острѣе становится вопросъ объ отношеніи между обществомъ и личностью. Чѣмъ выше ступень созна-

тельности человѣка, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ свою зависимость отъ общества и въ то же время, какъ болѣе сложный типъ, онъ всѣми силами пытается отстоять свою индивидуальность, заградить общественному глазу доступъ въ свою душу. Однако чѣмъ сильнѣе защищаетъ онъ свою самостоятельность, тѣмъ яснѣе сознаетъ всю свою безпомощность безъ общества. Одинъ изъ героевъ Ибсена рѣшается сказать: «самый сильный человѣкъ тотъ, который наиболѣе одинокъ». Но и Брандтъ и докторъ Штокманъ оказались слабѣе общества.

Нельзя говорить, будто общество насильно втягиваетъ въ себя личность, напротивъ, сама личность тянется къ обществу. Первоначально личность ищетъ общества въ цѣляхъ совмѣстнаго достиженія непосильныхъ для него цѣлей, напримѣръ, при охотѣ, при грабежѣ. Здѣсь общеніе съ личностью представляется какъ средство. Но постепенно происходитъ здѣсь то, что нерѣдко замѣчается и въ другихъ областяхъ: средство превращается въ цѣль. Человѣкъ нуждается въ общеніи, онъ тоскуетъ безъ общества себѣ подобныхъ. Замѣчательно, что чѣмъ сильнѣе развита индивидуальность въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе онъ нуждается въ общеніи: точно онъ чувствуетъ болѣзненную потребность чаще противопоставлять свое «я» съ «не я» для того, чтобы ярче и сильнѣе сознать свою индивидуальность. Да и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же личность можетъ проявить себя съ наибольшей полнотою, какъ не въ обществѣ? Съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе раз-

вита личность, тѣмъ шире кругъ, зависимость отъ котораго она сознаетъ. Мало развитые довольствуются узкимъ кругомъ семьи, болѣе развитые чувствуютъ свою связь съ народомъ, выражая это сознаніе въ здоровомъ чувствѣ національнаго патріотизма. Наиболѣе одаренныя личности поднимаются на еще большую высоту и чувствуютъ свою связь со всѣмъ человѣчествомъ.

Относительно патріотизма я долженъ указать на огромное различіе между классическимъ патріотизмомъ и современнымъ. Мы на школьной скамьѣ пріучаемся восторгаться геройскими образцами патріотизма въ лицѣ Ѳемистокла, Аристида, Муція Сцеволы, Деція Муса и другихъ именъ, которыми блещетъ исторія Греціи и Рима. Но если мы вспомнимъ, что государства того времени состояли изъ одного города, съ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, что гибель города соединялась съ потерею жизни, свободы и имущества каждаго гражданина, — мы поймемъ, что это патріотизмъ, построенный на слишкомъ ярко выраженномъ эгоизмѣ. Если мы сравнимъ этотъ патріотизмъ съ чувствомъ хотя бы современнаго германца, государство котораго обнимаетъ свыше 60 милліоновъ, при современномъ порядкѣ веденія войны, охраняющемъ личную и имущественную неприкосновенность невоюющаго гражданина,—мы поймемъ, насколько современный національный патріотизмъ, имѣющій, правда, въ основѣ все же эгоистическую подкладку, выше классическаго патріотизма. (Конечно, рѣчь идетъ о настоящихъ чувствахъ патріотизма, а не о недостой-

ныхъ поддѣлкахъ подъ него). Въ патріотизмѣ мы обнаруживаемъ, между прочимъ, удивительное преобразованіе инстиктовъ. Человѣку ближе всего его собственные интересы, и это всегда. Но человѣкъ до такой степени проникается сознаніемъ, что его личные интересы могутъ быть осуществлены лишь при помощи общества, что ради сохраненія этого средства онъ готовъ пожертвовать самой цѣлью. Защищая общество, въ которомъ онъ видитъ средство своего благополучія, человѣкъ способенъ принести себя ему въ жертву. Такъ скупой, накопляя капиталъ, отказываетъ себѣ въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей, ради которыхъ деньги только и имѣютъ смыслъ.

Цѣль и средство.

Тутъ мы подходимъ къ послѣднему вопросу, который мы предполагаемъ разсмотрѣть — объ отношеніи личности къ обществу. Нужно ли смотрѣть на общество, какъ на цѣль, а на личность, какъ на средство, или, наоборотъ, личность является всегда цѣлью, а общество только средствомъ?

Конечно, нужно признать, что въ дѣйствительности существуетъ только личность и что общежитіе является только формою личнаго существованія. Съ этой точки зрѣнія кажется безспорнымъ, что общественная организація только тогда можетъ быть признана удовлетворительною, когда она приспособлена къ запросамъ личности. Но вопросъ идетъ о томъ, не въ правѣ ли общество, въ интересахъ самосохраненія, пожертвовать отдѣльными личностями, другими словами, сдѣлать личность средствомъ спасенія или поддер-

жанія общества? Противъ этого рѣшительно высказался Кантъ, который отстаивалъ, что личность всегда должна быть разсматриваема какъ цѣль и никогда какъ средство. Съ точки зрѣнія Канта мы должны отвергнуть воинскую повинность, которою общество ограждаетъ свое внѣшнее существованіе, обязательное обученіе, которымъ общество обезпечиваетъ себя внутри отъ невѣжества, влекущаго за собою вредныя послѣдствія для цѣлаго, наказаніе, которымъ общество ограждаетъ себя отъ противосоціальныхъ элементовъ, наконецъ, трудовую повинность, если бы таковая когда-нибудь осуществилась. Столкновеніе общества съ личностью можетъ быть сведено къ вопросу, не въ правѣ ли общество, представляющее интересы большинства, принести имъ въ жертву интересы меньшинства? Пусть общество не имѣетъ права (не должно) съ философской точки зрѣнія индивидуальнаго міровоззрѣнія, но съ соціологической точки зрѣнія оно всегда такъ поступало и будетъ поступать, пока не утратитъ инстинкта самосохраненія.

Литература: *Карѣевъ*, Сущность историческаго прогресса и роль личности въ исторіи, 1890; *Дюркгеймъ*, Общественное раздѣленіе труда, 1900; *Зиммель*, Соціальная дифференціація, 1909 *Карлейль*, Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи, 1908.

Лекція седьмая.

Допускаетъ ли хозяйство приложеніе къ нему закона эволюціи? Мы говоримъ, конечно, не о техническомъ развитіи хозяйствъ, которое наглядно предстаетъ передъ нашими глазами. Кто же можетъ сомнѣваться въ улучшеніи техническихъ способовъ производства и въ усовершенствованіи условій совмѣстнаго труда по добыванію и размѣщенію благъ. Ставя нашъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду самую хозяйственную дѣятельность.

Въ основѣ хозяйственной дѣятельности лежитъ трудъ, т.-е. затрата силъ для приспособленія внѣшняго міра къ потребностямъ человѣка. Въ основѣ труда лежитъ хозяйственный принципъ, т.-е. стремленіе съ наименьшею затратою силъ достичь наибольшихъ результатовъ, т.-е. наибольшей хозяйственной выгоды. Въ основѣ хозяйственнаго принципа лежатъ расчеты на обмѣнъ, который предполагаетъ мѣновую цѣнность, т.-е. сужденіе о томъ, въ какомъ отношеніи должны обмѣниваться продукты труда одного хозяйства на продукты труда другого хозяйства. Отсюда видно, что въ основѣ хозяйственной дѣятельности лежитъ психологическій фундаментъ, и притомъ весьма сложный, который является слѣдствіемъ долгаго куль-

турнаго развитія и который не поддается легко нашей оцѣнкѣ, потому что мы слишкомъ освоились съ нимъ съ малыхъ лѣтъ. Совмѣстимъ ли онъ съ первобытнымъ состояніемъ, съ психологіей первобытнаго человѣка?

Нехозяйственность первобытнаго человѣка.

Несовмѣстимость обнаружится тотчасъ же, какъ только мы представимъ себѣ характерныя черты первобытнаго человѣка, о которыхъ мы уже говорили: несдержанность и непредусмотрительность. Эта послѣдняя психическая особенность устраняетъ всякіе расчеты на будущее, безъ чего хозяйственная дѣятельность немыслима. Первобытный человѣкъ живетъ изо дня въ день, нисколько не заботясь о завтрашнемъ, какъ птица небесная, не сѣетъ, не жнетъ и въ житницу не собираетъ. Онъ принимается за поиски пищи только тогда, когда начинаетъ ощущать голодъ, и собираетъ предметы питанія, пока не почувствуетъ пресыщенія. Все его добываніе средствъ существованія строится на одномъ физіологическомъ началѣ: ощущеніи голода и пресыщенія. Но если бы даже у него явилась мысль о сохраненіи части добытой пищи, имѣющейся въ чрезмѣрномъ количествѣ, то передъ нимъ встало бы затрудненіе въ способахъ сохраненія. Какъ предотвратить порчу мяса, плодовъ, моллюсковъ, муравьевъ, чтобы образовать запасъ? Незнакомство съ благами, выдерживающими долгое храненіе, безцѣльность ихъ накопленія въ виду отсутствія обмѣна дѣлаютъ для первобытнаго человѣка все, превышающее его наличныя

потребности, лишеннымъ какой бы то ни было цѣнности. Онъ готовъ даже подѣлиться съ кѣмъ угодно излишкомъ, но только излишкомъ.

Противъ данной сейчасъ характеристики первобытнаго человѣка съ хозяйственной стороны могутъ возразить, что человѣкъ не ниже животнаго, а нѣкоторыя животныя, какъ, напр., муравьи, бобры, пчелы, бѣлки, ведутъ довольно сложное хозяйство. Замѣтимъ, что все это большею частью животныя соціальныя и уже ни про льва, ни про носорога этого сказать нельзя, хотя они стоятъ выше первыхъ. А съ другой стороны, не всегда можно пользоваться этимъ доводомъ: «человѣкъ не хуже животнаго». Гдѣ же животныя ѣдятъ себѣ подобныхъ? А между тѣмъ для первобытнаго человѣка человѣческое мясо высшее наслажденіе. Онъ ѣстъ его не въ состояніи крайности, когда нечего больше ѣсть — онъ нарочно охотится за человѣческимъ мясомъ.

Итакъ, первобытный человѣкъ жилъ только тѣмъ, что онъ собиралъ въ виду ощущенія голода, и не сохранялъ ничего свыше потребности даннаго момента. Даже больше, удовлетвореніе имъ своихъ матеріальныхъ потребностей производится безъ труда въ экономическомъ значеніи слова. Дикарь пользуется лишь естественными благами въ томъ видѣ, какъ даетъ ему окружающая природа, и потребляетъ ихъ въ сыромъ видѣ: плоды, корни, черви, моллюски, термиты, мертвыя животныя. Когда море выбрасываетъ на берегъ Австраліи дохлаго кита — это огромное торжество для мѣстныхъ дикарей. Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются люди и

копошатся въ добычѣ, рычатъ отъ наслажденія, огрызаются другъ на друга, дерутся за лакомые куски, — пока не свалятся на землѣ безъ движенія отъ пресыщенія, всѣ перемазанные въ салѣ падали.

При удовлетвореніи потребности путемъ естественныхъ благъ, извлеченіемъ готовыхъ пищевыхъ средствъ изъ окружающей природы, наибольшія надежды на сохраненіе существованія имѣютъ тѣ индивиды, которые обладаютъ наибольшею силою и наибольшею природною ловкостью, самыми утонченными органами зрѣнія, слуха, обонянія, т.-е. тѣ, которые снабжены естественными преимуществами. Природа не сотворила человѣка хищнымъ. По своей организаціи, по строенію челюстей, человѣкъ не предназначенъ къ борьбѣ со звѣрями и къ разрыванію мясной пищи. Изобрѣтеніе человѣкомъ первыхъ искусственныхъ средствъ борьбы, въ видѣ палки, копья, палицы, стрѣлъ, измѣняютъ всю картину положенія человѣка въ природѣ. Теперь онъ можетъ бороться съ самыми большими и сильными звѣрями, теперь онъ можетъ выбрать себѣ какую угодно пищу, насколько она становится досягаемой при новыхъ средствахъ. Изобрѣтеніе орудій, увеличивающихъ страшно силу человѣка, не только измѣняетъ его отношеніе къ другимъ существамъ, но измѣняетъ и его отношеніе къ себѣ подобнымъ. Теперь наибольшій успѣхъ въ борьбѣ за существованіе пріобрѣтаетъ не тотъ, кто лучше всего одаренъ отъ природы, а тотъ, кто богаче всего снабженъ средствами борьбы. Это въ высокой степени важный соціологическій фактъ.

Препятствіе къ правильной хозяйственной дѣятельности обнаруживается еще въ одномъ — это въ самомъ міровоззрѣніи дикаря, въ его представленіи о загробной жизни. Эта жизнь представляется ему простымъ продолженіемъ земной во всей ея матеріальной обстановкѣ. Тамъ онъ будетъ ѣсть, пить, охотиться, тамъ ему нужны хижины, жены. Отсюда получается двоякій результатъ. Во-первыхъ, непроизводительная растрата рабочихъ силъ: мертвымъ воздвигаются дома лучше, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ живые; насыпаются огромные курганы изъ земли или камней, — образцомъ служатъ египетскія пирамиды, потребовавшія сотни тысячъ жизней людскихъ. Во-вторыхъ, непроизводительная растрата экономическихъ благъ. Не только похороны поглощаютъ массу благъ, но все, что осталось послѣ мертваго, предается огню. Все его хозяйство, какъ бы оно ни было незначительно, со смертью хозяина уничтожается. Здѣсь подрывается въ корнѣ тотъ мотивъ къ хозяйственной дѣятельности, который намъ такъ понятенъ въ настоящее время, — это накопленіе ради семьи, для дѣтей.

Изобрѣтеніе первыхъ орудій, обезпечивающихъ человѣку успѣхъ въ его борьбѣ съ животными, создаетъ первое общественное различіе — между мужчиною и женщиною. Получается различіе между мужскимъ и женскимъ хозяйствомъ. Мужчина сталъ заниматься охотой, которая была рискована, давала порою обильную пищу, порою заставляла долго голодать въ ожиданіи добычи. Напротивъ, женщина, принужденная кормить дѣ-

тей и охранять ихъ отъ опасностей, довольствовалась самыми простыми способами, лишь бы они были постоянно подъ руками и могли быть добыты безъ большого риска. Каждое изъ этихъ хозяйствъ послужило источникомъ важныхъ хозяйственныхъ культуръ. Женщина, имѣя дѣло съ растительною пищею, создала земледѣліе, мужчина приручилъ животныхъ и положилъ начало скотоводству. Это двойственное происхожденіе важнѣйшихъ хозяйственныхъ культуръ замѣчается сейчасъ у низко стоящихъ расъ въ томъ, что только женщина обрабатываетъ землю, только мужчина доитъ козъ или коровъ. Мотыга, изъ которой позднѣе создалась соха, есть женское изобрѣтеніе, и долгое время мужчина считалъ недостойнымъ для себя взяться за мотыгу и обрабатывать землю. Указанное различіе въ хозяйственной дѣятельности сказалось и въ болѣе рѣзкомъ антропологическомъ различіи. Охота развила въ мужчинѣ отвагу, физическую силу, изобрѣтательность: мужчина сталъ значительно сильнѣе женщины.

Игра ранѣе труда.

Въ настоящее время, наблюдая нашихъ дѣтей, мы замѣчаемъ, что въ своихъ играхъ они часто подражаютъ трудовой дѣятельности родителей, если только ихъ родители причастны къ труду, т.-е., другими словами, дѣти играютъ въ трудъ. Но соціологически не игра составляетъ подражаніе труду, а, наоборотъ, игра предшествуетъ труду. Трудъ есть преобразованная игра (Карлъ Бюхеръ). Если дикарь рѣшается затрачивать свои силы, то прежде всего на удовольствія. Прирученіе домаш-

нихъ животныхъ стало хозяйственнымъ актомъ только послѣ того, какъ человѣкъ началъ приручать животныхъ ради забавы, наподобіе нашихъ охотниковъ, приручающихъ лисицу, зайца, ежа, орленка и т. п. Промышленная дѣятельность открывается изготовленіемъ благъ, предназначенныхъ къ украшенію человѣка. Человѣкъ начинаетъ одѣваться не для тепла и не отъ стыдливости, а изъ тщеславія. Не надо удивляться въ этомъ случаѣ дикарямъ: въ нашихъ одеждахъ наименьшая затрата на тепло и удобство, наибольшая на моду и приличіе. Вотъ, напр., описаніе австралійцевъ. «Австралійцамъ платье неизвѣстно. Они ходятъ совершенно голыми, несмотря на то, что шкуры кенгуру могли бы быть примѣнены въ зимнее время, когда при совершенно ясномъ небѣ лучеиспусканіе такъ сильно, что ночью температура нерѣдко падаетъ на нѣсколько градусовъ ниже нуля. Мысль сдѣлать какую-нибудь одежду отъ холода, кажется, еще не приходила въ голову австралійцамъ. Правда, они не пропускаютъ случая раздобыться раздаваемыми правительствомъ колоній одеждами и всякимъ тряпьемъ. Но если эти послѣднія и носятся, то больше изъ желанія пощеголять, чѣмъ изъ стремленія согрѣться».

Такой очерченный нами характеръ удовлетворенія потребностей со стороны первобытнаго человѣка, далекій отъ современнаго представленія о хозяйственной дѣятельности, производитъ важныя соціальныя послѣдствія, выходящія за предѣлы одной экономической стороны жизни. Отсутствіе всякихъ запасовъ, созданныхъ трудомъ, дѣлаетъ

человѣка вполнѣ зависимымъ отъ внѣшнихъ условій. Поэтому онъ долженъ переходить съ мѣста на мѣсто постоянно по мѣрѣ истощенія естественныхъ запасовъ. Такія странствованія при отсутствіи сохраненныхъ благъ были бы очень затруднены наличностью грудныхъ дѣтей и дряхлыхъ стариковъ. Въ результатѣ, стариковъ, неспособныхъ самостоятельно прокормиться въ пути, умерщвляютъ съ торжественностью а излишнихъ дѣтей, не успѣвшихъ достаточно подрасти, бросаютъ или же поѣдаютъ. Отцеубійство и дѣтоубійство — таковы обычныя нравственныя послѣдствія жизни безъ хозяйственной дѣятельности, при одномъ собираніи естественныхъ благъ. Такъ, напр., одинъ путешественникъ описываетъ, какъ онъ натолкнулся на сѣдовласаго стараго вождя племени Пунка, почти совершенно слѣпого и высохшаго, такъ что оставались кожа да кости; дрожа жался онъ къ костру изъ нѣсколькихъ сучьевъ, въ его распоряженіи была только чашка съ водой и нѣсколько полуобглоданныхъ костей. «Этотъ старый вождь былъ всѣми покинутъ по собственному желанію, когда племя двинулось отыскивать новыя мѣста для охоты — подобно тому, какъ много лѣтъ тому назадъ онъ самъ, по его словамъ, оставилъ умирать своего отца, когда тотъ сдѣлался никуда негоднымъ» (Тайлоръ).

Преобразованіе безпечности дикаря.

Весь процессъ хозяйственной эволюціи сводится къ постепенному преобразованію первоначальной непредусмотрительности въ ту заботливость и рас-

четливость, которыя такъ характерны для современнаго правильно поставленнаго хозяйства.

Что же могло измѣнить эту безпечность первобытнаго человѣка? Первая причина, при достаткѣ пищи въ окружающей природѣ, — это жажда удовольствій, неудержимо владѣющая дикаремъ. Онъ готовъ лишать себя необходимой пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы справить праздникъ вовсю, съ полнымъ уничтоженіемъ запаснаго за предшествующіе дни. Это явленіе наблюдается у многихъ племенъ, стоящихъ не высоко въ культурномъ отношеніи. И все же здѣсь есть одна хорошая черта: человѣкъ пріучается отказывать себѣ въ немедленномъ потребленіи ради будущаго. Это уже зачатокъ хозяйственной заботы.

Несравненно сильнѣе въ томъ же направленіи дѣйствуетъ другая причина, — это недостатокъ пищи, возникающій вслѣдствіе возросшей густоты населенія. Естественный приростъ населенія, разрѣшавшійся ранѣе путемъ дѣленія группы, ставшей слишкомъ большой, вдругъ встрѣтился съ препятствіемъ къ этому способу рѣшенія задачи. Некуда стало уходить за пищей. Всюду оказываются группы, ревниво оберегающія тѣ мѣста, гдѣ онѣ привыкли собирать себѣ естественное пропитаніе. Тогда человѣку, чтобы не умереть съ голоду, пришлось направить свои усилія на использованіе природы путемъ ея приспособленія къ потребностямъ его. Приходилось на ограниченномъ пространствѣ извлекать изъ природы все, что человѣкъ умѣлъ взять отъ нея.

Прежде въ наукѣ существовало воззрѣніе, будто хозяйственная дѣятельность вначалѣ проходила послѣдовательно три степени: охотничій бытъ, пастушескій и земледѣльческій. Но такое правильное восхожденіе изъ одной формы въ другую не подтверждается фактами. Въ однихъ мѣстахъ наблюдается дѣйствительно переходъ отъ охоты къ скотоводству, а въ другихъ охота прямо переходитъ къ земледѣлію. Помимо внѣшнихъ условій, благопріятствующихъ той или другой формѣ хозяйства, рѣшающимъ моментомъ является преобладаніе мужского или женскаго начала. Если въ моментъ испытаннаго затрудненія отъ сгущенія населенія большихъ результатовъ достигла женщина съ ея культурой растеній, особенно злаковъ, преобладаніе получитъ земледѣліе. Если, наоборотъ, прирученіе животныхъ мужчиною сдѣлало большіе успѣхи, — группа перейдетъ къ пастушескому быту.

Домашнее хозяйство.

Главное при новомъ положеніи состоитъ въ томъ, что члены группы, до сихъ поръ врозь добывавшіе средства пропитанія, теперь сплачиваются для совмѣстнаго обезпеченія своего существованія. Возникаетъ домашнее хозяйство, которое ведется семьею, иногда всѣмъ родомъ, и которое ставитъ своею задачею снабженіе всѣхъ членовъ группы всѣмъ необходимымъ. Ни о какомъ обмѣнѣ не могло быть и рѣчи. Нужно было не только добыть все необходимое для довольно значительной группы на весь культурный періодъ, который въ жаркомъ климатѣ составляетъ 6, а иногда только

3 мѣсяца. Нужно было всѣмъ обезпечиться, потому что нельзя было надѣяться ни на природу, ни на людей. Такъ какъ всѣ имѣли основаніе одинаково разсчитывать на пищу, одежду и кровъ, то рабочія силы должны были быть использованы наиболѣе производительно. Опытъ показалъ, что наибольшій результатъ достигается при раздѣленіи труда между отдѣльными работниками. Открывается важное не только для политической экономіи, но и для соціологіи, раздѣленіе труда, одинаково въ предѣлахъ самого домашняго хозяйства.

Разсматриваемое сейчасъ хозяйство отличается тѣмъ, что все, что въ немъ производится, въ немъ же и потребляется, а съ другой стороны, все, что потребляется въ этомъ хозяйствѣ, въ немъ же и производится. Это чистый типъ домашняго хозяйства. Этотъ типъ долго сохраняется въ исторіи. Мы наблюдаемъ его въ Римѣ въ императорскую эпоху, когда родовыя связи давно уже стерлись, и хозяйство, потерявъ семейную основу, стало на фундаментъ рабскаго труда. Громадное хозяйство римскаго богача сохраняетъ въ себѣ всѣ черты домашняго хозяйства. Въ обширныхъ имѣніяхъ такого богача работаютъ десятки тысячъ рабовъ. Конечно, не всѣ они занимались однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Ихъ прикупали или подготовляли съ малыхъ лѣтъ такъ, чтобы потребности господина, самыя разнообразныя и прихотливыя, могли быть удовлетворяемы собственнымъ трудомъ. Домъ строился руками рабовъ, подъ наблюденіемъ раба-архитектора, домъ обставлялся произведеніями рабскаго труда, домъ снабжался хлѣбомъ, виномъ,

мясомъ, овощами изъ собственныхъ имѣній. Свои слесари, свои столяры, каменотесы, плотники, портные, сапожники, свои актеры, свои учителя и воспитатели для дѣтей. По одному подсчету въ хорошо устроенномъ хозяйствѣ было до 150 спеціальностей. Такъ далеко пошло раздѣленіе труда при сохраненіи типа домашняго хозяйства. Конечно, въ малыхъ хозяйствахъ раздѣленіе труда было слабѣе, и въ лицѣ одного и того же раба соединялись нѣсколько спеціальностей. Но большое и малое хозяйства сходились въ томъ, что сами потребляли все, что производили, безъ всякой мысли объ обмѣнѣ.

Тотъ же характеръ носитъ средневѣковое феодальное хозяйство, основанное на крѣпостномъ трудѣ. Крѣпостные обязаны были поставлять барону все, что требовалось для удовлетворенія его потребностей, а кромѣ того, выполняли личную работу: дѣвушки пряли, шили, пекли хлѣбы, мужчины изготовляли обувь, оружіе, посуду и т. п. Все было изготовлено здѣсь, въ имѣніи, и все здѣсь же оставалось. Все это нужно было потребить, иначе хоть выбрасывай. Отсюда то гостепріимство, та щедрость, которыя такъ характерны для домашняго хозяйства. Эта черта вовсе не свидѣтельствуетъ о благородной сторонѣ души человѣка. Она имѣетъ простое экономическое объясненіе: при отсутствіи правильнаго обмѣна некуда было дѣвать запасы и потому они охотно предлагались всякому, кто могъ бы развлечь хозяина. Скучающіе бароны устраивали правильныя облавы на проѣзжихъ пѣвцовъ и на случайныхъ гостей.

Да развѣ эти черты намъ не знакомы? Давно ли домашнее хозяйство исчезло изъ нашей жизни? Старое помѣщичье хозяйство въ Россіи было въ большей части домашнимъ. Все дѣлалось у себя, у себя и потреблялось. Считалось позорнымъ покупать или нанимать что-нибудь на сторонѣ, и также неловко было продавать — пусть лучше сгніетъ. Отсюда огромные запасы всякаго добра и готовность подѣлиться ими со всякимъ, кто явится повеселить. Помѣщики въ своихъ помѣстьяхъ давились отъ скуки и ловили проѣзжающихъ. Вспомните только, какъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ заманивалъ къ себѣ Чичикова видомъ осетра. Это хлѣбосольство было въ сущности глубоко эгоистично.

Мы уже замѣтили двѣ нравственныя черты, связанныя съ домашнимъ хозяйствомъ: люди стыдятся, если что сдѣлано не въ ихъ хозяйствѣ, люди готовы подѣлиться запасами съ гостями (но не съ чужими вообще). Но нужно указать, что домашнее хозяйство отражается еще далѣе на душѣ человѣка. Оно создаетъ въ немъ сознаніе его независимости. Въ самомъ дѣлѣ, его хозяйство — это самодовлѣющее хозяйство. Хозяинъ гордъ, потому что онъ ни въ комъ постороннемъ не нуждается, онъ не чувствуетъ экономической зависимости, а потому и вообще никакой солидарности съ людьми. Хозяйственный принципъ, которымъ онъ руководится,—это, чтобы ни отъ кого ничего не покупать. Такой хозяинъ, не выученный при обмѣнѣ опредѣлять мѣновую цѣнность вещамъ, не проявляетъ большой предусмотрительности. Разъ запасъ есть,

то ему безразличны его размѣры, — онъ потребляетъ, пока есть и сколько есть. Эта психическая черта, созданная домашнимъ хозяйствомъ, болѣе всего подвела нашихъ помѣщиковъ послѣ освобожденія крестьянъ, сдѣлавъ ихъ соціологически неприспособленными къ новымъ условіямъ экономическаго существованія, основаннаго не на потребительной, а на мѣновой цѣнности.

Мѣновое хозяйство.

При всей изолированности хозяйства нѣкоторый обмѣнъ все же происходилъ. Предметомъ его были блага, которыхъ невозможно было произвести у себя: драгоцѣнные камни, вина, бархатъ и шелкъ, янтарь и т. п. Процессъ уплотненія привелъ къ тому, что нѣкоторыя точки въ странѣ, собиравшія въ себѣ болѣе значительное населеніе по временамъ, стали и постоянными сгущенными мѣстами. Это города. Густота городского населенія уже не позволила всѣмъ заниматься всякими дѣлами: плотность привела къ раздѣленію труда, а раздѣленіе труда среди городского населенія привело къ созданію первой промышленности. Какъ только обнаружилось, что въ городѣ стали выдѣлывать нѣкоторые продукты, напр., посуду, обувь, оружіе, лучше, нежели въ состояніи это были выполнить свои домашніе мастера, какъ тотчасъ же начался обмѣнъ между городомъ и деревней. Деревня стала отдавать часть своихъ благъ за городскія издѣлія. Характерными для этого періода хозяйства являются двѣ черты: 1) обмѣнъ производится непосредственно безъ участія купцовъ, и 2) обмѣнъ обнимаетъ лишь небольшую часть про-

дуктовъ хозяйства. Хозяйства продолжаютъ работать, главнымъ образомъ, на себя и въ обмѣнъ вступаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда съ наглядностью обнаруживается, что они не въ состояніи соперничать съ городскою промышленностью ни по качеству, ни по стоимости.

Въ результатѣ такого, хотя и небольшого обмѣна получается болѣе тѣсная связь между городомъ и окружающими его деревнями. Эта связь изъ чисто-экономической стала постепенно переходить въ сознаніе общности интересовъ, которые необходимо защищать совмѣстно отъ внѣшнихъ вторженій. Экономическая связь переходитъ въ политическую, рождается мѣстный патріотизмъ, выходящій за предѣлы домашняго хозяйства. Самодовлѣющее сознаніе уже нарушено.

Лишь только появилась идея нѣкоторой экономической общности среди населенія, жившаго дотолѣ исключительно на началахъ домашняго хозяйства, какъ тотчасъ же данъ былъ толчокъ для политической интеграціи. Образовались крупныя монархіи XVI и XVII столѣтій. Усилилось взаимное общеніе, а интеграція повела къ дифференціаціи. Раздѣленіе труда стало происходить не внутри каждаго хозяйства, а между хозяйствами, входившими въ составъ одного и того же политическаго союза, т.-е. создалось народное хозяйство.

Взаимная зависимость хозяйствъ.

Производство на сбытъ, а не на потребленіе — таково новое явленіе. Если прежде мы наблюдали непосредственный обмѣнъ, то теперь продуктъ прохо-

дитъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ попадетъ отъ производителя къ потребителю. Если прежде только часть продуктовъ хозяйства шла въ обмѣнъ, то теперь все производится не для потребленія, а для обмѣна. Каждое хозяйство стало только небольшимъ винтикомъ въ сложномъ механизмѣ народнаго хозяйства. Но отсюда получилась огромная зависимость каждаго хозяйства отъ всѣхъ остальныхъ, что и явилось полною противоположностью прежней независимости. Теперь каждое хозяйство во всемъ, въ чемъ оно нуждается, зависитъ отъ другихъ, безъ нихъ оно погибнетъ. Оно остается безъ всего, если другія хозяйства не возьмутъ то, что оно заготовило для сбыта, или если они не изготовятъ того, что ему необходимо для потребленія или для производства на сбытъ.

Отсюда совершенно новыя психическія, новыя нравственныя черты. Новый способъ хозяйственной дѣятельности заставляетъ весьма тонко и точно расцѣнивать стоимость производства и количество своихъ продуктовъ, побуждаетъ считаться съ отдаленными послѣдствіями рыночнаго товарообмѣна. Получается огромная предусмотрительность, загадывающая за много времени и взвѣшивающая различныя возможныя комбинаціи. Вмѣсто спокойствія, свойственнаго самодовлѣющему домашнему хозяйству, порождается чувство нервнаго безпокойства, неувѣренности за завтрашній день. Это безпокойство охватываетъ не только рабочаго, неувѣреннаго въ томъ, что завтра найдетъ примѣненіе своей рабочей силѣ, но и фабриканта, неувѣреннаго, что завтра найдется достаточный

сбытъ или не объявится новый конкурентъ. Отсюда сильнѣйшее желаніе внутренняго мира, потому что безпорядки въ состояніи спутать экономическіе расчеты. Отсюда прочная опора установленному политическому и юридическому порядку. Мѣновое хозяйство, которое мы сейчасъ разсматриваемъ, держится совершенно иного хозяйственнаго принципа, чѣмъ домашнее. Такъ какъ теперь каждая единица цѣнности принимается въ соображеніе, то мѣновое хозяйство провозглашаетъ: глупо тратиться на производство у себя вещи, которую можно дешевле купить на рынкѣ.

Міровое хозяйство.

Но дѣло и на этомъ не останавливается. Интеграція идетъ далѣе. Густота населенія побуждаетъ то къ выбрасыванію части путемъ эмиграціи, то къ дальнѣйшему раздѣленію труда, которое происходитъ уже не между различными хозяйствами одной и той же страны, а между различными странами. Однѣ страны усиливаютъ промышленную дѣятельность, другія—земледѣльческую. Получается уже экономическая зависимость между различными народами. Каждое мѣновое хозяйство считается уже съ различными условіями не только въ предѣлахъ его страны, но за ея предѣлами, иногда очень далеко. Народное хозяйство становится міровымъ. Установленіе тѣсной связи экономической между народами толкаетъ на путь нравственной и политической солидарности. Военное столкновеніе нарушаетъ экономическое равновѣсіе не только хозяйствъ, входящихъ въ составъ борющихся народовъ, но отражается на экономическихъ инте-

ресахъ совершенно постороннихъ безучастныхъ странъ. Не идея вѣчнаго міра, не проповѣдь безчеловѣчности взаимнаго истребленія, а дальнѣйшій процессъ интеграціи и дифференціаціи ведутъ съ логическою неотразимостью къ прекращенію войнъ, утвержденію общечеловѣческаго мира и мірового порядка.

Литература: *Кауфманъ*, Формы хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи, 1910; *Бюхеръ*, Происхожденіе народнаго хозяйства, 1907; *Кулишеръ*, Лекціи по исторіи хозяйственнаго быта, 2 изд. 1910.

Лекція восьмая.

Что такое право.

Право составляетъ въ настоящее время необходимый элементъ общежитія въ культурныхъ государствахъ. Мы такъ привыкли къ праву, что считаемъ немыслимымъ общественную жизнь безъ правовой нормировки. Мы такъ поддаемся огромному вліянію права, что сильно преувеличиваемъ его дѣйствительную роль въ жизни. Право есть такая норма (правило) поведенія, соблюденіе которой поддерживается угрозою страданія, причиняемаго государственною властью нарушителю. Если такъ, то право предполагаетъ значительную предусмотрительность со стороны гражданъ. Каждый изъ нихъ сдерживается своею предусмотрительностью. Его тянетъ къ соблазну, но сознательность выдвигаетъ сравнительную оцѣнку страданія отъ воздержанія и страданія отъ возмездія, и право торжествуетъ. Привыкая подъ угрозою страданія къ извѣстному поведенію, человѣкъ въ дальнѣйшемъ подчиняетъ свои дѣйствія нормѣ уже изъ чувства законности, изъ уваженія къ власти, которая поддерживаетъ тотъ порядокъ, безъ котораго человѣкъ не мыслитъ своего существованія.

Соотвѣтствуетъ ли такая психологія права психическому состоянію первобытнаго человѣка, съ

которымъ мы уже ознакомились? Несдержанность и непредусмотрительность — вотъ весь дикій человѣкъ, какъ мы видѣли. Онъ дѣлаетъ то, что ему сейчасъ захотѣлось, не считаясь съ послѣдствіями. Онъ не въ состояніи взвѣшивать и сравнивать удовольствія и страданія настоящаго момента съ мыслью о будущемъ. А если такъ, то для установленія права въ самыхъ первобытныхъ группахъ нѣтъ психологической основы.

Первоначальная однородность правилъ.

Однако въ самое понятіе общества входитъ уже представленіе о нормировкѣ. И дѣйствительно, гдѣ есть общество, тамъ имѣются и правила общежитія. Но не всякое правило есть право. И вотъ мы снова встрѣчаемся съ соціологическимъ закономъ дифференціаціи. Сначала всякое общество подчиняется общимъ правиламъ общежитія, и только позднѣе эти однородныя правила переходятъ въ разнородныя правила: право, нравственность, приличіе, обряды, мода. Право составляетъ не болѣе, какъ дифференцированное правило общежитія.

Посмотримъ на эти первоначальныя правила общежитія, какой ихъ характеръ и чѣмъ они поддерживаются, а потомъ посмотримъ, какія причины повели къ дифференціаціи, къ выдѣленію изъ нихъ особыхъ нормъ права.

Какъ только создается общежитіе въ формѣ группы, объединенной общимъ происхожденіемъ или объединенной только общимъ интересомъ, — постепенно опредѣляется поведеніе каждаго члена группы въ отношеніи другихъ членовъ своей же группы или чужихъ группъ. Люди, соединившіеся

для совмѣстной охоты или для самозащиты, вынуждены нѣсколько сдерживать себя или иначе группа распадается. Ни одна охота, ни одинъ набѣгъ не удадутся, если каждый будетъ дѣйствовать такъ, какъ ему хочется. Сохраненіе сожительства требуетъ сокращенія первобытной несдержанности въ интересахъ каждаго. Эгоизмъ дикаго человѣка, привыкшаго считать, что хорошо только то, что̀ ему пріятно, и зло все то, что́ ему доставляетъ неудовольствіе, этотъ эгоизмъ приводитъ къ убѣжденію, что для обезпеченія себѣ наибольшаго удовольствія и для избѣжанія непріятностей, необходимо поступиться хотя частью своего произвола. Предусмотрительный эгоизмъ ставитъ границы несдержанному эгоизму.

Подчиненіе своего поведенія правиламъ, установленнымъ въ общемъ интересѣ, выражается какъ по отношенію къ своимъ, такъ и къ чужимъ. Месть за всякую обиду, причиненную чужимъ своему, есть священный долгъ. Группа тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже укоренилось въ членахъ ея чувство, обязывающее не щадить себя, когда того требуетъ долгъ мести. Степень развитія этого чувства въ отдѣльныхъ членахъ опредѣляетъ границы безопасности, неприкосновенности группы. Она тѣмъ болѣе способна выжить въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ сильнѣе воспитала она въ своихъ членахъ сознаніе родовой мести. Вотъ первое правило внѣшняго поведенія.

Жизнь въ группѣ оказываетъ вліяніе на психику первобытнаго человѣка. Побуждаемый исключительно эгоизмомъ, онъ готовъ отнять у всякаго

то, что̀ ему нравится. Настойчивое желаніе обладать заставляетъ его нападать, не разсчитывая совершенно соотношенія силъ. Такъ поступаютъ нерѣдко дѣти, пьяные, которые бросаются подъ вліяніемъ раздраженія на гораздо болѣе сильныхъ, что кончается обыкновенно печально для нихъ. Еще недавно у фирджійцевъ наблюдали, что всякій свободенъ поступать, какъ ему заблагоразсудится, разсчитывая на собственныя силы, давать просторъ своимъ желаніямъ, потребностямъ, капризамъ. Сильнѣйшіе свободно отнимали у слабыхъ, что хотѣли, били ихъ, увѣчили, убивали даже — и никого это не касалось, никто пальцемъ не шевелилъ. Но именно встряски, испытываемыя весьма часто при постоянномъ близкомъ сожительствѣ, научаютъ, наконецъ, дикаря сдерживаться. Онъ пріучается уважать кругъ чужой свободы, чужихъ интересовъ. Онъ начинаетъ сообразовать свое поведеніе съ общими интересами. Этимъ положена психическая основа для правилъ общежитія.

Но и съ другой стороны психика человѣка испытываетъ вліяніе. Группа, борющаяся за свое существованіе съ другими группами, не можетъ не понять, что внутренняя вражда ослабляетъ ея внѣшнюю силу. Если не принять мѣръ къ установленію условій внутренняго мирнаго сожитія — группа погибнетъ въ борьбѣ. Отсюда прежнее безразличіе къ поведенію отдѣльныхъ лицъ смѣняется воздѣйствіемъ по отношенію къ ихъ дѣйствіямъ. Группа выражаетъ порицаніе поведенію членовъ, вредному для нея, и, напротивъ, одобреніе поведенію членовъ, совпадающему съ интересами всей

группы. Человѣкъ поступаетъ хорошо, если онъ дѣйствуетъ такъ, что это полезно для всей группы, человѣкъ поступаетъ дурно, если онъ дѣйствуетъ такъ, что это вредитъ всей группѣ. Вотъ первая оцѣнка поведенія людей, и первое предложеніе сообразовать свое поведеніе съ правилами, содержаніе которыхъ устанавливается путемъ болѣе или менѣе долгаго опыта, выяснившаго, что̀ полезно, а что̀ вредно для группы.

Тщеславный дикарь чрезвычайно чувствителенъ къ оцѣнкѣ, даваемой его поведенію со стороны всей его группы. Онъ изъ всѣхъ силъ старается заслужить общее одобреніе—ради этого онъ готовъ перенести какія угодно лишенія и страданія. Самымъ наглядным̀ъ подчиненіемъ общему мнѣнію служитъ татуировка дикарей. Выполненіе татуировки соединено часто съ большими мученіями, но дикарь все перенесетъ, лишь бы надъ нимъ не смѣялись, что онъ остался безъ общепринятаго украшенія. Чтобы заслужить одобреніе храбрости, онъ считаетъ необходимымъ добыть нѣсколько головъ враговъ, рискуя при этомъ ежеминутно собственной головой. Порицаніе группы можетъ довести человѣка до того, что онъ убѣжитъ изъ нея, не будучи въ состояніи выдерживать мученій такого отношенія къ себѣ, а между тѣмъ внѣ группы, внѣ ея защиты, онъ осужденъ на смерть. Если мы, культурные люди, часто жалуемся на то, что общественная жизнь связываетъ насъ массою правилъ, сорвать которыя намъ трудно, и въ порывѣ негодованія завидуемъ свободному дикарю, — то мы жестоко ошибаемся. Если наши движенія отягчены обще-

ственными условіями, то дикарь окончательно ими связанъ по рукамъ и ногамъ. «Дикарь,—говоритъ Леббокъ,—нигдѣ и никогда не бываетъ свободенъ. Во всѣхъ странахъ міра обыденная жизнь дикаря регулируется весьма сложнымъ и часто крайне неудобнымъ кодексомъ обычаевъ, столь же обязательныхъ, какъ и законъ, и странныхъ ограниченій и привилегій, при чемъ ограниченія обыкновенно существуютъ для женщинъ, а привилегіи для мужчинъ. Даже болѣе — каждое дѣйствіе въ жизни дикаря регулируется множествомъ правилъ, хотя и не писанныхъ, но соблюдаемыхъ не менѣе строго».

Но если бы, однако, тотъ или другой членъ группы оказался настолько строптивымъ, что пожелалъ проявить пренебреженіе къ установленнымъ правиламъ, то группа сумѣетъ заставить его тѣмъ или инымъ путемъ подчиниться ея волѣ. У западныхъ австралійцевъ, если кто-нибудь совершитъ убійство человѣка, принадлежащаго къ той же группѣ, послѣдняя немедленно вся собирается и выноситъ виновному въ нарушеніи мира приговоръ. Этотъ приговоръ приводится въ исполненіе всѣми членами группы, и замѣчательно, что преступникъ никогда не смѣетъ ни убѣжать, ни сопротивляться, — онъ безропотно падаетъ подъ ударами камней или топоровъ. Когда группа разрастается и сборъ всѣхъ ея членовъ становится затруднительнымъ, разсмотрѣніе подобнаго дѣла и составленіе приговора возлагается на старѣйшихъ. Дѣло старѣйшинъ рѣшить вопросъ о виновности, дѣло всей общины привести приговоръ

въ исполненіе. Этихъ старѣйшинъ, въ качествѣ судей, мы встрѣчаемъ рѣшительно всюду. Почему именно старѣйшіе выбираются для суда? Это весьма понятно. Когда нѣтъ письменныхъ правилъ, законовъ, старые люди являются лучшими памятниками установленныхъ правилъ, предшествующихъ случаевъ; они, успѣвшіе сами дожить до старости при всеобщемъ уваженіи, лучшіе защитники интересовъ общества противъ отдѣльныхъ личностей. Когда жизнь течетъ однообразно, несложно, когда знаніе жизни пріобрѣтается исключительно опытомъ, люди, долго прожившіе и много видѣвшіе, конечно, лучшіе судьи. При осложненіи общественной жизни личный опытъ все болѣе отступаетъ передъ пріобрѣтеннымъ знаніемъ.

Дифференціація правилъ.

Таковы правила общежитія, которымъ подчиняются на первоначальной ступени общественнаго развитія. Это правила однородныя въ томъ смыслѣ, что они охватываютъ всю жизнь, а не какую-либо одну сторону ея; имъ подчинено все поведеніе каждаго члена группы: отъ повелѣнія носить извѣстный головной уборъ до запрещенія убивать человѣка, принадлежащаго къ той же группѣ. Что же вызываетъ процессъ дифференціаціи этихъ правилъ, чѣмъ объясняется выдѣленіе изъ правилъ общежитія нормъ права?

Причины.

Причины, благопріятствующія обособленію нормъ права, заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, ростъ числа правилъ. Какъ бы медленно ни развивалась жизнь, а все же число правилъ посте-

пенно накопляется. Удержаніе всѣхъ ихъ въ памяти становится затруднительнымъ для стариковъ, а отсутствіе письменности и грамотности возлагаетъ всю надежду на человѣческую память. Возможно, что болѣе новыя правила не вполнѣ согласуются съ прежними. Въ дѣйствіи общественнаго мнѣнія появляется нѣкоторое замѣшательство, которымъ сейчасъ же воспользуются болѣе строптивые члены, и постараются выбиться изъ-подъ власти общества.

Во-вторыхъ, ростъ численности самой группы. Пока группа невелика, жизнь и поведеніе каждаго человѣка проходятъ на глазахъ всѣхъ. Ему не ускользнуть отъ вниманія и мнѣнія своихъ сожителей. Но сколько-нибудь значительное усиленіе личнаго состава тотчасъ же ослабляетъ вліяніе общества на личность, потому что его вниманіе разсѣивается на большое число единицъ, потому что каждая единица при этомъ сумѣетъ, хотя отчасти, освободить свое поведеніе отъ общественнаго контроля.

Въ-третьихъ, нарушеніе однородности группы. Пока личный составъ группы не обнаруживаетъ никакихъ различій, а можетъ-быть, даже объединенъ общностью происхожденія, группа сильна единствомъ своихъ интересовъ, взглядовъ, преданій. Но завоеванія уничтожаютъ эту однородность. Или побѣдители переселяютъ къ себѣ побѣжденныхъ, или сами поселяются среди нихъ, заставляя ихъ работать на себя. Въ предѣлахъ одной и той же группы сталкиваются уже заранѣе прямо противоположные интересы, воззрѣнія,

выработанныя въ разное время, при разныхъ условіяхъ. То, что съ точки зрѣнія побѣдителей дурно, то съ точки зрѣнія побѣжденныхъ хорошо; то, что первые будутъ порицать, то вторые будутъ одобрять. А между тѣмъ общественное мнѣніе только и сильно своимъ единствомъ. Тогда становится яснымъ, что необходимо отыскать иной способъ нормировать поведеніе членовъ группы. Это средство — право.

Чѣмъ же отличаются нормы права, отдѣлившіяся отъ прочихъ? Что въ нихъ особеннаго по сравненію съ прежними правилами общежитія, которыя поддерживались всею силою общественнаго мнѣнія? Единственное, что ихъ отличаетъ— это то, что охрана ихъ составляетъ задачу установившейся въ обществѣ власти. Эта власть, независимо уже отъ мнѣнія общества о поведеніи членовъ его, беретъ на себя задачу требовать отъ этихъ членовъ, въ то же время ей подчиненныхъ, опредѣленнаго поведенія или запрещать имъ опредѣленныя дѣйствія. Чтобы такія особенныя правила могли сохраниться, необходимо, очевидно, существованіе въ обществѣ установленной власти. А существованіе власти предполагаетъ наличность государства. Слѣдовательно, право возникаетъ послѣ государства и можетъ существовать только въ государствѣ.

Какія правила выдѣляются.

Какія же изъ правилъ общежитія беретъ власть подъ свою особую защиту? На это можетъ быть два отвѣта: или наиболѣе важныя, безъ которыхъ общество не можетъ существовать, или наиболѣе

сомнительныя, которыя сами не могутъ существовать безъ поддержки власти. Возможно, что многочисленность сложившихся правилъ побудитъ власть выбрать изъ нихъ самыя важныя и придать имъ свою защиту. Такой случай скорѣе всего можетъ произойти въ однородной группѣ, гдѣ отношенія не успѣли слишкомъ обостриться. Къ такому случаю примѣнимо опредѣленіе права, которое дано германскимъ ученымъ Еллинекомъ: право есть нравственный минимумъ, т.-е. право обнимаетъ тѣ правила нравственнаго поведенія, безъ которыхъ общество немыслимо. Для настоящаго времени это опредѣленіе совершенно непримѣнимо, потому что мы легко представляемъ себѣ правовыя нормы, нравственно несущественныя и даже противныя нравственности. Но съ соціологической точки зрѣнія такое понятіе о правѣ допустимо, хотя отсюда не слѣдуетъ дѣлать еще вывода, будто право всегда такъ возникаетъ. Возможенъ другой случай, когда необходимость созданія нормъ права вызывается сомнительностью ихъ содержанія, отказомъ со стороны всего общества давать имъ нравственную поддержку. Такой случай наступаетъ или тогда, когда въ однородной по происхожденію группѣ съ теченіемъ времени создалось рѣзкое по состоятельности, обострившее отношенія, экономическое разслоеніе среди членовъ одного общества, или когда общество создается путемъ завоеванія, при чемъ согласованіе интересовъ побѣдителей и побѣжденныхъ дѣлается возможнымъ только при поддержкѣ силы

власти. Конечно, въ этомъ случаѣ правовыя нормы, по своему содержанію, будутъ направлены къ охранѣ интересовъ сильнѣйшихъ противъ слабѣйшихъ. Если такія нормы не поддерживаетъ все общество, ихъ поддерживаетъ власть, близкая къ господствующему классу.

Право и правда.

Воспоминаніе о томъ времени, когда нормы права не выдѣлялись изъ нормъ общежитія, долго держится въ представленіи народныхъ массъ. Право должно быть правдой и самое созвучіе этихъ словъ (далеко не случайное) и самое прошлое говорятъ въ пользу этой вѣры въ правду права. Но прежде всего и сама правда исторически измѣнчива, — то, что нѣкогда казалось незыблемой правдой, съ теченіемъ времени становится неправдой. Въ доброе старое время вмѣшательство государственной власти въ отношенія между родителями и дѣтьми, попытка поставить юридическія границы праву отца на жизнь и смерть своихъ дѣтей, праву отца отдать дочерей замужъ по своему усмотрѣнію, являлось бы глубокою неправдою. Съ другой стороны, мы можемъ желать, чтобы право возможно ближе сходилось съ нравственностью, чтобы правовыя нормы поддерживались не только государственною силою, но и сочувствіемъ общества, но мы не должны скрывать отъ себя истины, что право можетъ расходиться съ правдой, оставаясь правомъ, что нормы права будутъ дѣйствовать, несмотря на общественное несочувствіе. Это взглядъ реальный,

соціологически единственно допустимый. Тотъ не соціологъ, а метафизикъ, кто утверждаетъ, что право, противное нравственности, не есть право. Кто стремится къ торжеству правды, долженъ прежде всего умѣть смотрѣть прямо въ глаза истинѣ, какъ бы ни былъ неприглядень ея видъ.

Консерватизмъ права.

Первоначально право отличается консерватизмомъ. Это имѣетъ свое объясненіе. Если право закрѣпляетъ наиболѣе важныя нормы, то оно основывается на общественномъ мнѣніи и потому власть не рѣшается измѣнять его, опасаясь разойтись съ обществомъ. Реформаторская дѣятельность законодательной власти начинается очень поздно, вслѣдствіе глубокихъ переломовъ въ народной жизни, какъ это было, напр., при Петрѣ Великомъ. Во-вторыхъ, когда право является закрѣпленіемъ фактической борьбы между побѣдителями и побѣжденными, консерватизму права благопріятствуетъ политическое соображеніе. Если право обезпечиваетъ интересы господствующаго класса, то послѣдній упорно сопротивляется измѣненію порядка, которое можетъ произойти не въ его пользу. Если низшему классу, воспользовавшемуся затрудненіями, удалось юридически укрѣпить свои интересы, то онъ всячески стремится удержать свои гарантіи. Такихъ случаевъ представляетъ намъ не мало римская исторія, когда плебеи, пользуясь опасностями, угрожавшими государству извнѣ и требовавшими напряженія всѣхъ силъ, добивались себѣ юридическихъ льготъ. Правда, по прошествіи

опасности, патриціи готовы были нарушить вынужденныя у нихъ уступки, но встрѣчали отпоръ въ ссылкѣ на установленное право, — аргументъ, который не могъ не дѣйствовать на нихъ, такъ какъ патриціи и сами пользовались имъ для удержанія своихъ преимуществъ. Къ этому политическому моменту присоединяется еще и психическій: человѣкъ преклоняется передъ сложившимся порядкомъ отношеній и относится недовѣрчиво къ новизнѣ, къ которой онъ не успѣлъ приспособиться. Какъ бы ни было хорошо сшито новое платье, но человѣку всегда нѣсколько неловко въ немъ, потому что онъ привыкъ сообразовать свои движенія съ старымъ заношеннымъ на его плечахъ костюмомъ. И чѣмъ ниже спускаемся мы по ступенямъ общественной культуры, чѣмъ сильнѣе преобладаетъ инстинктъ надъ сознательностью, тѣмъ ярче выступаетъ консерватизмъ права.

Послѣдовательность правовой нормировки.

Исторія права всѣхъ народовъ показываетъ намъ почти одинъ и тотъ же порядокъ правового нормированія общественной жизни. Что̀ прежде всего подвергается охранѣ со стороны установившейся власти? Ея собственная неприкосновенность. Право угрожаетъ самыми суровыми наказаніями за всякое покушеніе на жизнь и здоровье лицъ, стоящихъ у власти или ближе къ власти; это относится къ князю, дружинѣ, жрецамъ. Уголовное право за политическія преступленія выступаетъ соціологически прежде всего. Вообще уго-

ловное право составляетъ главное содержаніе древнихъ юридическихъ памятниковъ. Въ Салической Правдѣ изъ 293 статей только 25 не имѣютъ карательнаго характера. По замѣчанію англійскаго юриста Сёмнеръ Мэна, сравнивая между собой различные варварскіе законы, можно найти, что, чѣмъ сборникъ древнѣе, тѣмъ больше его уголовное содержаніе. За уголовнымъ правомъ слѣдуютъ нормы, опредѣляющія, что должно вносить насеніе въ пользу господствующаго класса, это такъ называемые на нашемъ древнемъ юридическомъ языкѣ «уроки». Далѣе слѣдуютъ нормы процессуальныя. Опредѣленіе порядка судопроизводства составляетъ важное содержаніе древнихъ юридическихъ памятниковъ. Это весьма понятно. Низшіе классы заинтересованы, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы судили не по произволу, а по установленному порядку. Это первая уступка, дѣлаемая властью широкому населенію. И только на послѣднемъ планѣ выступаютъ уже нормы гражданскаго права. И это поддается объясненію. Сначала власть стремится укрѣпить свое положеніе, и отношенія между гражданами ее не интересуютъ: это ихъ дѣло, а не государственное. Только много позднѣе власть приходитъ къ уясненію себѣ того, что истинная опора ея въ самомъ обществѣ, а слѣдовательно, чѣмъ прочнѣе сложенъ юридическій порядокъ, опредѣляющій взаимныя отношенія гражданъ, тѣмъ тверже основа, на которой держится государственная власть. Но это очень поздно постигаемая истина.

Раздѣленіе же всего права на публичное и гражданское предполагаетъ огромное развитіе противоположенія между обществомъ и личностью, а потому составляетъ сравнительно позднее явленіе.

Литература: *Таконъ*, Эволюція права и общественное сознаніе, 1904; *Леббокъ*, Начало цивилизаціи, 1896, гл. XI и прибавленіе; *Тайлоръ*, Антропологія, 1898, гл. XVI.

Лекція девятая.

Вопросъ о происхожденіи государства интересуетъ давно политическую мысль. Задолго до появленія соціологіи и эволюціоннаго міровоззрѣнія встрѣчаются попытки объяснить, какимъ образомъ могли возникнуть государство и государственная власть. Нельзя сказать, чтобы эти попытки удовлетворяли даже въ свое время, но нельзя также отрицать, что въ каждой теоріи имѣется нѣкоторое зерно истины.

Патріархальная теорія.

Прежде всего выдвигается патріархальная теорія, по объясненію которой государство есть не что иное, какъ естественно разросшаяся семья, а государь—не что иное, какъ прямой потомокъ главы рода. Исторически такое объясненіе никуда не годится, потому что ни одно изъ извѣстныхъ намъ нынѣ государствъ не образовалось безъ большаго или меньшаго включенія постороннихъ элементовъ, а по Гумпловичу — безъ смѣшенія на почвѣ завоеванія различныхъ расъ. Но истина разсматриваемой теоріи сводится къ тому, что въ первое время, при патріархальномъ складѣ всего общества, власть попадаетъ въ руки человѣка, проникнутаго патріархальными началами,

которыя онъ переноситъ на государственное управленіе. Онъ ведетъ себя на престолѣ, какъ глава рода въ домѣ. Воспоминаніемъ этого отдаленнаго времени является наименованіе государя отцомъ.

Теократическая теорія.

По взгляду теократической теоріи, государство слишкомъ мудрое и сложное явленіе, чтобы оно могло быть изобрѣтеніемъ человѣческаго ума. Оно есть созданіе божества. Государь есть самъ богъ, какъ это нерѣдко выдвигалось въ древнихъ восточныхъ странахъ, или же это личность, посланная божествомъ. Въ древнемъ Перу Инка давалъ понять своимъ подчиненнымъ, что все, что онъ дѣлалъ по отношенію къ нимъ, дѣлалось имъ по приказанію и откровенію, полученному имъ отъ своего отца Солнца. Божественное происхожденіе государственной власти особенно выдвинулось въ Западной Европѣ во время борьбы свѣтской власти съ духовной. Если папы стремились унизить королевскую власть указаніемъ на народную волю, какъ ея источникъ, то короли пытались поднять свой авторитетъ указаніемъ на то, что ихъ власть такого же божественнаго происхожденія, какъ и власть папы. Отзвукомъ этой теоріи является титулъ «Божьей милостью», который еще недавно былъ усиленно подчеркнутъ императоромъ Вильгельмомъ II. Вѣрное зерно этой теоріи заключается въ томъ, что всюду на первоначальныхъ ступеняхъ между государственною властью и религіей устанавливается самая тѣсная связь.

Договорная теорія.

Третья точка зрѣнія, пытавшаяся выяснить происхожденіе государства, — это договорная теорія, выдвинутая съ XVII вѣка и получившая особенно блестящую форму въ изложеніи Руссо. По этому представленію люди сошлись въ одинъ прекрасный день и согласились образовать государство, учредить государственную власть. Эта теорія предполагаетъ, что люди, не имѣвшіе до сихъ поръ понятія о государствѣ, сознательно желаютъ его и совершаютъ договоръ объ его учрежденіи. Это психологически немыслимо, это исторически неправдоподобно. Однако и въ этой теоріи есть ядро истины. Вѣрно то, что люди не сразу перешли въ государственный бытъ, а жили общественно въ догосударственномъ состояніи. Вѣрно и то, что по мѣрѣ того, какъ въ человѣкѣ сознательность береть верхъ надъ инстинктомъ, человѣкъ относится и долженъ относиться къ государству, не какъ къ навязанной ему извнѣ формѣ, а какъ къ произведенію его воли. Государство таково, какимъ его хотятъ граждане.

Соціологическая точка зрѣнія.

Теперь постараемся представить происхожденіе и развитіе государства съ соціологической точки зрѣнія.

Прежде всего отмѣтимъ, что государство образуется изъ общества вслѣдствіе присоединенія новаго элемента — государственной власти. Государство есть одна изъ сторонъ общества, но не наоборотъ, т.-е. нельзя смотрѣть на общество, какъ на одну изъ сторонъ государства. Мы можемъ

мыслить общество безъ государственной организаціи, но немыслимо государство безъ общественной основы. Общество и государство — два разныхъ понятія, и установленіе этого различія составляетъ заслугу новаго времени. Какъ ни широка дѣятельность современнаго государства, какъ ни захватываютъ политическіе вопросы современнаго человѣка, но жизнь общественная еще шире, еще болѣе всеобъемлюща. Между государствомъ и обществомъ глубокое взаимодѣйствіе, изученіе котораго выходитъ уже за предѣлы нашей задачи, потому что это область государствовѣдѣнія.

Если общество превращается въ государство благодаря государственной власти, то какъ же образовалась эта послѣдняя, въ чемъ ея сила, и на чемъ основывается подчиненіе ей?

Мы можемъ себѣ представить, что до образованія власти люди жили или разрозненно, или небольшими группами. Не слѣдуетъ думать, будто человѣкъ никогда не живетъ одиноко. Бушмены, лѣсные веддахи встрѣчаются еще и теперь въ одинокомъ состояніи. Но даже небольшое группированіе ихъ все же не создаетъ никакой политической организаціи. Этнографія довольно богата примѣрами народностей, живущихъ въ обществѣ, но безъ всякой власти, а слѣдовательно, внѣ государства. «Когда я жилъ, — разсказываетъ Уоллесъ, — между южно-американскими дикарями и на востокѣ, то мнѣ случалось проживать въ такихъ общинахъ, гдѣ не имѣлось ни законовъ, ни судовъ, ничего, кромѣ свободно выраженнаго обще-

ственнаго мнѣнія всей деревни. Здѣсь каждый самымъ совѣстливымъ образомъ уважаетъ права другого, такъ что здѣсь никогда, или почти никогда не случается никакого нарушенія этихъ правъ. Въ такой общинѣ всѣ приблизительно равны между собой». Чѣмъ это объясняется? Здѣсь дѣйствуетъ рядъ причинъ. Во-первыхъ, причина географическая. Замѣчено, что живущіе въ горахъ, въ степяхъ и среди болотъ трудно сплачиваются, между тѣмъ какъ люди, загнанные какъ бы въ ограду, образованную рѣкою или горами, напротивъ, сплачиваются очень легко. Вторая причина экономическая. При охотничьемъ или пастушескомъ образѣ жизни, который требуетъ значительнаго пространства для пропитанія каждаго человѣка или каждой семьи, люди вынуждены держаться на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга. Напримѣръ, эскимосы, гренландцы, добывающіе себѣ пищу въ любомъ мѣстѣ своей непривѣтливой страны, при рѣдкости населенія, не знаютъ столкновеній и потому у нихъ нѣтъ никакой политической организаціи. Наконецъ, въ-третьихъ, причина психологическая — это та несдержанность, которая дѣлаетъ невозможнымъ всякое тѣсное общеніе и особенно повиновеніе. Другими словами, политической организаціи нѣтъ, потому что не ощущается въ ней потребности.

Причины сплоченія.

Теперь спрашивается, гдѣ же та причина, которая заставляетъ людей сплачиваться въ государство? Это дѣйствіе общаго закона борьбы за существованіе. Если люди соединяются въ небольшія

группы — это подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, въ виду сознанія, что совмѣстными силами они легче достигнутъ удовлетворенія своихъ потребностей. Если люди рѣшаются подчиниться власти — это подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, въ виду опыта, что безъ такой организаціи имъ не избѣгнуть гибели. Чтобы разсѣянные одиноко или группами первобытные люди согласились признать кого-нибудь изъ своей среды вождемъ и начальникомъ, въ отношеніи котораго всѣ вынуждены сдерживаться,—необходима серьезная опасность извнѣ. Съ полною ясностью выступаетъ эта опасность при военныхъ дѣйствіяхъ. Какое-то чужое племя нападаетъ, тѣснитъ и мѣшаетъ людямъ существовать. Чтобы съ наибольшимъ успѣхомъ противостать этой опасности, они выбираютъ вождя, которому и повинуются, пока опасность не устранена. То же самое происходитъ, когда люди, уступая сильнѣйшему напору, сами надвигаются на другихъ по линіи наименьшаго сопротивленія и, въ ожиданіи отпора, предпочитаютъ организоваться подъ властью предводителя.

Зарожденіе власти.

Повиновеніе вождю во время военныхъ дѣйствій — таковъ зародышъ государственной власти. Психологіи первобытнаго человѣка вполнѣ соотвѣтствуетъ готовность повиновенія, пока опасность наглядна, и отрицаніе власти, какъ только видимая опасность миновала. Зародившаяся власть имѣетъ, такимъ образомъ, временный характеръ, пока производится совмѣстное нападеніе или пока происходитъ совмѣстная защита.

Но временная власть постепенно переходитъ въ постоянную. Этому благопріятствуютъ опять-таки внѣшнія обстоятельства. Если враждебныя столкновенія съ чужими рѣдки, случайны, то власть вождя не сможетъ утвердиться. Но когда столкновенія, благодаря густотѣ населенія или переселеніямъ племенъ, стали постоянными, когда опасность нападенія грозитъ каждую минуту — власть вождя становится также постоянной.

Въ исторіи мы знаемъ еще другіе примѣры укрѣпленія власти. Толпа удальцовъ собирается около иниціатора предпріятія и совмѣстно устраиваютъ нападеніе на какую-нибудь отдаленную мѣстность. Почему они слѣдуютъ за этимъ лицомъ, какъ за вождемъ? Потому, что за нимъ утвердилась репутація удачника вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ его подвиговъ, или потому, что среди сородичей онъ пользовался репутаціей храбраго, сильнаго и ловкаго человѣка, хотя еще не водилъ въ набѣги. Представимъ себѣ, что набѣгъ удался. Побѣдителямъ, однако, не хочется возвращаться домой съ награбленнымъ. Имъ болѣе улыбается мысль поселиться среди побѣжденнаго племени и жить припѣваючи за счетъ мѣстнаго населенія. Но, побѣдители прекрасно понимаютъ, какое чувство питаютъ къ нимъ побѣжденные. И потому, чтобы обезопасить себя и обезпечить себѣ господствующее положеніе, они вынуждены сохранить навсегда свою военную организацію и подчиняться своему вождю. Такіе примѣры представляютъ нормандскіе набѣги въ Европѣ, а по мнѣнію Гумпловича, это есть общій законъ обра-

зованія государства, которое всегда имѣетъ въ основаніи завоеваніе одной расы другой. Такъ, англійское государство образовалось отъ послѣдовательнаго завоеванія бритовъ саксами, а потомъ саксовъ норманнами, Франція создалась съ момента завоеванія галловъ франками, Россія—съ момента пришествія варяговъ, и т. п.

Мотивы повиновенія.

Если всѣ повинуются власти, которая только еще устанавливается или уже установилась, то гдѣ основаніе этого повиновенія? Сознаніе необходимости? Но это было бы близко къ теоріи государственнаго договора. Это совершенно не соотвѣтствовало бы психологіи дикаря. Это сознаніе не могло бы быть у тѣхъ, кто рожденіемъ или инымъ способомъ вошелъ въ союзъ, когда власть уже образовалась.

У власти должна быть сила, способная заставить подчиниться ей, если бы даже тотъ или другой членъ союза и пытался уклониться отъ повиновенія. Въ чемъ же эта сила?

То, что прежде всего поражаетъ воображеніе малокультурнаго человѣка — это физическая сила. Посмотрите на пѣсни средневѣковыя западныя или русскія былины — герой тотъ, кто сильнѣе всѣхъ. Герой бросаетъ, рубитъ, колетъ такъ, какъ другимъ и не снилось. Вспомнимъ героевъ Гомера, изъ которыхъ каждый на своей колесницѣ способенъ гнать тысячи враговъ; неистоваго Роланда, своимъ единственнымъ мечомъ, загораживающаго дорогу маврамъ; богатырей русскихъ, которые взмахами образуютъ цѣлыя улицы среди

враговъ, перемахами — переулки. Культъ физической силы не исчезаетъ совсѣмъ даже и тогда, когда выдвигается культъ умственной силы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что у дикихъ народовъ предводителемъ оказывается тотъ, у кого тяжелѣе всего кулакъ и кто искуснѣе другихъ владѣетъ дубинкой.

Но все же десять кулаковъ слабыхъ стоятъ одного сильнаго. «Когда Ринкъ спросилъ никобарійцевъ, кто у нихъ властвуетъ въ качествѣ вождя, они засмѣялись, и сами спросили его: какъ это онъ могъ подумать, будто одинъ можетъ приказывать такому множеству?» Поэтому власть вождя могла бы легко быть низвергнута, если бы преклоненіе передъ его физическою силою не соединилось съ нѣкоторыми другими основаніями почитанія. Къ удивленію и страху передъ кулакомъ присоединяется вѣра въ этотъ кулакъ, — вѣра въ то, что онъ сумѣетъ всегда опуститься на строптиваго, что его сила имѣетъ нѣчто сверхестественное. Физическая основа власти вождя съ первыхъ же шаговъ подкрѣпляется психологическою. Вождь и самъ хорошо понимаетъ, что онъ не въ состояніи будетъ поддержать повиновеніе одною своею физическою силою. Поэтому онъ самъ ищетъ иной опоры для своей власти.

Раньше всего онъ заручается религіозной силой. Нерѣдко вождь вмѣстѣ съ тѣмъ выполняетъ жреческія обязанности. Ему одному извѣстна воля боговъ, онъ одинъ, находясь въ близости съ божествомъ, можетъ нагнать бурю, ударить молніей, вызвать голодъ, и потому сила его въ глазахъ

подданныхъ вырастаетъ многократно. «У племени Дакота вождь, предводительствующій войскомъ на войнѣ, принадлежитъ всегда къ числу знахарей, и относительно его существуетъ мнѣніе, что онъ обладаетъ силою обезпечить успѣхъ за своимъ войскомъ или спасти его отъ пораженія». Африканскій королекъ Оббо собралъ во время засухи около себя подданныхъ и объяснилъ имъ, что, какъ ни непріятно ему, но онъ вынужденъ былъ наказать ихъ за нерадивость и дурное поведеніе задержаніемъ дождя, но что это ихъ вина. Впрочемъ, такъ какъ ему очень нужны козы, то онъ готовъ смилостивиться и измѣнить погоду, если козы будутъ доставлены въ достаточномъ количествѣ. «Нѣтъ козъ, не будетъ и дождя — такова моя воля». Съ человѣкомъ еще можно бороться, но съ союзникомъ боговъ — это безуміе.

Если рядомъ съ вождемъ оказывается колдунъ, то между ними быстро завязывается тѣсное отношеніе, благодаря которому вождь всегда можетъ разсчитывать на небесное, а колдунъ на земное. Иногда это двоевластіе идетъ далеко въ исторію, какъ это показываетъ примѣръ древняго Египта и сравнительно недавней Японіи.

Дальнѣйшій подъемъ силъ вождя заключается въ удачномъ подборѣ дружины, т.-е. лицъ, готовыхъ служить ему лично за хорошее вознагражденіе. Послѣднее условіе показываетъ, что надѣяться на дружину можетъ только тотъ вождь, который обладаетъ богатствомъ или который отличается особеннымъ военнымъ счастьемъ. Щедрость

есть первое условіе надежной дружины. Напомню вамъ знакомый эпизодъ. Когда дружинники Владимира начали роптать на то, что ѣдятъ деревянными ложками, а Свенѣльдовы отроки серебряными, Владиміръ поспѣшилъ удовлетворить ихъ, сказавъ: «Серебромъ дружины не найду, а съ дружиной найду и серебро». Князь забылъ только, что именно серебромъ-то онъ и удерживалъ при себѣ дружину. Но вторая половина фразы, конечно, остается вѣрной. Дружина образовалась или изъ соплеменниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ вождемъ, или, за недостаткомъ ихъ, изъ выбранныхъ среди мѣстнаго населенія. Дружина увеличивала многократно физическую силу вождя. Его рука становилась уже многокулачной. Интересы вождя были и ея интересы. Хорошо вооруженные, привычные къ оружію и къ бою, дружные въ натискѣ и защитѣ, они всегда почти имѣли успѣхъ при столкновеніи съ неорганизованной толпой. Но, чтобы эта сила не направилась на него самого, вождь долженъ былъ постоянно заботиться о своемъ богатствѣ, источникомъ котораго служили средства населенія.

Дѣло не ограничивается на этихъ двухъ содѣйствующихъ факторахъ, на религіозной и военной поддержкѣ. Дальнѣйшій шагъ состоитъ въ томъ, чтобы поразить воображеніе подданныхъ, ослѣпить ихъ величіемъ и великолѣпіемъ, окружающимъ вождя, внушить имъ мысль о недосягаемости вождя, какъ таинственнаго существа. Онъ не показывается народу, кромѣ какъ въ особо торжественныхъ случаяхъ и притомъ въ необык-

новенной обстановкѣ. Востокъ, страна чудесъ, особенно развилъ эту сторону величія и авторитета власти. Съ Востока дворцовая пышность и таинственность перешла въ Византію. Конечно, такой способъ воздѣйствія разсчитанъ на извѣстный уровень развитія массы, которая живетъ больше чувствами, нежели разумомъ, которая поддается страху передъ необыкновенною и таинственною обстановкою. Въ другое время такой пріемъ опасенъ, потому что можетъ представить вождя въ смѣшномъ видѣ, а насмѣшка подтачиваетъ сильнѣе всего авторитеты. Чтобы монархъ могъ проѣхать на велосипедѣ по улицѣ одинъ, безъ свиты, зайти въ магазинъ и купить пару перчатокъ, какъ это дѣлаетъ Вильгельмъ II или Эдуардъ VII, — нуженъ весьма высокій уровень массоваго развитія. Людовикъ XIV, король-солнце, на такой шагъ не могъ бы рискнуть, не потому, чтобы его жизни грозила опасность, а потому, что рушился бы весь его престижъ. За пренебреженіе къ народной психологіи погибъ Лжедимитрій, не по времени опростившійся.

Когда вождь успѣваетъ укрѣпить власть не только за собой, но и за своими наслѣдниками, создается общественная инерція. Народъ привыкаетъ видѣть у власти представителя извѣстной династіи, привычка создаетъ новый авторитетъ для власти. Наслѣдственному вождю народъ проститъ вопіющія злоупотребленія, которыхъ онъ никогда не проститъ новому лицу. При Іоаннѣ Грозномъ, несмотря на всѣ ужасы его царствованія, народъ оставался спокоенъ, но Борису Го-

дунову нельзя было себѣ позволить ничего лишняго, и первая оплошность — престолъ потерянъ. Чѣмъ далѣе въ глубь исторіи, тѣмъ сильнѣе опирается власть на традицію. Малокультурный народъ—все равно, что ребенокъ, который въ сущности чрезвычайно консервативенъ. Дитя любитъ, чтобы ему разсказывали одну и ту же сказку и притомъ непремѣнно безъ варіантовъ.

Съ развитіемъ народныхъ массъ государственная власть получаетъ новую опору — въ народномъ сознаніи. По мѣрѣ того, какъ сознательность беретъ верхъ надъ инстинктомъ, люди уясняютъ себѣ всю необходимость государства и власти для обезпеченія условій общежитія. Это, конечно, самая сильная опора, но она соединена съ критикою власти и съ свободою мнѣнія по вопросу, какая государственная организація наиболѣе подходитъ къ данному моменту.

Мы разсмотрѣли, какимъ образомъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе сложилась государственная власть и, какъ она постепенно находила различныя опоры въ народной психологіи. Такой же законъ борьбы за существованіе способствовалъ росту государства, т.-е. политической интеграціи и усложненію его организаціи, т.-е. политической дифференціаціи.

Политическая интеграція.

На протяженіи всей исторіи замѣчается явленіе, что государства, поставленныя силою вещей въ воинственное положеніе, прилагаютъ всѣ стремленія къ увеличенію объема (болѣе крупное тѣло) и уплотненію содержанія (болѣе крѣпкое тѣло). Эти

два момента должны итти одновременно, иначе государственный организмъ не выдержитъ роста. Блестящій примѣръ даетъ Римъ. Онъ все расширялся и крѣпъ, пока захватывалъ довольно однородные элементы Италіи. Но когда онъ охватилъ совершенно несходные элементы Галліи, Германіи, Африки, Азіи и не сумѣлъ сплотить ихъ — онъ погибъ. Онъ представилъ собою организмъ, который врачи называютъ рыхлымъ тѣломъ и который не обѣщаетъ долголѣтія. Если Франція первая пошла по пути интеграціи, то причиною была ея столѣтняя война съ Англіей, которая заставила французовъ сплотиться и образовать сильное государство подъ абсолютною властью одного вождя. Если Испанія къ концу XV столѣтія выработала у себя крѣпкую монархическую организацію, то причиной тому была борьба съ маврами. Еще примѣръ политической интеграціи — это Германія XIX столѣтія. Чувствуя враговъ съ Запада и съ Востока, она сплотилась въ одно государство, и, не довольствуясь увеличеніемъ роста, зная о враждѣ, существующей между южными и сѣверными германцами, новая власть стремится изо всѣхъ силъ сплотить нѣмцевъ въ единое тѣло путемъ усиленной законодательной дѣятельности. Право, единое и новое, должно сыграть въ Германіи роль цемента. Еще примѣръ — Московское государство: подъ вліяніемъ борьбы за существованіе съ татарскимъ владычествомъ, а также съ Польско-Литовскимъ государствомъ, оно выработало въ себѣ почти военную организацію, которая по тому времени оказалась наиболѣе приспо-

собленной къ борьбѣ. Вы видите такимъ образомъ, что борьба при всѣхъ ея ужасахъ, есть образующій творческій факторъ, и эта роль останется за ней, пока все человѣчество не составитъ единой организаціи.

Политическая дифференціація.

Рядомъ съ процессомъ положительной интеграціи идетъ процессъ политической дифференціаціи. «Въ небольшомъ племени на обязанности вождя лежитъ самоличное исполненіе всѣхъ обязанностей его сана. Онъ ведетъ войско на войнѣ, онъ рѣшаетъ въ свободное время споры, онъ приноситъ жертвы богамъ. Онъ можетъ смотрѣть за порядкомъ въ селеніи, можетъ налагать наказанія, можетъ регулировать торговыя сношенія, такъ какъ подчиненныхъ ему немного и всѣ они живутъ въ предѣлахъ небольшого пространства» (Спенсеръ). Но съ ростомъ государства такое личное выполненіе всѣхъ этихъ задачъ становится невозможнымъ. Вождь принужденъ поручать близкимъ ему лицамъ, изъ состава дружины, тѣ или другія обязанности, сначала временно, по каждому отдѣльному случаю, потомъ постоянно. Каждое изъ этихъ лицъ, при выполненіи своихъ обязанностей, приглашаетъ себѣ рядъ помощниковъ большого и малаго ранга. Создается бюрократія, какъ необходимое послѣдствіе роста государства въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Замѣчательно, что почти всюду первоначальная политическая организація представляетъ сколокъ съ военной: въ Римѣ — народныя собранія, въ Англіи — сотни, въ Россіи — тысяцкій. Это такъ и должно

было быть, если политическая власть создалась изъ военной. Слѣдуетъ сказать больше. Еще очень долго послѣ того, какъ центръ жизни перенесенъ въ гражданскую область, успѣхи культурной жизни обусловливаются цѣлями чисто-военными. Были ли бы современныя страны покрыты такой густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, если бы не стратегическія цѣли? Развѣ римляне проводили почтовыя дороги не съ военными цѣлями? Развѣ на нашихъ глазахъ воздухоплаваніе не имѣетъ въ основѣ борьбу за существованіе двухъ наиболѣе культурныхъ государствъ?

Тѣ же военныя требованія, та же борьба за внѣшнее существованіе является побудителемъ къ внутреннимъ преобразованіямъ. Абсолютизмъ, уничтожившій феодальныя владѣнія на Западѣ, удѣльныя княжества въ Россіи, сломившій независимость бароновъ и князей и включившій ихъ, съ подчиненнымъ имъ населеніемъ, въ составъ одного государства, былъ благодѣтельнымъ факторомъ культуры, потому что лучше всего способствовалъ политической интеграціи и предотвратилъ взаимное поѣданіе частицъ или поглощеніе ихъ извнѣ. Когда же политическое сплоченіе въ смыслѣ роста состоялось, необходимо было дать срастись частицамъ, сознать свое общественное единство, вызвать личную иниціативу для поднятія производительныхъ силъ, потому что борьба за существованіе вызвала огромное напряженіе государственныхъ силъ. Это и привело къ дарованію гражданамъ свободы, выразилось въ привлеченіи ихъ къ участію въ политической жизни. Это было необходимо,

чтобы привести все населеніе къ сознанію единства интересовъ, къ внушенію любви своихъ учрежденій, и поднять настроеніе и готовность бороться за свое достояніе. Для созданія такого настроенія, необходимаго въ виду борьбы за самосохраненіе, гражданъ привлекаютъ къ государственному строительству и къ соучастію въ управленіи. А для достиженія этой цѣли необходимо прежде всего юридически уравнять всѣхъ гражданъ.

Таковъ основной законъ, который измѣняетъ государственную организацію.

Литература: *Спенсеръ*, Развитіе политическихъ учрежденій, 1882; *Дженксъ*, Происхожденіе верховной власти, 1907; *Вольтманъ*, Политическая антропологія, 1905; *Шурцъ*, Исторія первобытной культуры, 1907, стр. 91—1993.

Лекція десятая.

Предразсудки.

Мы рождаемся въ семьѣ, воспитываемся въ ней до зрѣлаго возраста, а затѣмъ сами создаемъ новую семью, среди которой проводимъ большую часть времени. Семья занимаетъ такое огромное мѣсто въ нашей жизни, что мы не можемъ себѣ даже представить существованія безъ семьи. Это не человѣческое установленіе, а естественный законъ. Семья всегда была и будетъ, потому что безъ семьи немыслима жизнь человѣка. Между тѣмъ привычка признавать вѣчнымъ установленіемъ то, съ чѣмъ мы сжились (а къ этому человѣкъ весьма склоненъ), доказываетъ только неспособность человѣка вырваться изъ круга воззрѣній, наложенныхъ на него временемъ и условіями его жизни. Семья въ томъ смыслѣ, какъ мы ее теперь понимаемъ, не всегда существовала. Человѣкъ долго жилъ безъ того учрежденія, съ которымъ мы такъ сроднились.

Предразсудокъ состоитъ не только въ томъ, что мы думаемъ, будто семья всегда существовала, — гдѣ человѣкъ, тамъ и семья. Другой, весьма распространенный предразсудокъ, заключается въ постоянныхъ указаніяхъ на паденіе семьи. Се-

мейная жизнь разрушается, основы семьи потрясены — таковы заявленія, которыя приходится каждому нерѣдко слышать. При этомъ встаетъ представленіе, что въ прошломъ человѣчества и была настоящая семья, а мы присутствуемъ при постепенномъ ея разрушеніи. Трудно себѣ представить утвержденіе, болѣе противное дѣйствительности. Его можно объяснить только отсутствіемъ исторической перспективы, которая дается лишь соціологіей. Современная семья есть продуктъ долгаго историческаго развитія и тѣсная семейная связь составляетъ явленіе сравнительно недавнее. Семья съ исторической высоты не только не разрушается, а, напротивъ, укрѣпляется.

Что мы понимаемъ подъ современною семьею? Какіе признаки характеризуютъ ее? Во-первыхъ, постоянство отношенія во времени, — это не мимолетная встрѣча, это постоянный союзъ. Во-вторыхъ, въ основѣ семьи лежитъ нравственное сознаніе взаимныхъ обязанностей между мужемъ и женою, съ одной стороны, родителями и дѣтьми — съ другой. Въ-третьихъ, семья составляетъ хозяйственное установленіе, съ раздѣленіемъ труда и планомѣрнымъ удовлетвореніемъ матеріальныхъ потребностей всѣхъ членовъ семейнаго союза.

Теперь спросимъ себя, совмѣстимо ли такое представленіе о семьѣ съ представленіемъ о первоначальномъ состояніи человѣческаго существованія? Допустить изначальность семьи значитъ признать возможность формы безъ содержанія. Немыслимость семьи на первоначальныхъ ступеняхъ обнаруживается изъ ряда соображеній. Прежде всего

соображенія экономическаго характера. Тамъ, гдѣ каждый человѣкъ вынужденъ искать себѣ пищи въ теченіе цѣлаго дня, невозможно постоянное сожительство. У мужчины и женщины недостаетъ связующаго хозяйственнаго мотива. Пока каждый изъ нихъ питается врозь — у нихъ не можетъ быть семейнаго хозяйства. Но у нихъ нѣтъ и психологическаго основанія для сожительства. Нравственная близость, тяготѣніе другъ къ другу супруговъ вызывается только общностью интересовъ, — а тутъ ихъ нѣтъ. Нечего и говорить, что первобытные люди не знаютъ той любви, которая ведетъ къ семьѣ. Нѣкоторые романисты и до сихъ поръ склонны изображать нѣжную любовь между дикаремъ и дикаркой, но въ этнографѣ это можетъ вызвать только улыбку. Сама любовь, эта поэзія природнаго влеченія, этотъ мистическій покровъ физіологическаго акта, есть продуктъ долгаго соціальнаго развитія.

Изначальность семьи.

Въ наукѣ, какъ и въ жизни, долго господствовалъ взглядъ, будто семья есть первоначальная форма человѣческаго общежитія, которая естественно должна была предшествовать всѣмъ другимъ, въ томъ числѣ и государству. Такой взглядъ сложился, помимо склонности приписывать вѣчное существованіе тому, съ чѣмъ мы сжились, также вліяніемъ историческихъ образцовъ. Ученый умъ питался, главнымъ образомъ, древне-еврейской и римской исторіей, и строгіе образы библейскіе и классическіе сильно запе-

чатлѣвались. Ученые еще не встрѣтились съ тѣмъ огромнымъ новымъ матеріаломъ, который имѣетъ подъ руками соціологія. Патріархальная семья съ безграничнымъ авторитетомъ отца, съ безусловнымъ послушаніемъ жены и дѣтей, признавалась въ наукѣ той естественной формой, которая отлита самой природой. Еще сравнительно недавно извѣстный англійскій ученый Генри Сёмнеръ Мэнъ и французскій ученый Фюстель де Куланжъ энергично поддерживали эту точку зрѣнія.

Материнское право.

Но научная критика неумолима въ отношеніи предразсудковъ, хотя бы ею самою созданныхъ. Въ 60-хъ годахъ германскій ученый Баховенъ выпустилъ книгу подъ именемъ «Материнское право», въ которой онъ, на основаніи матеріаловъ, заимствованныхъ изъ классической исторіи, представилъ рядъ фактовъ, противорѣчащихъ патріархальной теоріи. Семья не могла быть, по его мнѣнію, ядромъ, изъ котораго развилось общество, потому что семья появляется позже общества. По мнѣнію Баховена, семейному союзу предшествуетъ безпорядочное половое общеніе, которое онъ назвалъ гетеризмомъ. Въ предѣлахъ общественной группы каждый мужчина имѣетъ сношеніе съ каждой женщиной. Отсюда невозможность установить отцовство, а отсюда слѣдуетъ, что единственная связь ребенка — это съ матерью, но не съ отцомъ. Дѣти подчиняются только матери, которая одна и заботится объ ихъ прокормленіи и воспитаніи. Отсюда дошедшіе отъ древности миѳы о господ-

ствѣ женщинъ,— миѳы, которые отвѣчаютъ исторической дѣйствительности. Времени, когда во главѣ семьи сталъ мужчина, предшествуетъ исторически время, когда главою семьи была женщина, мать, — отсюда и терминъ «материнское право».

Выводы, къ которымъ пришелъ Баховенъ на основаніи сохранившихся миѳовъ и преданій, нашли себѣ поддержку въ изслѣдованіи шотландскаго ученаго Макъ-Ленана (1865), основанномъ уже на современномъ этнографическомъ матеріалѣ, а также американскаго изслѣдователя Моргана (1871), изучившаго быть одного американскаго племени, ирокезовъ. Макъ-Ленанъ также призналъ, что первоначальной формой половыхъ сближеній были групповые браки, при чемъ онъ же старался открыть, какія причины побуждали перейти отъ сношеній внутри группы (эндогамія) къ сношеніямъ внѣшнимъ (экзогамія).

Нельзя сказать, чтобы эти новыя теоріи не остались безъ возраженій. Идея гетеризма или безпорядочнаго полового общенія, какъ форма, которую человѣчество должно было всюду пройти, подверглась критикѣ со стороны многихъ ученыхъ. Особенно справедливой критикѣ подверглось предположеніе о господствѣ женщины надъ мужчинами. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время признается, что нынѣшняя наша семья есть преобразованная патріархальная семья, а сама патріархальная семья представляетъ одну изъ формъ об-

щенія между мужчиною и женщиною и притомъ далеко не первоначальную.

Эволюціонная точка зрѣнія.

Семья не дана въ готовомъ видѣ, она явилась продуктомъ долгаго развитія подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ воздѣйствій. Понять современную семью можно только съ эволюціонной точки зрѣнія. Только ставъ на эту точку зрѣнія, можемъ мы уяснить тѣ явленія, открываемыя намъ наблюденіемъ надъ жизнью дикарей, которыя иначе остаются совершенно непонятными уродствами. Мы относимся съ отвращеніемъ къ возможности брака между ближайшими родственниками, напр., между братомъ и сестрой, отцомъ и дочерью, но передъ нами богатый историческій и этнографическій матеріалъ, доказывающій намъ, что отталкивающаго инстинкта природа сама не даетъ. Мы представить себѣ не можемъ угощенія гостя женой или дочерью, а между тѣмъ это самое обычное явленіе на извѣстныхъ ступеняхъ культуры. Мы привыкли цѣнить въ невѣстѣ ея чистоту, и вдругъ сталкиваемся съ условіями, при которыхъ эта чистота презирается и является даже препятствіемъ къ выходу замужъ. Однако надо признать, что исторически всякое явленіе, если только оно встрѣчается въ массѣ, а не единично, имѣетъ свои разумныя причины, дѣйствующія съ тою же силою, съ какою дѣйствовали тѣ, которыя создали нашъ взглядъ. Нужно умѣть только становиться на иную точку зрѣнія. Попробуемъ начертить ходъ развитія семьи.

Половыя отношенія вначалѣ.

Существуетъ взглядъ (Летурно), будто на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи половыя сношенія совершаются по мѣрѣ надобности и управляетъ ими только одинъ законъ — право сильнаго. Мужчина, чувствующій половое влеченіе, набрасывается на встрѣтившуюся женщину, удовлетворяетъ свою потребность, — и тѣмъ кончается всякое отношеніе. Такая картина мало правдоподобна. Во-первыхъ, первобытная женщина, какъ это показалъ въ своей «Антропологіи» Топинаръ, мало чѣмъ уступаетъ въ силѣ мужчинѣ,—слабость современной женщины есть тоже результатъ общественныхъ условій, въ которыя она поставлена. Во-вторыхъ, такихъ насилованій мы не замѣчаемъ въ животномъ мірѣ. Самцы всюду обольщаютъ самокъ, кто пѣніемъ, кто окраскою, кто ловкостью, но силѣ самки не поддадутся.

Не въ насиліи дѣло, а въ томъ, что поводомъ къ сближенію служитъ одна только физіологическая потребность и что по удовлетвореніи ея утрачивается всякое основаніе для дальнѣйшаго сожительства. Мужчины борются изъ-за женщинъ, какъ и всякіе другіе самцы. Женщины спокойно смотрятъ на кровавыя схватки, которыя происходятъ изъ-за нихъ, и покорно слѣдуютъ за побѣдителемъ, повинуясь не силѣ, а увлеченію силою побѣды. У Гиддинса есть прекрасная картина такого состязанія среди австралійцевъ, происходящаго среди ночи.

Итакъ, женщина отдается тому, кто оказался физически сильнѣе другихъ. Какое это будетъ

имѣть послѣдствіе? Останутся ли они жить вмѣстѣ, создадутъ свой очагъ, будутъ вскармливать и воспитывать дѣтей? Но тогда это будетъ семья въ современномъ значеніи. А мы видѣли, что такая семья немыслима. Вѣрнѣе, что, отдавшись и насладившись, мужчина и женщина разойдутся. А ребенокъ? Мужчинѣ нѣтъ дѣла до того, что можетъ случиться черезъ 9 мѣсяцевъ, дѣти— это всецѣло забота матери. Первоначальная семья не мужъ и жена, а мать и дитя. Такую семейную форму удается и сейчасъ наблюдать. Напр., у малайцевъ голландской Остъ-Индіи простая семья состоитъ изъ матери съ дѣтьми, а отецъ къ этой группѣ не причисляется, хотя временами и посѣщаетъ подъ вліяніемъ полового инстинкта, что, впрочемъ, не исключаетъ посѣщенія и другихъ мужчинъ. Забота о пропитаніи лежитъ полностью на матери. Такъ какъ ребенокъ нуждается постоянно въ пищѣ, то мать должна пріучить себя къ питанію кореньями, ягодами, плодами, и не рисковать, подобно мужчинѣ, на охотѣ, которая, хотя и обѣщаетъ лакомую пищу, но можетъ, при безуспѣшности, привести къ продолжительному голоданію, котораго дѣти выдержать не въ состояніи. Женщина пріучается необходимостью къ растительному міру, какъ мужчина къ животному. Если отецъ сомнителенъ, то родство не можетъ исчисляться иначе какъ по матери. Уже Геродотъ подмѣтилъ странное для него явленіе, что ликійцы называютъ себя по матери, а не по отцу. Позднѣе этотъ порядокъ опредѣленія родства долго отражался на своеобразномъ порядкѣ наслѣдованія:

послѣ мужчины наслѣдниками призываются не его дѣти, а племянники, т.-е. дѣти его сестры.

До сихъ поръ мы наблюдали половыя сношенія внутри группы, между членами одного и того же племени. На смѣну ему идетъ новое явленіе: половыя сношенія съ посторонними женщинами, такъ называемая экзогамія. Какъ произошла такая перемѣна?

Похищеніе жены.

Мы видѣли, что женщина вынуждена была довольствоваться растительною пищею, въ то время какъ мужчина, занимаясь охотою, то пресыщался, то голодалъ. Охотникъ пришелъ естественно къ прирученію животныхъ, которое дѣлалось сначала съ цѣлью забавы, а потомъ съ цѣлью имѣть постоянный запасъ пищи. Съ этого момента мужчина, обладатель стада козъ, оленей, антилопъ, становится капиталистомъ. Капиталъ требуетъ рабочей силы. Откуда же взять ее охотнику? По нашимъ воззрѣніямъ, ему слѣдовало бы жениться. Но брака не было, дѣти шли къ матери. Ему оставалось добыть работника силою на сторонѣ. Наѣздъ съ товарищами на чужую деревню, коварное похищеніе гдѣ-нибудь у ручья — вотъ способы выйти изъ затрудненія, которые соотвѣтствовали міровоззрѣнію дикаря. Выгоднѣе всего было похищать женщинъ: 1) онѣ все же нѣсколько слабѣе и не владѣютъ оружіемъ, 2) онѣ болѣе привычны къ постоянному труду, 3) онѣ, помимо рабочей силы, могли служить предметомъ удовлетворенія полового инстинкта.

Добытая похищеніемъ женщина — просто вещь, ничѣмъ не отличающаяся отъ всякаго другого домашняго животнаго. Отношеніе къ ней есть право собственности. Если жена вещь, то почему мужъ не можетъ предложить ее дорогому гостю, остановившемуся у него на ночь? Можно дать коня, можно дать и жену. Отсюда весьма распространенный, особенно у кочевыхъ народовъ, обычай угощенія женою — этого требуютъ правила гостеприимства. Но въ то же время въ это отношеніе вкрадываются новые элементы. Во-первыхъ, сожительство пріобрѣтаетъ сравнительно постоянный характеръ, во-вторыхъ, дѣти, какъ приплодъ, подчиняются праву отца, въ-третьихъ, всѣ эти лица объединяются на общемъ хозяйствѣ которое впервые создаетъ прочную основу для сознанія общности интересовъ между мужчиною и женщиною. Жена, дѣти и прочіе рабы составляютъ одно достояніе отца — патріарха. Вотъ почему семья у римлянъ носила названіе «фамилія» отъ слова famulus—рабъ, а у русскихъ славянъ «чадь» означало всѣхъ лицъ, подчиненныхъ отцу — жену, дѣтей, рабовъ, хотя первоначально слово это имѣло болѣе узкое значеніе «челядь», какъ и теперь въ смыслѣ «чадо».

Можно ли, однако, строить семью на началѣ насилія? Современная семья строится на правѣ, а въ данномъ случаѣ одна только сила? Но въ исторіи мы постоянно встрѣчаемся съ явленіемъ, что сила превращается въ право. Какъ будто современная международная жизнь не показываетъ намъ, какъ случаи насилія, путемъ подражанія,

пріобрѣтаютъ характеръ юридическаго обычая. Именно этотъ насильственный характеръ, это рабское положеніе женщины въ буквальномъ смыслѣ, этотъ взглядъ на женщину и дѣтей, какъ на добычу, объясняютъ намъ тотъ абсолютизмъ, который характеризуетъ патріархальную семью, какъ она только что народилась передъ нашими глазами.

То обстоятельство, что въ основѣ брака лежитъ насильственный актъ, долго сохраняется въ представленіяхъ народа. Нашъ лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, какъ древляне похищали, умыкали себѣ женъ, сходясь на игрища. Я напомню вамъ еще римское преданіе о похищеніи сабинянокъ. Но ярче всего переживаніе представленій сказывается въ брачныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Шаферы, которыхъ мы готовы нынѣ превратить въ свидѣтелей, въ дѣйствительности остатокъ друзей жениха, предпринимающихъ вмѣстѣ съ нимъ опасную затѣю похитить невѣсту. Стрѣльба при свадебномъ поѣздѣ — это воспоминаніе ожесточеннаго боя между похитителями и роднею похищенной. Толпа дѣвушекъ, подругъ, не допускаетъ долго жениха къ невѣстѣ, пока онъ не откупится отъ нихъ подарками. У южныхъ славянъ свадебные обряды съ наибольшею точностью воспроизводятъ старину, и игра нерѣдко превращается въ увѣчья.

Покупка жены.

Похищенія, которыя вели къ кровавымъ столкновеніямъ, опаснымъ для той и другой стороны, могли закончиться мировой, если похититель предлагалъ хорошее вознагражденіе за то, чтобы ему не мстили. Отсюда уже одинъ шагъ — похи-

щеніе замѣнить покупкою, что было тѣмъ легче, что при патріархальной семьѣ дочери были вещью, которую отцы охотно отдавали за соблазнительный выкупъ. Бракъ совершался соглашеніемъ между отцомъ и женихомъ, и кто рѣшится утверждать, что такія соглашенія давно вышли изъ обычая, и что въ основѣ нашего брака всегда лежитъ свободное соглашеніе между женихомъ и невѣстою, какъ это требуется по нашему закону?

Разъ дѣло дошло до покупки, то явилась возможность пріобрѣтать себѣ женъ не только изъ чужого племени, но и изъ своего. При выборѣ такой вещи, какъ жена, мужчина руководствовался не только личнымъ вкусомъ, но и вкусомъ другихъ, что льстило его тщеславію. Самая высокая цѣна была той невѣстѣ, которая имѣла наибольшій успѣхъ среди мужчинъ. Цѣломудріе не имѣло никакой цѣнности. Совершенно свободныя до брака, ничѣмъ не стѣсняющіяся въ дѣвичествѣ, женщины, по выходѣ замужъ должны были соблюдать строжайшую вѣрность.

Экономическія условія, какъ мы видѣли, смѣнили матріархальную семью на патріархальную. Но обычныя представленія крѣпко сидятъ въ головѣ первобытнаго человѣка. До сихъ поръ родство исчислялось только по матери, а не по отцу, власть у матери надъ дѣтьми создавалась вслѣдствіе того, что она ихъ произвела на свѣтъ. Какимъ образомъ освятить власть отца, которая дается ему силой? Ходъ мысли очень простой. Если материнская власть пріобрѣталась въ силу акта рожденія, то надо отцу родить дѣтей, ну,

конечно, не въ дѣйствительности, а по видимости, по формѣ. Въ то время, какъ жена производитъ ребенка, мужъ ложится въ постель, стонетъ, а сосѣди собираются и охами выражаютъ сочувствіе его страданіямъ. Этотъ широко распространенный обычай носитъ названіе «кувады» и служилъ обоснованіемъ власти отца надъ дѣтьми.

Паденіе патріархальной семьи.

Патріархальная семья прочна при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ. При перемѣнѣ ихъ шатаются основы этой брачной формы. Когда создается сильная государственная организація, когда на мѣсто натуральнаго хозяйства становится мѣновое, — патріархальной семьѣ приходитъ конецъ. Нигдѣ, можетъ-быть, патріархальная семья не обрисовалась такъ ярко, какъ въ Римѣ. Сыновья находились въ полномъ подчиненіи отца, лично и имущественно. Но по государственнымъ соображеніямъ вдругъ сынъ становится полководцемъ, консуломъ, преторомъ. Какъ же совмѣстить врученную ему государствомъ власть съ властью отца? Если государство за общественныя заслуги дарило сыну имущество, неужели оно должно было перейти въ собственность отца? Государственное начало подорвало основы патріархальной семьи.

На сохраненіе и разрушеніе патріархальной семьи вліяютъ и экономическія условія. Тамъ, гдѣ трудъ сыновей можетъ быть использованъ въ хозяйствѣ отца, тамъ патріархальныя начала сохраняются дольше. Это нужно сказать относительно земледѣльческой среды. На-

оборотъ, тамъ, гдѣ подрастающіе члены семьи вынуждены искать особо прокормленія на сторонѣ, въ отхожемъ промыслѣ, патріархатъ расшатывается.

Обозрѣвая пройденный нами путь, мы видимъ, что первоначально нѣтъ ничего подобнаго на бракъ и семью, что они лежатъ не въ исходѣ эволюціи, а въ концѣ ея. Первоначальная семья— это мать и дитя, отецъ остается постороннимъ. Затѣмъ выступаетъ патріархальная семья, гдѣ все объединяется безграничною властью отца семейства. Многоженство или одноженство, двѣ формы патріархальной семьи, зависятъ всецѣло отъ богатства, отъ матеріальной возможности пріобрѣсти и содержать женъ. Демократизація общества привела къ установленію всюду одноженства.

Укрѣпленіе семьи.

Мало того: если мы присмотримся къ составу современной семьи и сравнимъ ее съ семьей добраго стараго, хотя и не очень отдаленнаго, времени, то мы замѣтимъ, что объемъ семьи становится все уже. Нѣкогда семья обнимала огромное количество людей: отецъ и мать, сыновья, а женатые съ женами, дочери, нерѣдко съ мужьями, внуки, а также посторонніе приживальщики — такова старая семья. Нынѣшняя семья — это отецъ, мать и дѣти. Это сокращеніе состава семьи, наблюдаемое во всей исторіи, можетъ быть названо закономъ развитія семьи. Сокращеніе состава, сплачивая меньшее количество лицъ, усиливаетъ нравственную связь между членами

семьи. Что бы ни говорили ворчуны, но, съ исторической высоты, семья становится все тѣснѣе, интенсивность за счетъ экстенсивности. Моногамія (одноженство) является идеальною формою полового общенія, къ которому пришло человѣчество. Здѣсь сильнѣе всего устанавливается близость между братьями и сестрами, потому что у нихъ общее происхожденіе, чего нѣтъ при полигаміи. Привязанность между мужемъ и женою не нарушается завистью, интригами женъ. Мы говоримъ о томъ, что̀ можетъ дать моногамическая форма современному человѣку, оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ общественныя условія, которыя подрываютъ со стороны крѣпость семейнаго союза.

Характеръ женщины.

Различныя формы полового сожитія отражались на душевной характеристикѣ женщины. Матріархатъ способствовалъ развитію въ ней двухъ чертъ: предусмотрительности и самостоятельности. Какъ мать, она должна была заботиться, чтобы не было перерыва въ питаніи. Поэтому женщина, а не мужчина, создала земледѣліе. Это она, имѣя дѣло съ растительною пищею, подмѣтила ростъ злаковъ и стала искусственно насаждать ихъ. Не даромъ божествомъ земледѣлія греки и римляне изображали женщину — Цереру. Слѣдствіемъ этой связи является то, что у нѣкоторыхъ народовъ всѣ земледѣльческія работы производятся исключительно женщинами, тогда какъ всѣ занятія, связанныя со скотоводствомъ, какъ доеніе коровъ, приготовленіе масла и сыра — дѣло всецѣло мужское. Стоя во главѣ хозяйства, которое велось при

участіи дѣтей, женщина должна была чувствовать себя самостоятельной и отвѣтственной. Отсюда легенды о царствѣ женщинъ, объ амазонкахъ и т. п.

Патріархатъ рѣзко измѣнилъ черты женскаго характера. Женщина стала рабой. Отсюда угодливость, отсюда же и та душевная чуткость, которую мы такъ цѣнимъ въ современной женщинѣ, но которая служила ей средствомъ угадывать настроеніе своего повелителя по самымъ незамѣтнымъ признакамъ и отвращать во-время грозу, готовую разразиться надъ ея головою. Превращенная въ рабочую силу, загнанная въ кругъ домашнихъ повседневныхъ заботъ и отдаленная отъ широкихъ вопросовъ, которые открываются образованіемъ и общественною дѣятельностью, женщина стала мелочною. Однако всѣ эти черты не природныя, а пріобрѣтенныя. Женщина стала таковою потому, что такъ неблагопріятно сложились условія ея жизни. Но, если это черты пріобрѣтенныя, то перемѣна условій должна рѣшительно измѣнить женскую психику.

Будущее семьи.

Каково будущее семьи? Прежде всего допустимъ ли такой вопросъ въ соціологіи? Вообще да, потому что соціологія хочетъ знать, чтобы предвидѣть. Но данныя, которыми располагаетъ наука, не таковы, чтобы смѣть давать указанія на счетъ будущаго семьи. Спенсеръ, въ своихъ «Основаніяхъ соціологіи» довольно смѣло бросается въ область гадательнаго. Не послѣдуемъ его примѣру. Но укажемъ на два фактора, которые не могутъ остаться безъ вліянія на судьбу семейной жизни.

Первый факторъ — возрастающая экономическая самостоятельность женщины. Съ каждымъ днемъ растетъ число женщинъ, добывающихъ самостоятельно свой кусокъ хлѣба. Быть-можетъ, онъ дается имъ тяжело, но онъ способствуетъ развитію чувства самостоятельности, и ослабляетъ ту экономическую зависимость отъ мужа, которая часто тяжелымъ гнетомъ ложится на душу женщины. Второй факторъ психологическій: это возрастающая сложность человѣческой души, которая все болѣе затрудняетъ возможность ужиться двумъ личностямъ.

Какъ отразятся эти факторы на будущемъ семьи — трудно утверждать, но вліяніе ихъ на будущую семью не подлежитъ сомнѣнію.

Литература: *Позада*, Современныя теоріи о происхожденіи семьи, общества и государства, 1904; *Ковалевскій*, Соціологія, т. 2, 1910; *Тардъ*, Происхожденіе семьи и собственности, 1906; *Гроссе*, Формы семьи и формы хозяйства, 1898; *Морганъ*, Первобытное общество, 1900; *Старке*, Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе, 1901; *Максимовъ*, Что сдѣлано по изслѣдованію первобытной семьи, 1901.

Лекція одиннадцатая.

Вопросъ о правѣ собственности можетъ быть разсматриваемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Юристъ стремится опредѣлить, что́ такое право собственности, каковы отличительные признаки его по сравненію съ другими правовыми институтами. Философъ направляетъ свое вниманіе на цѣль собственности. Для него важно вскрыть, какую роль играетъ право собственности въ личномъ и соціальномъ существованіи. Наконецъ соціологъ разсматриваетъ все тотъ же вопросъ о правѣ собственности съ своей точки зрѣнія: какъ появилось право собственности и подъ вліяніемъ какихъ причинъ развивалось.

На происхожденіе права собственности существуетъ два противоположныхъ взгляда. По мнѣнію однихъ, право собственности естественно сопровождаетъ жизнь человѣка на землѣ, по мнѣнію другихъ, право собственности было искусственно изобрѣтено въ одинъ прекрасный день.

Собственность, основанная на природѣ.

Утвержденіе, что право собственности неразрывно связано съ природою человѣка (Тьеръ), что частная собственность такъ же древна, какъ самъ человѣкъ (Віоллэ), основано на ошибочномъ пред-

ставленіи, будто всякое обладаніе есть право собственности. Какъ, говорятъ, можете вы себѣ представить самаго дикаго человѣка безъ того, чтобы не имѣлъ въ рукахъ плодовъ, которыми онъ собирается питаться и которыхъ онъ ни за что не отдастъ другому? Явленіе вѣрно подмѣченное, но не стоило изъ-за него итти въ глубь вѣковъ. Вотъ, на улицѣ бѣжитъ собака, которая гдѣ-то нашла кость. Можно быть увѣреннымъ, что она безъ жестокаго боя не уступитъ ее ни другой собакѣ, ни человѣку. Скажемъ ли мы, однако, что собакѣ принадлежитъ право собственности на кость? Я думаю, мы всѣ согласимся, что о правѣ собаки не можетъ быть и рѣчи, потому что у нея нѣтъ никакой охраны ея обладанія. Точно такъ же и по отношенію къ первобытному человѣку. Для того, чтобы его обладаніе предметами потребленія можно было назвать правомъ частной собственности, нужно признать существованіе права, а право предполагаетъ опредѣленную общественную организацію. Отсюда ясно, что право частной собственности рождается не одновременно съ появленіемъ человѣка на землѣ, а много позднѣе, что оно составляетъ нѣкоторую ступень культурнаго развитія человѣка.

Собственность какъ искусственное учрежденіе.

Другой крайній взглядъ высказанъ Ж. Ж. Руссо. «Первый, который, огородивъ свой участокъ, осмѣлился сказать: это мое, и нашелъ людей достаточно наивныхъ, чтобы повѣрить ему, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Сколько преступленій, войнъ, убійствъ,

сколько бѣдствій и ужасовъ вычеркнулъ бы изъ исторіи человѣчества тотъ, кто, выдернувъ колья или засыпавъ ровъ, крикнулъ бы своимъ ближнимъ: берегитесь этого нахала, вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля ничья». Итакъ, достаточно было найтись одному нахалу, чтобы появилось право частной собственности. Наивное воззрѣніе, совершенно лишенное исторической точки зрѣнія. Руссо упустилъ изъ виду, что сущность права собственности не въ томъ, что нахалъ закричалъ: «это мое» и огородилъ кусокъ земли, а въ томъ, что всѣ согласились признавать неприкосновенность его владѣній и даже больше, защищать его соединенными силами противъ всякаго нарушителя. Чтобы создалось такое убѣжденіе, необходимо было дѣйствіе ряда существенныхъ причинъ.

Позднее появленіе поземельной собственности.

Отвергая искусственность созданія права собственности, я въ то же время признаю, что право собственности явилось довольно поздно, и долгое время человѣкъ жилъ, не представляя себѣ его необходимости и даже возможности.

Особенно поздно является поземельная собственность. Отсутствіе права собственности на землю объясняется очень просто: земля не имѣетъ никакой мѣновой цѣнности, и потому нѣтъ экономическаго мотива присвоивать себѣ земельный участокъ въ собственность. Земля представляла то естественное благо, которымъ всѣ пользовались, но, въ виду его безграничности, никому не при-

ходило въ голову посягать на исключительное постоянное пользованіе. Землею пользовались, пока было нужно, а затѣмъ оставляли ее. Земля нѣкогда представляла такое же благо, какъ въ настоящее время воздухъ или солнечный свѣтъ. Ими пользуются всѣ, но они пока не объекты права собственности. Но не думайте, что это невозможно, и, можетъ-быть, не такъ далеко время, когда эти естественныя блага станутъ объектами права. Съ усовершенствованіемъ воздухоплаванія, съ установленіемъ правильнаго движенія по воздуху, можетъ-быть, съ устройствомъ «воздушныхъ замковъ», воздушное пространство пріобрѣтетъ мѣновую цѣнность, явится право собственности на воздухъ. Кто знаетъ, не создастъ ли будущая воздушная архитектура столкновеній между строеніями, выше и ниже расположенными, изъ-за пользованія солнечнымъ свѣтомъ. Но это дѣло будущаго. А теперь мы въ отношеніи воздуха и солнечнаго свѣта находимся въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находились наши отдаленные предки въ отношеніи земли. Психологія та же и дѣйствіе экономическихъ факторовъ то же.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ различныя экономическія условія, въ которыхъ находилось человѣчество на первыхъ ступеняхъ развитія, и мы сейчасъ же убѣдимся, какъ невыгодно было для того времени установленіе права собственности. Начнемъ съ охотничьяго быта. Люди добываютъ себѣ пищу и одѣяніе, а также украшенія охотою на различныхъ звѣрей, птицъ, гоняясь за ними по безграничнымъ степямъ, лѣсамъ или го-

рамъ. Какая имъ польза отъ поземельной собственности, и не стѣсняла ли бы она ихъ всѣхъ въ ихъ борьбѣ за существованіе? Въ началѣ новой исторіи Западной Европы мы еще встрѣчаемся съ ожесточенною борьбой, съ одной стороны, крестьянъ, которые никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что имъ запрещаютъ охотиться въ помѣщичьихъ лѣсахъ, и, съ другой стороны, бароновъ, которые не только загораживаютъ свои лѣса, но считаютъ вполнѣ естественнымъ для себя пользоваться свободнымъ правомъ охоты на поляхъ и въ лѣсахъ крестьянъ.

Возьмемъ кочевой бытъ. Человѣку нужна земля для того, чтобы пасти свои стада. Когда трава поѣдена, эта земля кочевнику болѣе не нужна, наоборотъ, ему необходимы новыя земли, гдѣ онъ могъ бы найти новое пропитаніе. Учредите право собственности на землю — и кочевники вымрутъ. Наконецъ земледѣліе есть значительно высшая форма хозяйственнаго быта, и здѣсь-то и возникаетъ право собственности на землю. Но это происходитъ только тогда, когда земли становится мало, вслѣдствіе усилившейся густоты. Право собственности на землю возникаетъ только тогда и только потому, когда земли не хватаетъ всѣмъ. Пока еще ея много, земледѣліе ведется посредствомъ переложнаго хозяйства, которое противится праву собственности. Когда желающихъ приложить свой трудъ къ землѣ становится слишкомъ много, тогда сильные завладѣваютъ землею, чтобы сдавать ее земледѣльцамъ подъ условіемъ предоставленія собственнику части собранныхъ про-

дуктовъ. Чтобы обезпечить это право, должна была возникнуть государственная и правовая организація. Вы видите, что право собственности на землю не есть просто выдумка нахала, а есть результатъ дѣйствія экономическихъ и политическихъ силъ.

Вы въ правѣ потребовать отъ меня фактовъ, подтверждающихъ тѣ положенія, которыя я сейчасъ развивалъ. Цезарь описалъ бытъ германцевъ, съ которыми онъ воевалъ, и которые жили въ полудикомъ состояніи. «У германцевъ, — говоритъ онъ, — нѣтъ земли, которая бы принадлежала кому-либо въ собственность. Ежегодно старшины и предводители назначаютъ каждому участокъ земли, соотвѣтствующій по размѣру составу его семьи. На слѣдующій годъ производится новое назначеніе въ новыхъ мѣстахъ». Тацитъ, который описывалъ германцевъ черезъ полтораста лѣтъ послѣ Цезаря, утверждаетъ то же самое, но въ то же время указываетъ на новое обстоятельство: право собственности на усадебную землю. Это показатель уже нѣкоторой осѣдлости. Эта осѣдлость была нарушена переселеніемъ народовъ, но когда водворилось нѣкоторое спокойствіе, мы снова наблюдаемъ, что поля, лѣса, выгоны, принадлежатъ общинѣ (маркѣ), которыми она пользуется на началахъ общаго пользованія, и только усадебная земля составила собственность отдѣльнаго хозяйства. Дальнѣйшій ходъ разложенія общиннаго владѣнія и торжества частной собственности заключался въ раздѣлѣ сначала полевыхъ земель, потомъ лѣсовъ и, наконецъ, выгоновъ. Но община

и до сихъ поръ не исчезла совершенно на Западѣ.

У насъ, въ Россіи, ходъ развитія частной поземельной собственности идетъ тѣмъ же путемъ. Замѣчательно, что такой юридическій памятникъ, какъ Русская Правда, ни словомъ не упоминаетъ о частной собственности на землю. Въ московскій періодъ идеѣ частной собственности препятствовала идея о принадлежности всей земли государю, которую онъ въ правѣ раздавать по своему усмотрѣнію. Дѣйствительно, въ московскій періодъ русской исторіи преобладаетъ помѣстное, т.-е. временное пользованіе государевой землею подъ условіемъ службы, надъ вотчиною, т.-е. собственностью. Въ сущности, только при Екатеринѣ II, которая оставила за дворянами ихъ помѣстья, освободивъ ихъ отъ службы, торжествуетъ идея частной собственности въ высшихъ классахъ. Поземельная собственность въ крестьянской средѣ переживаетъ сейчасъ, какъ вы знаете, острый моментъ ломки.

Собственность на движимыя вещи.

Точно такъ же и движимая собственность долгое время не накопляется. На то имѣются соображенія психологическаго, религіознаго и соціальнаго характера.

Прежде всего дѣйствуетъ та черта психологическая, съ которою мы уже не разъ встрѣчались— непредусмотрительность. Человѣкъ думаетъ только о томъ, какъ бы ему достать предметы, которые бы удовлетворили его насущную потребность. Но запасовъ онъ не дѣлаетъ. Никакія голоданія, которымъ онъ нерѣдко подвергается, не измѣняютъ

его убѣжденій. Дикарь съ презрѣніемъ относится къ европейцу, который на его глазахъ мучится мыслью, что онъ будетъ ѣсть и пить черезъ недѣлю. Одинъ малаецъ попросилъ капитана корабля подарить ему пойманную черепаху и не могъ понять, почему ему отказали, хотя и не собирались ее ѣсть сейчасъ. Тамъ, гдѣ природа во всякое время предлагаетъ средства прокормленія (а культура тамъ и зарождается), человѣку и въ самомъ дѣлѣ можно не заботиться, если онъ желаетъ быть только сытымъ.

Второе обстоятельство, которое мѣшаетъ накопленію движимой собственности, — это религіозное представленіе о смерти. Загробная жизнь является простымъ продолженіемъ земной. «Тамъ» онъ будетъ охотиться, ѣсть, пить, производить дѣтей, сражаться. Если такъ, то умершему нужно все, что было у живого. Отсюда логическій выводъ: все имущество умершаго отправляется за нимъ путемъ ли сжиганія, или путемъ закапыванія, или инымъ способомъ истребленія. Этотъ обычай сейчасъ наблюдается у нѣкоторыхъ дикарей въ непосредственномъ видѣ. Оружіе, орудія, одежды, животныя, припасы, даже домъ — все уничтожается собравшимися отдать послѣдній долгъ товарищу. Такой пріемъ дѣлаетъ немыслимымъ наслѣдованіе, а вмѣстѣ отнимаетъ мотивъ къ накопленію движимой собственности.

Наконецъ третье обстоятельство — соціальнаго характера. Если общественная группа не видитъ цѣнности капитала, то спрашивается, изъ-за чего она будетъ защищать обладаніе со стороны отдѣль-

наго человѣка тѣми или другими вещами? Въ такой средѣ сильный считаетъ себя всегда въ правѣ отнять у слабѣйшаго всякую вещь, которая ему понравится.

Возникновеніе движимой собственности.

Какъ мы видѣли, капиталъ впервые проявляется въ видѣ скота, созданнаго изъ прирученныхъ охотниками дикихъ животныхъ. Въ связи съ этимъ находится и созданіе патріархальной семьи, самый размѣръ которой долженъ былъ поставить новые хозяйственные вопросы, вызвать новыя заботы о прокормленіи и одѣяніи массы членовъ, а потому и создать впервые хозяйство. Правильная дѣятельность частнаго хозяйства невозможна безъ частной собственности. Какъ ни абсолютенъ былъ патріархъ, но интересы всей остающейся послѣ его смерти семьи заговорили настолько сильно, что необходимо было найти компромиссъ между воззрѣніемъ на загробную жизнь и требованіями живыхъ. Вмѣсто уничтоженія всего имущества умершаго, стали уничтожать его изображенія. Такъ, напримѣръ, у китайцевъ до сихъ поръ въ составъ похоронныхъ церемоній входитъ сжиганіе огромныхъ бумажныхъ изображеній домовъ, мебели, лодокъ, носилокъ и даже прислуги мужского и женскаго пола.

Первоначальный складъ жизни опредѣляетъ и способы пріобрѣтенія собственности, которые значительно отличаются отъ признаваемыхъ современными законодательствами. Эти способы — охота и грабежъ. Собственностью каждаго признается то, что онъ добылъ своей силою и своимъ ис-

кусствомъ въ борьбѣ съ дикими звѣрями или въ борьбѣ съ врагами. Все захваченное пользуется наибольшимъ уваженіемъ со стороны соплеменниковъ и энергичнѣе всего защищается общиною. Замѣтимъ, что римляне, народъ, право котораго считается для насъ образцовымъ, признавали, по ученію своихъ юристовъ, наиболѣе прочною собственностью то, что захвачено у непріятеля (maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent). Отсюда понятно то взаимное непониманіе, которое происходитъ между европейцами и дикарями. Европейцы поражаются, какъ это тѣ самые дикари, которые проявляютъ высшее гостепріимство, которые готовы подарить все, что понравится гостю, въ то же время способны украсть у него любую вещь. Однако дикарь поступаетъ совершенно послѣдовательно, его образъ дѣйствій логически вытекаетъ изъ всего его міровоззрѣнія, которое такъ рѣзко расходится съ міровоззрѣніемъ культурнаго европейца. Но, если мы всмотримся во взаимныя отношенія культурныхъ государствъ, развѣ мы не замѣтимъ слѣдовъ этого первобытнаго міровоззрѣнія? Развѣ теперь какое-нибудь государство откажется захватить, что̀ плохо лежитъ, развѣ оно постыдится пріобщить къ своему имуществу чужое, если только оно не боится сопротивленія? Конечно, культура заставляетъ выдумать красивыя слова: политическій раздѣлъ, аннексія, протекторатъ, но сущность-то всякому ясна.

Изъ того, что право собственности зарождается, какъ и хозяйство, вмѣстѣ съ патріархальною

семьей, ясно, что первоначальная собственность носитъ не индивидуальный, а родовой характеръ. Хотя распорядителемъ, и притомъ неограниченнымъ, оказывается патріархъ, но ему и въ голову не придетъ оставить накопленное общимъ хозяйствомъ имущество кому-нибудь постороннему. Первоначальное хозяйство и имущество носятъ приблизительно тотъ характеръ, какой имѣетъ современный крестьянскій дворъ, юридическое пониманіе котораго представляетъ, какъ извѣстно, огромныя затрудненія для нашего сената.

По мѣрѣ усиленія государственнаго начала, ослабленія родовыхъ связей, торжества индивидуализма, и право собственности принимаетъ все болѣе личный характеръ. Превращеніе родовой собственности въ личную — таковъ ходъ эволюціи права собственности, наблюдаемой у всѣхъ народовъ.

Психологія права собственности. Право собственности имѣетъ свою психическую основу. Отчасти развитіе права собственности происходило подъ вліяніемъ психологическихъ мотивовъ, отчасти оно само создавало эту психику. Психологія права собственности выражается: 1) въ стремленіи къ обособленію; 2) въ стремленіи къ обезпеченію за собою результата своего труда; 3) въ стремленіи къ власти.

Въ обществѣ, гдѣ сильно развитъ индивидуализмъ, у каждаго человѣка есть потребность имѣть свой уголъ. Этотъ уголъ онъ обставляетъ по своему вкусу въ предѣлахъ своихъ средствъ: мебель, книги, картины, занавѣски, цвѣты, му-

зыкальные инструменты и т. п. При помощи всѣхъ этихъ предметовъ человѣкъ создаетъ самъ внѣшнюю среду, свой собственный мірокъ, который дорогъ ему ужъ тѣмъ, что это «его», что созданъ «имъ», что въ немъ отражена «его» индивидуальность. Какъ бы ни были скромны его средства, если только онъ не вовсе лишенъ ихъ, но здѣсь онъ чувствуетъ себя «у себя», здѣсь онъ противополагаетъ себя всему остальному. Пусть онъ одинъ, пусть съ дорогими ему лицами, составляющими его семью. Это сознаніе обособленности достигается при помощи частной собственности.

Второе чувство, соединенное съ правомъ собственности, состоитъ въ желаніи видѣть результатъ своего труда. Нигдѣ эта психика не выражается такъ ярко, какъ у землевладѣльца, будь это крестьянинъ, имѣющій нѣсколько десятинъ, будь это помѣщикъ, ведущій лично хозяйство на нѣсколькихъ сотняхъ десятинъ. Ходить за своей землей, удобрять ее, кормить, какъ какое-то одушевленное существо, вкладывать въ нее весь свой трудъ, энергію, и жить надеждами на всходы— радости урожая, и горе неурожая — вотъ психологія, втягивающая въ землю человѣка. Эта власть земли прекрасно изображена Золя въ его романѣ «Земля» и нашимъ писателемъ Глѣбомъ Успенскимъ.

Наконецъ третья черта, заставляющая человѣка привязываться къ праву собственности, — это жажда власти. Огромное имущество, доходы котораго, быть-можетъ, далеко оставляютъ за собой

самыя прихотливыя потребности культурнаго человѣка, даетъ человѣку наслажденіе сознаніемъ той огромной власти, какую онъ имѣетъ надъ сотнями, тысячами, милліонами людей. Отъ единаго его слова зависитъ благосостояніе массы рабочихъ, а можетъ-быть, и потребителей. Онъ можетъ осчастливить любого или потопить, кого хочетъ. Притомъ эта власть неограниченная, абсолютная и въ такой странѣ, какъ Соединенные Штаты, гдѣ никогда не знали политическихъ монарховъ, имѣется не мало экономическихъ монарховъ, которые диктуютъ свою волю огромной массѣ лицъ. Эта власть пьянитъ ихъ и заставляетъ все больше и больше пользоваться правомъ собственности.

Опасности права собственности.

Но это послѣднее обстоятельство, этотъ послѣдній мотивъ раскрываетъ и опасность права собственности. Здѣсь происходитъ столкновеніе интересовъ общества и личности. Къ этому столкновенію современное государство не можетъ оставаться равнодушнымъ. Вмѣшательство государства выражается: 1) въ установленіи ограниченій права собственности, которое съ особою наглядностью выступаетъ въ городской собственности, а потому владѣніе домами подвергается самымъ большимъ ограниченіямъ въ интересахъ сосѣдства, благоустройства города, безопасности живущихъ и проходящихъ; 2) въ экспропріаціи земельныхъ участковъ, когда эти участки оказываются необходимыми въ интересѣ общаго блага, а собственникъ не желаетъ ихъ отчуждать, напри-

мѣръ, при проведеніи желѣзно-дорожной линіи; 3) въ налогѣ на приростъ дохода, который получается помимо усилій собственника вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, напримѣръ, усиленнаго спроса на квартиры, повышенія доходности благодаря проведенію вблизи имѣнія желѣзно-дорожной линіи и т. п.

Соціалистическая критика.

Если опасныя стороны права собственности возбудили безпокойство современныхъ законодателей, то они должны были вызвать ожесточенную критику со стороны той части государственнаго населенія, которое сильнѣе всего испытываетъ на себѣ давленіе этой радости власти. Съ такою критикою выступилъ соціализмъ. Я не имѣю въ виду ни поддерживать ихъ доводы, ни опровергать ихъ. Какъ соціологъ, я укажу только суть соціалистической критики. Только глубокое невѣжество, полное незнакомство съ ученіемъ соціализма, можетъ утверждать, будто соціалисты предлагаютъ раздѣлить всю собственность поровну или же будто они совершенно отрицаютъ право собственности. Первое просто глупо, и ни одинъ серьезный соціалистъ никогда ничего подобнаго не говорилъ. Второе слѣдуетъ понимать ограниченно. Соціалисты отрицаютъ право собственности, пока оно строится на жаждѣ власти — такой собственности, по ихъ мнѣнію, не должно быть, потому что власть допустима только, поскольку ее имѣетъ общество надъ личностью, но не въ видѣ власти личности надъ личностью. Отсюда вытекаетъ отрицаніе права собственности на орудія производ-

ства. Соціалисты отрицаютъ и второй психологическій мотивъ — обезпеченіе результата труда. По ихъ мнѣнію, трудъ долженъ быть такою же повинностью, какъ и защита отечества. Есть военная повинность, должна быть и трудовая повинность. Въ прежнее время каждый воинъ присвоивалъ себѣ въ видѣ добычи отнятое у побѣжденныхъ, а теперь ни одинъ солдатъ не смѣетъ ничего себѣ присвоивать, — съ этимъ вмѣстѣ отпалъ тотъ мотивъ, который гналъ добровольцевъ по найму въ арміи. Точно такъ же и при трудовой дѣятельности никто не долженъ разсчитывать на присвоеніе себѣ результатовъ труда, которые должны принадлежать обществу. Но соціалисты признаютъ право собственности, поскольку оно въ основаніи своемъ имѣетъ радость обособленія. Соціалисты не могли бы не признать право собственности на предметы потребленія, не разойдясь рѣзко съ соціологическими стремленіями личности противопоставить себя обществу.

Литература: *Липпертъ*, Исторія культуры, 1904, стр. 151—228; *Энгельсъ*, Происхожденіе семьи, частной собственности и государства, 1906; *Тардъ*, Происхожденіе семьи и собственности, 1906.

Лекція двѣнадцатая.

Цѣнность правосудія.

Въ настоящее время мы такъ освоились съ мыслью о правосудіи, что считаемъ его неотъемлемою принадлежностью всякаго благоустроеннаго общежитія. Каждый изъ насъ знаетъ, что если онъ не заплатитъ за квартиру, то его хозяинъ обратится въ судъ, при помощи котораго должное съ него взыщутъ. Если кто изъ насъ сниметъ шпалу и отвернетъ рельсы, то знаетъ, что не избѣгнетъ разговоровъ съ судебнымъ слѣдователемъ, прокуроромъ, судомъ. Только чеховскій Денисъ не могъ понять, какая связь между отвернутой гайкой, необходимой для ловли шелешпера, и тюрьмой. Мы знаемъ, что если намъ не отдаютъ того, что намъ принадлежитъ, судъ намъ поможетъ; если у насъ отнимутъ наше или оскорбятъ, или нанесутъ увѣчье, дѣло не останется безъ возмездія. Мы надѣемся на правосудіе. Мы почувствовали бы себя очень безпокойно, если бы въ одно прекрасное утро намъ сказали, что правосудіе отмѣняется. Мы убѣждены, что поддержаніе правосудія на должной высотѣ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственной власти. Деморализація судей, паденіе самостоя-

тельности судовъ вызываетъ въ насъ такое чувство безпокойства, какого мы не испытываемъ при извѣстіяхъ о злоупотребленіяхъ административной власти. До такой степени идея правосудія связывается въ нашемъ представленіи съ общественнымъ благоустройствомъ. Общежитіе и правосудіе, повидимому, не раздѣльны. А между тѣмъ съ какимъ трудомъ далась обществу идея правосудія.

Месть.

Первобытный человѣкъ живетъ подъ дѣйствіемъ инстинкта. А инстинктъ, этотъ осадокъ долгаго родового опыта, подсказываетъ ему, что если онъ не будетъ воздѣйствовать на причиняемую ему обиду, то количество обидъ усилится, и онъ погибнетъ. Подобно тому, какъ его глазъ моргаетъ при приближеніи къ нему какого-нибудь тѣла, подобно тому, какъ его нога, независимо отъ сознанія, вздрагиваетъ при укусѣ овода или иного насѣкомаго и тѣмъ его сгоняетъ, — такимъ же образомъ, безсознательно бросается онъ на того, кто причиняетъ ему страданіе, физическое, имущественное, нравственное. Это чувство возмездія становится столь неудержимымъ, и сознательность играетъ въ немъ такую малую роль, что воздѣйствіе обращается даже на животныхъ, напр., убиваютъ собаку, вырвавшую кусокъ мяса, свинью загрызшую ребенка, даже на предметы неодушевленные, камень, дерево. Кто изъ насъ не бранился, ударившись больно о стулъ? А кого же мы бранимъ? Поэтому не будемъ удивляться, если персидскій царь Ксерксъ велѣлъ высѣчь море, помѣшавшее ему переправиться въ Грецію.

Когда человѣкъ живетъ въ догосударственномъ состояніи, пока нѣтъ власти, которая могла бы взять на себя защиту личности противъ посторонних посягательствъ, и каждый предоставленъ самому себѣ, единственное спасеніе человѣка — ввѣриться своему инстинкту и воздѣйствовать на нарушеніе интересовъ. Таково психологическое или даже біологическое основаніе того чувства мести, которое въ настоящее время намъ кажется противорѣчащимъ идеѣ правосудія, но которое въ дѣйствительности является его родоначальникомъ. Притомъ, повторяю, месть примѣняется не въ случаѣ нарушенія права, о которомъ еще нѣтъ рѣчи, а при всякомъ внѣшнемъ раздраженіи, которое болѣзненно отражается въ сознаніи человѣка. Надо помнить, что прежде, чѣмъ человѣкъ дошелъ до высокаго принципа, «воздавать каждому должное», онъ руководствовался принципомъ: «хорошо то, что мнѣ полезно, дурно то, что мнѣ непріятно».

Месть, вошедшая въ плоть и кровь человѣка и потому ставшая чувствомъ мести,—месть, превращенная въ обязанность человѣка передъ своими ближними и потому ставшая долгомъ мести, представляетъ собой явленіе общераспространенное. Затруднительно было бы указать хотя одно общежитіе, изображаемое древней исторіей или этнографіей, которое бы не жило подъ господствомъ мести. О непротивленіи злу можно говорить не въ естественномъ состояніи, потому что иначе человѣчество вымерло бы, а только въ государственномъ, когда каждая личность охра-

няется сильною властью. Притомъ человѣкъ мститъ не только за себя лично, но и за всѣхъ близкихъ,— если онъ живетъ родовымъ бытомъ, то за родственниковъ, если онъ живетъ общиною, то за каждаго члена этой группы. Инстинктъ вѣрно подсказываетъ, что если каждый не будетъ готовъ отмстить за другого, то и за него никто не поднимется мстить, а слѣдовательно, его жизнь беззащитна. Жизнь, здоровье, имущество каждаго въ государственномъ быту охраняются отъ посторонникъ посягательствъ увѣренностью, что найдется мститель. Мысль о мстителѣ нерѣдко удерживаетъ человѣка, уже готоваго вторгнуться въ чужую область. Мысль о неизбѣжномъ мщеніи есть зачаточная мысль о неизбѣжномъ правосудіи. Страхъ мести впервые дисциплинируетъ человѣка.

Объ австралійцахъ одинъ наблюдатель пишетъ. «Самый священный долгъ изъ всѣхъ, которые туземецъ обязанъ выполнить, есть мщеніе за смерть ближайшаго родственника, которое лежитъ исключительно на немъ; до тѣхъ поръ, пока онъ не выполнитъ этого долга, его постоянно преслѣдуютъ угрозами старыя женщины; а если онъ женатъ, то его жена скоро оставляетъ его; если же онъ не женатъ, то ни одна молодая женщина не станетъ говорить съ нимъ; его мать постоянно будетъ жаловаться и плакать о томъ, что родила такого недостойнаго сына; его отецъ будетъ относиться къ нему съ презрѣніемъ; укоризны будутъ раздаваться въ его ушахъ».

Мы видѣли, что къ отличительнымъ чертамъ первобытнаго человѣка относится непредусмотри-

тельность, онъ весь живетъ настоящимъ и мало заботится о будущемъ; у него нѣтъ плановъ не только на годы, но даже на ближайшія недѣли. И только месть пріучаетъ его сдерживать себя, скрывать свои чувства, носиться съ одною неотвязною мыслью, создавать планы на будущее. Я приведу одинъ характерный примѣръ. Одинъ краснокожій индѣецъ былъ убитъ вождемъ племени Рикари измѣнически, во время переговоровъ о мирѣ, за трубкою. Братъ убитаго нашелъ выброшенный трупъ съ копьемъ, торчавшимъ въ груди. Мститель выжидалъ три года удобнаго случая. Наконецъ подъ видомъ чужестранца онъ прокрался въ хижину вождя, засталъ его съ женою у огня, подсѣлъ къ огню и даже помогъ поддерживать костеръ. Когда же вождь уснулъ, онъ пронзилъ его грудь тѣмъ самымъ копьемъ, которымъ былъ убитъ братъ, и которое онъ захватилъ съ собой. А затѣмъ, убивъ и жену, скрылся. Сколько выдержки требуетъ такое поведеніе, особенно, если принять въ соображеніе, что это дѣйствуетъ дикарь, несдержанный и непредусмотрительный во всемъ остальномъ.

Между прочимъ, въ указанномъ примѣрѣ обнаруживается желаніе при мщеніи нанести виновнику тотъ самый вредъ и въ той самой формѣ, какъ это было причинено жертвѣ. Здѣсь господствуетъ принципъ «око за око, зубъ за зубъ». Этотъ принципъ иначе называется таліономъ и замѣчательно, что этотъ принципъ наказанія, свойственный всѣмъ первобытнымъ народамъ, великій учитель нравственности, великій Кантъ провозгла-

силъ единственно допустимымъ принципомъ наказанія для культурнаго человѣчества.

Ограниченія мести.

Однако всегда ли общество можетъ спокойно и даже съ одобреніемъ смотрѣть на месть? Мы видѣли, что во время военныхъ дѣйствій, съ цѣлью защиты или нападенія всѣ подчиняются вождю. Акты мести въ такое время были бы явно вредны для всѣхъ, и вождь не можетъ ихъ допустить. Успѣхъ внѣшней войны требуетъ внутренняго мира. Вотъ великій принципъ, построенный на законѣ борьбы за существованіе, который дѣйствуетъ въ теченіе всей исторіи человѣчества и вліяетъ рѣшительно на общественную организацію.

Мы видѣли, что временная власть вождя переходитъ постепенно въ постоянную. Но соотвѣтственно тому и принципы его управленія съ военнаго положенія переходятъ и на мирное. Если въ составѣ его подчиненныхъ оказывается нѣсколько враждебныхъ другъ другу родовъ, которые находятся въ состояніи безконечнаго мщенія, облегчаемаго благодаря сближенію, — то вождю грозитъ опасность остаться безъ подданныхъ. Его личный интересъ заставляетъ его требовать мира. Каждый изъ родовъ, вошедшихъ въ союзъ, не въ состояніи по своимъ нравственнымъ понятіямъ отказаться отъ долга мести, но они должны будутъ подчиниться, если какая-нибудь сила, стоящая надъ ними, запретитъ имъ то, къ чему обязываетъ ихъ преданіе. Теперь, объединившись въ союзъ, они начинаютъ понимать, что месть, которая, при разрозненномъ ихъ бытѣ, одна

и обезпечивала ихъ существованіе, уже является препятствіемъ къ сплоченію, а слѣдовательно, и къ успѣшной борьбѣ за существованіе.

Вмѣшательство власти.

Организація власти, сначала военной, а потомъ политической, впервые налагаетъ руку на месть. Это есть дѣло вождя, который дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ совмѣстно съ главами родовъ, объединившихся въ союзъ, — старѣйшинами. Вмѣстѣ они производятъ судъ по поводу всякаго нарушенія мира внутри общежитія. Картины такого суда сохранились. Такъ, въ Иліадѣ на щитѣ Ахиллеса изображается такой судъ старѣйшинъ. Такая картина повторяется у всѣхъ народовъ кельтскаго, германскаго и славянскаго происхожденія.

Но не такъ легко искоренить обычай, который глубоко засѣлъ въ природу человѣка. Отказаться отъ мести, выжидать долгаго суда, видѣть своего врага свободно разгуливающимъ и, можетъ-быть, посмѣивающимся надъ терпѣніемъ и довѣріемъ мстителя къ правосудію, — это свыше силъ. Поэтому зародившаяся власть подступаетъ къ дѣлу весьма осторожно. Она не запрещаетъ месть, она стремится лишь упорядочить ее, ввести ее въ извѣстныя рамки, менѣе вредныя для общежитія. Это упорядоченіе сводится прежде всего къ ограниченію числа лицъ, призванныхъ къ мщенію. Весь ужасъ мести заключался въ томъ, что два враждебныхъ рода не прекратятъ обоюдныхъ актовъ мести, пока останется въ живыхъ хоть одинъ представитель другого рода. Долгъ мести лежалъ на каждомъ родственникѣ. И вотъ власть начинаетъ

съ того, что она признаетъ за одними право мести, въ силу лежащаго на нихъ нравственнаго долга, а за другими, болѣе отдаленными родственниками, отвергаетъ это право и угрожаетъ карою тому изъ нихъ, кто не сдержится. Краткая Русская Правда начинается такъ: «убьетъ ли мужъ мужа, то мстить ли брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или племяннику за дядю. А если не будетъ мстителя (законнаго), то 40 гривенъ за голову». Буквальный смыслъ приведенной статьи какъ будто такой, что законъ вмѣняетъ въ обязанность месть, но въ дѣйствительности онъ только перечисляетъ тѣхъ, за кѣмъ онъ признаетъ право мести. Послѣднія слова приведенной статьи указываютъ и на другое ограниченіе мести: гдѣ нельзя мстить, тамъ можно взыскивать денежный штрафъ. Жизнь виновнаго выкупается деньгами, и миръ достигнутъ. По этому пути и вообще идетъ право мести съ утвержденіемъ государственнаго начала. Когда при сліяніи родовъ чувство мести ослабляется, острота его проходитъ, то возникаетъ большой соблазнъ воспользоваться выкупомъ. Конечно, отмстить и убить врага — дѣло достойное, но и деньги не послѣднее дѣло. Въ душѣ человѣка начинается борьба между традиціоннымъ чувствомъ долга и своекорыстнымъ расчетомъ. Побѣждаетъ второе, и власть этимъ пользуется, устанавливая различныя высокія вознагражденія за убійство, увѣчья, оскорбленія, похищенія. Получается уголовный прейсъ-курантъ, который составляетъ наибольшее содержаніе средневѣковыхъ законодательныхъ сборниковъ. Нельзя не замѣтить,

что эта система такъ называемыхъ композицій носитъ нѣсколько классовый характеръ. Богатый всегда можетъ откупиться отъ совершоннаго проступка, а бѣдный долженъ поплатиться головой. Но такъ смотритъ и власть: ей важно сохранить убійцу, если онъ принадлежитъ къ дружинѣ, и совершенно безразлично, живъ или мертвъ какой-то смердъ. Однако чувство мести иногда такъ глубоко вкореняется въ сознаніе населенія, что не только соблазнъ выкупа, но и угроза кары со стороны государства, не въ состояніи вырвать его изъ души. Примѣромъ можетъ служить до сихъ поръ Корсика съ ея «вендеттой».

Преступленіе, какъ обида потерпѣвшаго.

Власть налагаетъ свою руку на месть въ интересѣ сохраненія мира. Но самое преступленіе она разсматриваетъ не съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, а съ точки зрѣнія обиды потерпѣвшаго. Интересно, что Русская Правда вся построена на этой частно-правовой точкѣ зрѣнія. Убили человѣка — это обидѣли его семью; изранили человѣка, ударили его, отняли у него жену — его обидѣли. Обида и тамъ, гдѣ человѣка ударили плашмя мечомъ, обида и тамъ, гдѣ ему отрубили кисть руки, обида и тамъ, гдѣ не отдаютъ взятаго коня, обида и тамъ, гдѣ другой получилъ наслѣдство недолжнымъ образомъ. Все обида, т.-е. всюду нарушенъ частный интересъ, а не государственный.

Эта частная точка зрѣнія проходитъ красною нитью и черезъ весь порядокъ отправленія правосудія. Оскорбленный является передъ королемъ,

княземъ, вообще вождемъ и жалуется на обиду. Назначается день суда, но власть и не подумаетъ позаботиться сама о приводѣ обвиняемаго, обидчика, хотя бы то былъ убійца. Это дѣло самого обиженнаго. Онъ долженъ позаботиться и привести его, хотя бы за шиворотъ. Если тотъ сопротивляется, можно прибѣгнуть къ помощи друзей. Та же частная точка зрѣнія сказывается и въ способахъ доказыванія вины. Изслѣдовать обстоятельства дѣла — это не дѣло власти. Изъ двухъ спорящихъ одинъ не правъ, и Богъ всегда обнаружитъ это. Для этого прибѣгали къ суду Божію, къ испытанію водой, огнемъ, раскаленными углями и т. п. Другой способъ обнаруженія правды, — это поединокъ. Намъ бы казалось, что исходъ дуэли опредѣляется тѣмъ, кто лучше владѣетъ оружіемъ, но малокультурный человѣкъ думаетъ, что въ поединкѣ побѣждаетъ тотъ, за кого Богъ, а Богъ за того, кто правъ. Значитъ, результатъ дуэли ясно обнаруживаетъ, въ чью сторону должно состояться рѣшеніе. Далѣе, дѣло суда рѣшитъ, кто правъ, — этимъ задача правосудія выполнена. Привести же рѣшеніе въ исполненіе, это дѣло самого заинтересованнаго, — какъ хочетъ.

Итакъ, первый шагъ на пути правосудія—это упорядоченіе мести и введеніе судебнаго разбирательства для опредѣленія наличности обиды.

Преступленіе, какъ обида общества.

Еще болѣе трудный и важный шагъ — это переходъ отъ частной точки зрѣнія на правонарушенія къ государственной. До сихъ поръ виновникъ наказывался, потому что онъ причинилъ обиду по-

терпѣвшему. Теперь возникаетъ новый вопросъ, а не обидѣлъ ли онъ само общество или государство? Виновный несетъ наказаніе, потому что онъ обидѣлъ потерпѣвшаго. Теперь возбуждается вопросъ, а не надо ли виновнаго наказывать, чтобы другимъ было не повадно? Виновный терпитъ наказаніе, потому что причинилъ вредъ потерпѣвшему, и съ частной точки зрѣнія всякое преступленіе опредѣляется величиною испытаннаго вреда. Теперь возникаетъ мысль, не надо ли различать, умышленно или неумышленно причиненъ вредъ, потому что съ общественной точки зрѣнія не столько важенъ размѣръ вреда, сколько намѣреніе, степень умысла, настроеніе злой воли преступника. Вотъ какіе новые вопросы встаютъ на пути правосудія.

Какъ трудно даются эти идеи, которыя мы воспринимаемъ чуть не со школьной скамьи, можно видѣть изъ слѣдующаго. Наша лѣтопись сообщаетъ, что епископы, явившіеся въ Россію съ принятіемъ христіанства, сказали великому князю Владимиру: «Разбойники размножились, зачѣмъ не казнишь ихъ?» На это Владимиръ отвѣчалъ: «Боюсь грѣха». Епископы возражали: «Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; тебѣ должно казнить разбойника, разобравъ дѣло». Вникнемъ въ суть этого сказанія, которому не всегда дается правильное освѣщеніе. Во времена Владимира господствуетъ частное начало родовой мести. Рѣчь идетъ не о разбойникахъ въ современномъ смыслѣ слова, а объ убійцахъ, которые считали себя въ правѣ нападать на чужихъ,

проѣзжавшихъ съ товарами или на тѣхъ, съ кѣмъ были въ ссорѣ. На этомъ вопросѣ столкнулись два міровоззрѣнія. Епископы греческіе явились изъ культурнаго государства, гдѣ идея наказанія преступниковъ государственною властью давно утвердилась. Съ другой стороны, Владимиръ, представитель такого строя, гдѣ господствуетъ всецѣло частно-правовая точка зрѣнія. Съ какой стати онъ будетъ подвергать смерти убійцъ, которые не трогали его родныхъ? У жертвы имѣются свои мстители. Не будетъ ли съ его стороны нарушеніемъ нравственныхъ и божескихъ законовъ, если онъ будетъ казнить неповинныхъ передъ нимъ людей. Вотъ смыслъ его словъ: «Боюсь грѣха». Идея карательной власти не соотвѣтствовала всему его міровоззрѣнію, основанному на глубокой старинѣ. Онъ уступилъ епископамъ, но не надолго: Русь того времени не доросла до государственной точки зрѣнія Греціи.

Преобразованіе карательной дѣятельности.

Дальнѣйшій ходъ эволюціи правосудія и состоитъ въ томъ, что государственная точка зрѣнія все болѣе оттѣсняетъ частную какъ на самое правонарушеніе, такъ и на изслѣдованіе факта его. Государство караетъ, имѣя въ виду не актъ мщенія, хотя нѣкоторые утверждаютъ, будто карательная дѣятельность государства есть только переходъ мести изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки государства. Карательная дѣятельность не есть мстительная, а предупредительная, обезпечивающая. Конечно, возможно, что какой-нибудь общественный классъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государ-

ственную власть, используетъ уголовное правосудіе, чтобы разсчитаться со своими врагами. Но вѣдь всякій же и понимаетъ, что это не есть осуществленіе идеи правосудія, а ея извращеніе, не торжество государства, а его униженіе. Изъ того, что пожарною кишкою пользуются при разгонѣ противозаконнаго сборища на площади или при извлеченіи преступника, укрывшагося въ квартирѣ, никто не скажетъ, что таково и есть назначеніе пожарнаго инструмента. Идея правосудія строится на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ месть. Въ противоположность послѣдней, удовлетворяющей накипѣвшему чувству лица пострадавшаго, карательная дѣятельность государства предусматриваетъ возможность повторенія случаевъ, опасныхъ для общежитія. Власть должна смотрѣть не на прошедшее, а въ будущее.

Но переходъ отъ одной точки зрѣнія къ другой представляетъ огромную трудность, и намъ, можетъ-быть, не легко себѣ представить, какого умственнаго напряженія, сколько борьбы съ преданіями и предразсудками пришлось выдержать при эволюціи правосудія.

Литература: *Сутерландъ*, Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта, 1900, стр. 643—697; *Абрашкевичъ*, Эволюція преступленія, 1903; *Шурцъ*, Исторія первобытной культуры, 1907, стр. 625—648.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Цѣна 40 коп.